

И.Р.Фрадин

Страницы
ЖИЗНИ

*В музей Пермского
государственного университета.*

И. Р. Фрадин

***СТРАНИЦЫ
ЖИЗНИ***

Издательство
Пермского университета
Пермь 2001

ББК 84.3(0)6
Ф 82
Фрадин И. Р.

Ф 82 Страницы жизни. Редактор-составитель А. С. Стабровский. Адаптация для веб А. В. Пустовалов. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001, 2019. 124 с.
ISBN 5-8241-0274-0

Читателям предлагается книга воспоминаний бывшего начальника учебной части военной кафедры, позднее – начальника отдела кадров Пермского государственного университета, участника Великой Отечественной войны И. Р. Фрадина, награжденного орденами Боевого Красного Знамени, Кутузова III степени, двумя орденами "Отечественная война" I степени, Красной Звезды и 20 медалями.

Автор выражает признательность Л. С. Журавлёву за оказание благотворительной помощи и всем сотрудникам университета, принявшим участие в подготовке и издании книги.

ISBN 5-8241-0274-0

© И. Р. Фрадин, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>Предисловие</u>	5
<u>1. Детские и юношеские годы</u>	4
<u>2. Служба в армии. Канун войны</u>	10
<u>3. Начало войны. Бои на подступах к Ленинграду</u>	15
<u>4. Блокада</u>	21
<u>5. Прорыв блокады</u>	35
<u>6. Подготовка к решающим боям</u>	38
<u>7. Снятие блокады</u>	44
<u>8. Развитие наступления. Освобождение Ленинградской области и Эстонии</u>	47
<u>9. Перегруппировка на 3-й Белорусский, а затем на 1-й Украинский фронты</u>	60
<u>10. Висло-Одерская операция. Выход к реке Одер. Бои за плацдарм</u>	63
<u>11. Бои за Одером. Нижне-Силезская (80–24 февраля) и Верхне-Силезская (15–30 марта) операции</u>	68
<u>12. Оборона южнее окруженного Бреслау</u>	75
<u>13. Последние бои. С войной покончили мы счеты. Служба в ЦГВ</u>	77
<u>14. Учёба в высшей офицерской школе. Служба в Заполярье</u>	86
<u>15. Учёба в Москве. Служба в УрВО</u>	89
<u>16. Работа в вузах</u>	98
<u>17. Увольнение из рядов Вооруженных Сил</u>	100
<u>18. 1985-й и другие годы перестройки. Куда мы идем?</u>	103
<u>19. Август 1991-го. Тяжелые месяцы 1993-го. Борьба за власть</u>	108
<u>20. Итоги 1994 года</u>	113
<u>21. 1995 год – год 50-летия Победы</u>	115
<u>22. Трагедии начала 1996 года. Последующие годы развала России</u>	117
<u>23. Приход Путина к власти</u>	121

*Жизнь прожить - не поле перейти.
Внучке моей Юле посвящается...*

Предисловие

При подготовке и проведении юбилейных мероприятий в 1965 году, посвященных 20-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, в стране была проделана большая работа, которая активизировала ветеранов и привела к тому, что участники войны начали искать своих однополчан." Где же вы теперь, друзья-однополчане?" и "Никто не забыт, и ничто не забыто" – эти слова облетели всю страну и стали девизом фронтовиков.

Участники войны стали посещать места бывлых боев, где прошла их боевая молодость. На этих встречах воспоминаниям не было конца, многие приступили к сбору материалов, отражающих боевой путь, боевые действия своих подразделений.

В то время началось издание в больших масштабах мемуарной литературы. Каждый фронтовик стремился сказать свое слово о войне, о том, как добывалась победа, о друзьях, товарищах. Бывший командир нашей дивизии, генерал-майор Алексей Васильевич Батлук в своих письмах просил поделиться воспоминаниями и описать те или иные моменты боевых действий частей и подразделений 120-й стрелковой Гатчинской Краснознаменной дивизии, написать о себе, товарищах и боевых друзьях.

Многие однополчане обращались ко мне с просьбой начать работу по сбору материалов о наших боевых делах. И я стал делать наброски всего того, что помнил, иногда пользовался некоторыми архивными документами, полученными от комдива, и письмами командира полка, командиров подразделений. Мои воспоминания включают описания детства и юности, когда в детское сознание вошли военные, их жизнь и дела, затем учеба в школе, ФЗУ, занятия в аэроклубе и, конечно же, служба в армии, которой отданы лучшие 35 лет жизни. Стремился изложить все без прикрас, правдиво – все как было.

1. Детские и юношеские годы

Было это в Чернигове в 1925 году, и было нам в ту пору 5-6 лет отроду. Воинское подразделение, с оркестром проходившее по нашей улице, заморозило нас, малышей, и мы, стремясь идти в ногу с красноармейцами, не заметили, как оказались далеко за городом, в открытом поле. К этому времени стемнело, и многие из нас отстали от шагнувших в ночь воинов, очутились в довольно сложном положении, не зная, куда идти. Не помню, каким образом мы вышли на окраину города, где в это время наши родные в тревоге разыскивали нас. За этот марш нам от родителей изрядно "влетело", но у многих из нас появилась любовь к военным, шедшим стройными рядами, к маршевой музыке духового оркестра.

Мои родные хотели, чтобы я стал скрипачом. Несмотря на мое нежелание, они отдали меня в музыкальную школу, где некоторое время я учился играть на скрипке. Но поскольку это было не мое призвание, я вскоре прекратил это сложное для меня занятие. Много было споров, в какую общеобразовательную школу мне поступать. Родные были склонны отдать меня в украинскую школу, но в самый последний момент передумали, и я начал учиться в русской школе № 2 им. Войкова.

С первого по пятый класс учиться было легко и учился я только отлично. В дальнейшем у меня пошли сбои, начал интересоваться техникой, радиodelом, завел голубей, кроликов, которых очень полюбил. Все это требовало времени, учебе в школе стал уделять меньше внимания, и, естественно, это отразилось на моих успехах. Учиться я стал, как тогда говорили, ниже своих возможностей.

Когда мне было лет десять, нас увлекли жизнь и быт кавалерийского разведывательного дивизиона, располагавшегося недалеко от нашей улицы. Полюбились нам лихая езда и рубка лозы, мастерски выполняемые кавалеристами. Часами простаивали мы у решетчатого забора, наблюдая за учебой красноармейцев. У нас появилась любовь к лошадям, к этим умным животным.

Вскоре мы подружились с некоторыми красноармейцами и командирами, нас иногда заводили в казарму, столовую и клуб, присутствовали мы и при чистке лошадей у конюшен, потеряв покой и сон, только и думали о воинской службе, в которой еще мало разбирались. Ежедневно после занятий в школе мы всей гурьбой бежали к этой воинской части. Мы изучили полностью весь распорядок дня, жизнь и быт красноармейцев.

Так продолжалось несколько лет. Вскоре эта воинская часть была переведена в другой район. Сейчас на том месте, где располагалась воинская часть, осталось только здание, в котором размещался Черниговский областной комитет ДОСААФ.

Остальная территория разведывательного дивизиона до улицы Щорса застроена новыми жилыми многоэтажными зданиями.

С детства я с большим увлечением относился к своим предкам – бабушкам и дедушкам.

Дедушка по отцовской линии родился в 1861 году, в год отмены крепостного права, в деревне Воробьев Черниговской губернии. С ранних лет он работал кузнецом. Его большая семья (у деда было восемь детей) переехала в Чернигов, где дедушка продолжал работать кузнецом. Мы, малыши, его внуки, часто наведывались к нему и восхищались его умением покорять металл. Иногда помогали поддувать мехами воздух, поддерживая необходимую температуру огня. Однажды дедушка по моей просьбе выковал коленчатый вал для педального автомобиля, который я собирался построить. Но с моей затеей ничего не вышло. Автомобиль получился громоздкий, и требовались большие усилия, чтобы стронуть его с места.

Позднее, по состоянию здоровья, дедушка не мог работать в кузнице, стал сторожем большого сада.

С началом войны и приближением немецко-фашистских войск к Чернигову большая родня эвакуировалась на восток. Во время следования эшелона в районе Курска авиация противника обстреливала и бомбила эшелон. В одном из налетов дедушка был тяжело ранен и вскоре умер.

Бабушку очень уважали все члены большой родни и многочисленные соседи. Она обладала какой-то особой силой внушать, воздействовать на людей, была повитухой. Она успевала побывать во всех семьях своих детей, оказывала им необходимую помощь, воспитывала нас, многочисленных внуков. У нее было 8 детей, 16 внуков, 25 правнуков и 33 праправнука. Судьба разбросала их по всему свету. Бабушка умерла в Чернигове в возрасте 90 лет.

Дедушка по материнской линии, очень спокойный человек, работал извозчиком. Умер в начале 30-х годов. Бабушка рано умерла, я ее не знал. Жил дедушка со второй женой, было у него 7 детей от обоих браков. Жили бедно, но дружно.

Четыре дяди, как по отцовской линии, так и по материнской, в разное время служили в армии, призываясь на определенные сроки. С началом войны все они были призваны в армию и принимали участие в боевых действиях. Призваны были и мой отец, младший брат и три двоюродных брата. Отец воевал на Волховском фронте, младший брат – на Южном. Оба они и один из двоюродных братьев вернулись с войны инвалидами. Не вернулись с войны три дяди, один из них погиб в Севастополе, где на одном из памятников высечена его фамилия.

Кадровым военным в нашей родне был только бабушкин брат, служивший в начале века в гусарском полку. Одна тетья с мужем участвовали в гражданской войне, были бойцами 44-й дивизии Щорса.

Из нашего поколения я одним из первых, как военнообязанный, был призван в армию в 1939 году на 2-3 года, но в связи с ситуацией, созданной войной, стал в январе 1942 года кадровым офицером.

Кадровым офицером стал и двоюродный брат, окончив после войны Ленинградское артиллерийское училище.

Наша жизнь, в детстве была насыщена самодеятельным творчеством, мы изготавливали фанерные громоздкие фотоаппараты, педальные автомобили, занимались авиамоделизмом. Полубилось мне и радиодело. Ваня Обуховский – мальчик из соседнего дома – помогал мне разбираться в сложных технических вопросах. Он имел (в то время – редкость) двухламповый приемник. Я приобрел тогда детекторный приемник. Мы изучали устройство радиоприемников, разбирались в схемах и делали простейшие модели электромоторчиков.

Нам пришлось пережить тяжелые 1932 – 1933 годы. На Украине разразился страшный голод. Было мне тогда лет 13, возраст, требующий нормального питания, а его не было. Ни одна крошка не оставалась на столе, все собиралось и отправлялось в рот. Люди падали в обморок от голода, начинали пухнуть и умирать. Мои родные приняли все меры, чтобы как-то накормить нас, троих детей. Они продали свадебные подарки, серебряные ложки, обручальные кольца и через магазин "Торгсин" приобретали муку, из которой пекли хлеб. В то тяжелое время мать начала работать надомницей – обертывала конфеты для конфетной фабрики. Я часто помогал матери, но это оказалось не совсем простым делом. Часто от этой работы сводило пальцы. Недоедание отразилось на состоянии здоровья, появилось головокружение и малокровие, чаще начал болеть. Оглядываясь на прошлое, удивляешься, как могло случиться, чтобы такой богатый край, как Украина был доведен до голода. Во все времена Украина была богата зерном, мясом, фруктами, ягодами и овощами, и вдруг – голод.

Вдруг ли это, и результат ли это непродуманного ведения народного хозяйства и неразумной деятельности руководящих звеньев страны того периода?

Летом 1934 года положение начало улучшаться, появился вкусный хлеб, тогда впервые я познал, что же такое хлеб.

Любовь с детского возраста к военным в некоторой степени повлияла на мою дальнейшую судьбу. Правда, еще одно обстоятельство сыграло определенную роль в выборе специальности до службы в армии. Обнаружив однажды, что кавалеристы выехали, возвращаясь домой, я остановился у окна здания, где находилась школа ФЗУ, и обратил внимание на токарный станок в действии. За станком стоял юноша и обрабатывал какую-то деталь. Тонкая блестящая стружка, извиваясь спиралью, сползала с резца. Ученик токаря улыбался, и по его лицу было видно, что он очень гордится своей специальностью.

С этого момента токарный станок меня пленил, и вскоре, после окончания 7 класса, я поступил в школу ФЗУ на токарное отделение. Специальность токаря мне очень понравилась. Быстро усваивая теоретический курс, я приобретал практические навыки. Овладев токарным станком, легко выполнял все задания.

В период обучения в ФЗУ создавались оборонно-массовые кружки. Многие из нас поступили в Черниговский аэроклуб, где изучали материальную

часть самолета и планера, технику полета и, кроме того, выполняли полеты на учебных планерах в районе села Количевка. Сейчас там находится Черниговский аэропорт. Учащиеся ФЗУ, зачисленные в аэроклуб, с любовью относились к стареньким планерам и успешно выполняли начальные упражнения. Вся учеба в аэроклубе проводилась в выходные дни и в свободное время.

Помню свой первый самостоятельный полет. Прошел он не совсем удачно. Поскольку я был легче остальных курсантов, а задания по натяжке амортизатора (резинового каната) и исходному положению штурвала были одинаковы для всех, мой планер после старта резко взмыл вверх. Ориентируясь по высоте телефонных столбов вдоль дороги слева, я понял, что взлетел выше положенного, и, боясь, что планер будет продолжать набирать высоту, резко отвел от себя штурвал. Планер, повинуясь, пошел на снижение. Стремясь выровнять его, взял штурвал на себя. Делал это очень резко, в результате планер опять пошел вверх, и так продолжалось несколько раз. Планер мой "закозлил", и посадка прошла не лучшим образом – треснула посадочная лыжа.

В подавленном настроении выбрался из планера, подошел к инструктору с докладом о выполнении задания, полагая, что мне здорово попадет и что буду отстранен от полетов. Инструктор сделал замечание, указал на мои ошибки и, к моему удивлению, потребовал повторить полет на другом планере.

Второй полет прошел значительно лучше, и я получил большое удовлетворение. Последующие полеты проходили успешно. Каждый раз задание усложнялось, мы летали не только по прямой, но и с разворотами под определенными углами и посадками в заданном месте. Великое это чувство свободного полета, его нельзя описать, его надо испытать.

Настало время выполнять более сложные упражнения 2-й ступени – полеты со склонов. Но мне не суждено было больше заниматься планерным спортом. А произошло вот что. Во время поисков наиболее удобных склонов, при преодолении небольшой речушки, лед которой оказался тонким, я провалился по пояс в ледяную воду. Было это в 10 км от города, и пока мы добрались до города, я весь окоченел и заледенел, в результате заболел, долгое время лечился, и врачи запретили мне заниматься планерным спортом. Моя мечта заниматься планерным спортом не сбылась.

К этому времени мы уже изучили материальную часть двигателя самолета У-2.

Время обучения в аэроклубе запомнилось на всю жизнь. Особенно памятны были дни, когда в синих комбинезонах с голубыми петлицами, в пилотках приветствовали торжественные собрания и ходили строем по городу в праздничные дни. С горечью расставался с мыслью об авиации, что больше не придется садиться за штурвал планера или самолета.

После окончания ФЗУ работал токарем в Черниговских судоремонтных мастерских Днепровского управления речного пароходства, а затем на Черниговской городской электростанции.

Период с 1936 по 1938 год был отмечен успехами в народнохозяйственном строительстве. Но вместе с тем происходили непонятные и неприятные события.

Часто из печати и других источников информации узнавали об арестах врагов народа. Было их в ту пору почему-то очень много. Среди них встречались и знакомые: с некоторыми довелось работать, других видеть и слышать их выступления. Это были простые, рядовые рабочие и инженерно-технические работники, служащие, а также руководящие работники. Большинство из них были активными участниками гражданской войны и строительства молодого государства.

Мы не могли понять, как это могло случиться, что они оказались врагами народа. В душе мы не верили этому. Однако печать все чаще обращала внимание на капиталистическое окружение, на происки врагов, на необходимость повышения бдительности и т. д.

В 1937 году, когда работал токарем судоремонтных мастерских, у нас арестовали инженера. Вскоре некоторых рабочих из мастерских, в том числе и меня, вызвали в управление внутренних дел и требовали дать показания по инженеру. Мы ничего не могли сказать отрицательного о нем, и вскоре его освободили. Другие же пропадали. Но мне пришлось пережить много неприятных и тяжелых дней летом 1937 года, связанных с этим делом.

Однажды, приехав утром на работу, я увидел возле нашего цеха группу рабочих и служащих, все они были очень взволнованы. Когда приблизился к цеху, ко мне подошли начальник цеха и незнакомый мне человек, оказавшийся представителем парторганизации пристани Чернигов. Объяснив причину предстоящего митинга, они потребовали от меня, как от секретаря комсомольской организации механических мастерских, выступления на митинге. >1 должен был сказать о том, что мы потеряли бдительность, что в наших рядах появились враги народа. Я отказывался, но меня заставили выступить. В выступлении я сказал, что инженер никакой не враг народа, что это ошибка. Представитель парторганизации остался крайне недоволен моим выступлением.

В обеденный перерыв я был вызван в управление внутренних дел и, отвечая на вопросы следователя, повторил то, что говорил на митинге.

В конце работы получил отпускные, путевку в дом отдыха города Черкассы и пошел домой. У калитки дома встретил озабоченную, в слезах мать, которая завела меня в дом и рассказала о том, что ее знакомый – односельчанин по деревне, где родилась мать, работник НКВД – приходил к нам и сказал, что он слышал, как следователь предлагал, чтобы меня взяли под наблюдение как пособника врага народа.

Родные, опасаясь, что в отпуске меня могут арестовать, приняли решение отправить меня в Белоруссию, к бабушкиным родственникам. Поздно вечером, когда стемнело, меня с бабушкой отправили в Гомель, а оттуда – в лесничество на границе Белоруссии и Украины. В этом районе скрывался я около месяца, а затем приехал отец и увез меня домой, так как арестованного инженера освободили.

Теперь, спустя полвека после тех тяжелых лет, стало ясно и понятно, что тогда было, кто в этом виноват, и почему это произошло. И виною тому – Сталин и его окружение, которые уничтожили лучшие кадры военных и гражданских специалистов.

Об этом тяжелом времени после XXVII съезда и особенно после апрельского пленума ЦК КПСС 1985 года начали откровенно и открыто говорить и писать, но от этого нашему поколению не легче. Размышления об этом позорном времени раздвигают наши души и заставляют задуматься, все ли делается для того, чтобы это не повторилось, все ли прониклись чувством ответственности за преступления того периода.

В 1938 году я вновь предпринял попытку поступить в аэроклуб, но медицинская комиссия меня не допустила к занятиям. Пришлось навсегда расстаться с мыслями об авиации и о самостоятельных полетах.

Годы, предшествующие службе в армии, были наполнены важными событиями и в международной жизни. В то время, да и в послевоенное, события тех лет трактовались в исторической литературе примерно так: "... В 1933-1935 годах в связи с приходом Гитлера к власти и установлении в Германии фашизма образовался очаг войны в Европе. В 1935 – 1936 годах в бассейне Средиземного моря в связи с агрессией итальянского империализма против Абиссинии и началом войны германо-итальянских фашистов против испанского народа этот очаг войны расширился.

На Дальнем Востоке империалистическая Япония продолжала свою агрессивную политику, начатую в 1931 году против Китая, в июле 1937 года развернула захватнические действия в центральном Китае.

Эти акты агрессии не встречали решительного протеста со стороны США, Англии, Франции. Уступчивость агрессорам и поощрение их захватнических действий были расценены мировым общественным мнением как явное стремление империалистических западных держав направить фашистскую агрессию против СССР.

Об этом свидетельствовали попытки японской военщины развязать войну против Советского Союза у озера Хасан в 1939 году. В этих боях против Красной Армии японские войска потерпели полное поражение и вынуждены были отказаться от дальнейших авантюр.

В 1939 году международное положение еще более обострилось. Германия, Япония и Италия начали открыто готовиться к новой мировой войне. Был взят курс на ускоренное развитие экономики в интересах подготовки и развязывания агрессивной войны, особенно быстро развивалось военное производство.

Наше правительство, сознавая большую опасность, которой подвергалась наша страна в случае агрессии со стороны фашистской Германии или блока крупнейших империалистических государств, наряду с экономической подготовкой страны к войне огромное внимание уделяло всесторонней подготовке армии к войне..."¹ Достаточно привести некоторые данные из книги "Вторая мировая война 1939–1945 гг.": "... Численность вооружения, которым располагала Красная Армия в 1939 году, возросла по сравнению с 1930 годом по танкам – в 43 раза, по самолетам – в 6,5 раза, по артиллерии – почти в 7 раз, по противотанковой артиллерии – в 70 раз, по пулеметам – почти в 5,5 раза...", "... За предвоенные годы увеличилось число кораблей разных типов и классов, особенно большие успехи были достигнуты в строительстве подводного флота..."²

¹ Вторая мировая война в 1939–1945 гг. М: Изд-во МО, 1958. С. 162

² Там же..

”...Бомбардировочная авиация по сравнению с 1932 годом выросла вдвое, а численность истребительной авиации увеличилась в 2,5 раза...”¹

Так ли все было на самом деле, сейчас сказать сложно, ведь вступили в войну наши вооруженные силы, как известно, недостаточно подготовленными, это я испытал на себе в начальный период войны.

Летом 1939 года над Черниговом в западном направлении пролетала большая группа тяжелых бомбардировщиков. Пролетали они на небольшой высоте, и мы, в то время молодые парни-призывники, по-своему оценивали этот перелет и международную обстановку. Мы восхищались мощностью нашей авиации и не могли знать, что в начале войны эти тихоходные бомбардировщики являлись хорошей мишенью для фашистских истребителей.

Мне самому приходилось наблюдать, как в начале июля 1941 года в районе города Псков группа наших тяжелых бомбардировщиков подверглась нападению фашистских стервятников и почти все наши самолеты были сбиты.

2. Служба в армии. Канун войны

1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу началась вторая мировая война. Верховный совет страны принял Закон о всеобщей воинской обязанности. Таким образом, нам, призывникам, предстояло служить в кадровой армии.

В октябре 1939 года я был призван в ряды Красной Армии. Не думал я тогда, что этот призыв существенно повлияет на мою последующую жизнь. Каждый призывник чувствовал себя гордым за оказанное доверие и понимал, что служба в армии является почетной обязанностью и важной вехой в жизни человека. Юноши, не прошедшие комиссию по состоянию здоровья или по другим причинам и не призванные в армию, очень переживали, считая себя неполноценными. Они стеснялись знакомых, особенно девушек, и делали все, чтобы пойти служить в армию. Допризывная подготовка, проводимая военкоматами, готовила призывников для службы, и юноши относились к ней со всей серьезностью. Как правило, все допризывники имели значки ГТО (готов к труду и обороне), сдав определенные нормативы.

Отправка призывников в армию проходила обычно небольшими группами, без особой торжественности. Во второй половине октября 1939 года группу призывников численностью около 30 человек, в составе которой был и я, погрузили на ст. Чернигов в товарный вагон, оборудованный для перевозки людей, и отправили в Киев, где в течение суток формировался эшелон призывников. Эшелон взял курс на запад.

К этому времени из печати и сообщений по радио мы знали, что фашистские войска быстро продвигаются по территории Польши.

---

¹ Вторая мировая война в 1939–1945 гг. М.: Изд-во МО, 1958. С. 162.

Им удалось провести краткосрочную операцию, разгромить польские вооруженные силы и оккупировать страну.

17 сентября 1939 года, когда над народами Западной Украины и Западной Белоруссии нависла угроза фашистского порабощения, советские войска по приказу правительства перешли бывшую польскую границу и взяли под свою защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. Такой была трактовка этих событий в тот период. А сейчас эти действия объясняются вступлением в силу секретного пакта Молотова – Риббентропа. Тогда мы не знали о таком пакте. Да и сейчас он не найден или не обнародован. Поиск правды продолжается, так как вопросов по этому документу еще очень много.

Когда эшелон прибывал на ст. Житомир, мы наивно полагали, что едем в Западную Украину и будем там служить. Но когда эшелон проследовал Житомир и взял курс на север, мы поняли, что наше предположение ошибочно, особенно это стало ясно, когда проследовали ст. Овруч и двигались в северном направлении по Белоруссии. На ст. Калиновичи в наш эшелон погрузили большую группу призывников-белорусов. Это были парни со средним и высшим образованием, среди них было много учителей. С некоторыми из них впоследствии я учился в полковой школе, по окончании которой мы были направлены командирами отделений в одну часть города Боровичи..

Миновав Могилев и Витебск, наш эшелон продолжал следовать в северном направлении, в район Ленинграда, и мы предположили, что нам предстоит служить в войсках Ленинградского военного округа. Мы тогда еще не знали, что на Карельском перешейке назревают события, которые вошли в историю как война с белофиннами, в которой будут принимать участие войска Ленинградского и некоторых других округов.

Как-то утром мы проснулись и обратили внимание на то, что наш вагон долго стоит на месте, вокруг мертвая тишина. Кто-то открыл вагонную дверь, и оказалось, что наш и еще один вагон отцеплены и стоим мы на каком-то полустанке, кругом лес. Через некоторое время к вагонам прибыла группа военных, нам предложили взять свои вещи и выйти из вагонов. Здесь мы узнали, что находимся на станции Спасская Полнетъ и за нами приехали представители воинской части, находящейся в 15 км, на реке Волхов, в поселке Селищенские казармы, в которой нам предстояло служить.

Совершив свой первый марш, мы прибыли в военный городок – бывшие Аракчеевские казармы и были размещены в изолированном здании, где нам предстояло пройти карантин. После карантина нас распределили по подразделениям, и мы приступили к боевой подготовке. Наступила зима. Размещались в старинных казармах очень скученно: двухъярусные нары, между ними узкие проходы – все это создавало неуютную обстановку. Боевая подготовка проходила в очень напряженных условиях.

30 ноября 1939 года начались боевые действия на Карельском перешейке, и требования к подготовке войск значительно возросли. Занятия по боевой подготовке проводились по 8-10 часов в день. Много времени уделялось огневой подготовке. Первая в моей жизни стрельба боевыми патронами из винтовки прошла успешно.

Многие из нас выполнили упражнение на "отлично", за что командир роты объявил первую благодарность. Невыполнившие упражнения были оставлены на стрельбище для повторных отстрелов, а нас отправили в казарму чистить оружие. Иногда бывало, что некоторые из нас почистили не свои винтовки. Однажды перед самым отбоем меня вызвал помощник командира взвода и потребовал доложить, почему не почищено оружие. К моему великому огорчению, я сам убедился, что моя винтовка уже успела покрыться налетом ржавчины. За эту оплошность мне попало, что явилось уроком на будущее. После "отстрела" ряда упражнений нас привели к присяге, и вскоре в составе большой группы молодых солдат я был направлен в полковую школу.

В декабре 1939 года полк был отправлен на Карельский перешеек, в действующую армию, а нашу полковую школу перевели в Ленинград и разместили в бывших Семеновских казармах на ул. Рузовская, возле Витебского вокзала. Здесь был сформирован учебный батальон, в составе которого мы продолжали боевую подготовку.

Условия жизни и быта в Ленинграде были значительно лучше, чем в военном городке, но боевая подготовка велась по-прежнему напряженно. К концу учебного дня от усталости мы валялись с ног. Ленинград все еще находился в условиях военного положения, был затемнен, часто слышалась канонада, доносившаяся с Карельского перешейка, где наши войска штурмовали мощную систему укреплений.

Гарнизоны опорных пунктов, группы автоматчиков и снайперов стремились сдерживать наступление наших частей. Отступая, противник минировал дороги, разрушал мосты. В населенных пунктах, на путях движения советских частей специально оставлялись всякого рода заминированные предметы, устанавливались мины-ловушки. На деревьях вдоль дорог и троп сидели в засаде вражеские "кукушки" – автоматчики-снайперы. Небольшие финские лыжные отряды проникали в расположение советских войск, нападали на колонны и штабы. Особенно упорное сражение развернулось на линии Маннергейма 11 февраля 1940 года.

В конце февраля нас, небольшую группу курсантов, досрочно выпустили, экипировали по-фронтовому и через несколько дней направили на фронт.

В начале марта мы прибыли на ст. Терийоки, где нас должны были распределить по воинским частям командирами отделений. Но к этому времени война с белофиннами была закончена. Финляндия не могла больше воевать против советских войск, вынуждена была просить мира. Советское правительство не было заинтересовано из-за больших потерь в продолжении войны. 12 марта в Москве был подписан мирный договор, по которому Финляндия отодвигала свою государственную границу на Карельском перешейке севернее линии Выборг, Сортавала, передавала Советскому Союзу часть полуострова Рыбачий и Средний, а также сдавала в аренду на 30 лет полуостров Ханко с прилегающими островами.

Через несколько дней после завершения боевых действий на Карельском перешейке нас вернули в полковую школу.

В Ленинграде к этому времени было отменено военное положение, снята светомаскировка и началась нормальная мирная жизнь, а мы продолжали боевую подготовку с учетом опыта прошедших боевых действий.

2 мая 1940 года наша учебная рота показывала на Дворцовой площади штурм долговременных оборонительных сооружений, по опыту боевых действий на линии Маннергейма. Учения были хорошо подготовлены и проведены. Мы так усердно ползли перед штурмом, что протерли брюки на коленях до дыр. Тысячи ленинградцев наблюдали за нашими действиями, многие женщины плакали. Причин для этого было много. Наши войска на Карельском перешейке понесли большие потери, и среди этих женщин, видимо, были знакомые и родственники тех, кто сложил головы в снегах Финляндии, не ведая, за какие идеалы и цели. Историки должны сказать правду об этом пограничном конфликте, кто его организовал и кто в ответе за загубленные жизни.

Весна и лето пролетели очень быстро. В связи с выходом войск Ленинградского гарнизона в лагеря нам было поручено нести гарнизонную службу в городе. Особенно по душе пришлось патрулирование по городу. Ленинград дорог каждому человеку. Во время патрулирования мы его изучали, восхищались его музеями и дворцами, проспектами и каналами, величественной Невой и белыми ночами.

Ленинградцы в то время очень дружелюбно относились к воинам, и при нашем появлении где-либо в общественных местах нас окружали простые люди, завязывалась дружеская беседа. Нас иногда приглашали к себе в гости, в пивные, куда нам, к сожалению, запрещалось заходить.

В июле 1940 года по окончании обучения в полковой школе нам присвоили воинские звания младших командиров и разослали по частям округа. Я был направлен в город Боровичи на должность командира отделения в запасной стрелковый полк, на базе которого начала формироваться 177-я стрелковая дивизия. Командиром дивизии был назначен Герой Советского Союза полковник Н. С. Угрюмов. В период войны на Карельском перешейке он командовал стрелковым батальоном, был в то время капитаном. Подразделения его батальона показали образцовые действия. Угрюмов быстро продвигался по службе и к нам прибыл в качестве командира дивизии.

Город Боровичи в довоенное время был небольшим районным центром с кустарным производством и предприятиями огнеупорных изделий. Наш 486-й стрелковый полк располагался на окраине города, рядом – учебные поля и стрельбище. Боевая подготовка в период формирования дивизии была направлена на устранение многих недостатков, выявленных в ходе боевых действий на Карельском перешейке. Особое внимание уделялось умению вести боевые действия в лесистой местности в зимних условиях, при наличии у противника долговременных огневых сооружений.

Зимой мы часто совершали лыжные походы в село Кончанское, родовое имение Александра Васильевича Суворова, куда ссылался под надзор полиции великий полководец.

Большое внимание уделялось так называемой полевой втянутости личного состава. Систематические походы и лыжные кроссы подготовили нас к суровой походной жизни. Следует признать, что трудности, с которыми нам пришлось столкнуться в первые годы армейской жизни, переносились сравнительно легко. Это результат того, что до армии большинство из нас занимались спортом – велосипед, футбол, волейбол закаляли организм. Вскоре нам присвоили сержантские звания и выдали новые знаки различия.

В мае 1941 года части дивизии выехали в летние лагеря в район ст. Серебрянка под городом Луга. Там мы продолжали совершенствовать боевое мастерство в полевых условиях. Особенно упорно занимались огневой подготовкой, осваивали новые автоматы ИГД (пистолет-пулемет Дегтярева). К сожалению, автоматы первых выпусков оказались очень капризными. Малейшее засорение ствольной коробки приводило к тому, что автоматы отказывали.

Напряженная международная обстановка, повышенная требовательность командиров свидетельствовали о том, что военные тучи сгущаются. Но в то же время заявление ТАСС, в котором опровергалась угроза нападения Германии на СССР, а сосредоточение немецких войск у советских границ объяснялось причинами, не имевшими ничего общего с советско-германскими отношениями, притупило бдительность и отрицательно сказалось на боевой готовности войск.

Однажды, когда мы возвращались со стрельбища в расположение лагеря, нас, небольшую группу младших командиров и солдат, остановил командир полка подполковник Харитонов. Нам изрядно влетело за отсутствие четкого строя во время движения – дорога была песчаная и очень пыльная, каждый стремился идти по обочине, где меньше пыли. Проверив наше оружие, он обратил внимание на повышение бдительности, на то, что оружие должно быть всегда готовым для открытия огня, а у некоторых из нас оно оказалось перебинтованным, чтобы не попали пыль и грязь. На следующий день нам попало за эти нарушения от командира нашей роты.

Особенно запомнился последний мирный, предвоенный день – 21 июня 1941 года. Наша рота после обеда заступила в лагерный наряд. Некоторые младшие командиры, в том числе и я, свободные от наряда и работ, предвкушали хороший, спокойный отдых в воскресенье 22 июня. В этот субботний теплый летний вечер мы долго играли на спортивной площадке в волейбол, а затем пошли купаться на реку. Никто из нас не предполагал, что это последний предвоенный вечер проводим в мирных условиях и что завтра начнется война.

В это время, как впоследствии стало известно из военной литературы, в правительстве, наркомате обороны, генеральном штабе шла напряженная работа, связанная с тем, что германская военная машина подошла вплотную к нашей государственной границе, и имелись достоверные сведения о том, что рано утром Германия нападет на СССР.

В приграничных войсках субботний вечер был беспокойным, тревога усиливалась с каждым часом. А команды "сверху" на заблаговременное развертывание на рубежах по планам прикрытия не было.

Только поздно вечером приграничные округа получили директиву Наркомата обороны о возможном внезапном нападении немцев. Но эта директива многими соединениями и частями не была своевременно получена, и фашистское нападение застигло их в местах расквартирования, а не на рубежах обороны.

3. Начало войны. Бои на подступах к Ленинграду

Легли спать поздно, уже после отбоя, и долго не могли уснуть, думали, что отоспимся в воскресенье. Однако подняли нас по тревоге в 5.00 22 июня.

Командир роты старший лейтенант Омелин, как я уже упомянул, с ротой находился в лагерном наряде, политрук Яковенко явился в роту по тревоге и объявил нам, что началась война и что немецко-фашистские войска атакуют наши пограничные заставы, а их авиация бомбит наши города.

Политрук был очень молод, накануне окончил военно-политическое училище. Мы его очень уважали, и не поверили его словам, полагали, что он шутит. Однако по выражению его лица и сигналам тревоги, доносившимся из расположения других частей, поняли, что началось что-то новое в нашей жизни, необычное, тяжелое и тревожное.

Началась война, о которой мы еще ничего тогда не знали. Хотели ли мы войны? Конечно, нет. Но ведь кто-то своей неразумной политикой формировал у нас мнение, что мы находимся в капиталистическом окружении, что на нас готовится напасть агрессивные силы, тем самым заставляя все делать для увеличения армии, чем давать повод противной стороне в свою очередь опасаться нас. Эти сложные политические игры приводили к созданию союзов, пактов, группировок, и каждая сторона делала все для противостояния.

Таким был тот период 1939 – 1941 годов, когда я находился "под ружьем", отстаивая интересы тех, кто неумело готовил страну к войне.

Поднятые по сигналу тревоги подразделения начали покидать лагерь, углубляясь в лес, а мы приступили к маскировке района расположения нашего батальона, так как передняя линейка и первые ряды палаток были на открытом месте и просматривались с воздуха. На большой высоте несколько самолетов противника пролетело в сторону Ленинграда. Вскоре поступила команда быть готовыми к выдвигению на ст. Серебрянка для погрузки в эшелон и мы начали сворачивать лагерь.

А в это время фашистская Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, начала военные действия против нашей страны. На рассвете 22 июня немецкие самолеты начали бомбить наши города, железнодорожные узлы, аэродромы, военно-морские базы. Одновременно на пограничные укрепления и районы дислокации наших войск вблизи границы обрушились интенсивные огневые удары немецких армий.

Через один-два часа сухопутные силы противника, преодолев упорное сопротивление пограничных отрядов и передовых частей стрелковых войск пограничных округов, на ряде направлений пересекли государственную границу и повели наступление в глубь советской территории.

Наша страна вступила в смертельную схватку с врагом. Началась Великая Отечественная война Советского народа за свою честь, свободу и независимость.

К исходу 22 июня 1941 года, покинув лагерь, мы сосредоточились в районе ст. Серебрянка, а в ночь на 23 июня уже следовали в эшелоне на зимние квартиры в Боровичи, где в течение 24-26 июня проходило отмобилизование. На пополнение поступил приписной состав. Сразу же начались занятия по подготовке вновь сформированных подразделений, и в ночь на 27 июня батальон погрузился в железнодорожный эшелон. Несмотря на позднее время, эшелон пришли проводить родные, близкие и знакомые. В эту ночь было пролито много женских слез.

Следовать в эшелоне нам пришлось недолго. Достигнув ст. Луга, мы вынуждены были выгрузиться. Стало известно, что на ряде участков дороги Луга – Псков противник наносит авиационные удары, в некоторых местах дорога разрушена, и поэтому предстояло дальше двигаться пешком.

Пройдя таким образом около 15 км, наша рота, посаженная на автомашины и усиленная взводом противотанковых орудий, под командованием командира батальона майора Волкова начала двигаться по дороге на Псков. С какой задачей рота продолжает движение, мы, младшие командиры, сначала не знали, и уже в ходе боевых действий в районе Пскова стало известно, что рота действует в качестве разведывательного отряда от войск, которые начали готовить Лужский оборонительный рубеж.

Во время движения на Псков нам начали попадаться эвакуированные и раненые, следующие на автомашинах, повозках и пешком порядком. Картина представлялась не совсем обычная, двигалось горе и угнетающе действовало на нас. Но в то же время мы полагали, что, достигнув города Псков и выйдя на старую государственную границу, наши войска остановят зарвавшихся фашистов и отбросят их из Прибалтики.

Но чем ближе мы подъезжали к Пскову, тем обстановка становилась более сложной. Среди потока беженцев следовали отдельные подразделения военнослужащих, большинство из них раненые, на обочинах дороги все чаще попадали разбитые и сгоревшие автомашины, повозки. Авиация противника контролировала дороги и наносила по ним удары.

Район Пскова, и особенно лесной массив юго-восточнее города, подвергался массированным ударам авиации. Сам город имел неприглядный вид: много разрушенных домов, кругом пожары, жителей в городе оставалось мало. Некоторые магазины были открыты, и продавцы раздавали воинам продукты, особенно кондитерские изделия.

Выйдя к реке Великая южнее Пскова, наша рота начала огневой бой с противником, который пытался форсировать реку. Следует признать, что мы не смогли эффективно воздействовать огнем стрелкового оружия на противника, выходившего к западному берегу. Огонь автоматов ППД через реку был мало действенным, дальность стрельбы станкового пулемета СГ была незначительной, пули не достигали цели, так как ствол пулемета с воздушным охлаждением нагревался так, что пули падали в реку, они не долетали до противоположного берега, а противник быстро определял место пулемета и подавлял его.

Вскоре на этот участок выдвинулись вновь подошедшие части, а наша рота вышла в район Пскова, где развернулись упорные бои за город, который несколько раз переходил из рук в руки.

К исходу 9 июля противнику все же удалось овладеть городом, а наша рота, отрезанная от дороги Псков – Луга, действовала вдоль дороги на Гдов. Шоссе Псков – Луга прикрывалось незначительными силами 118-й стрелковой дивизии.

Авиация противника проявляла высокую активность, систематически наносила удары по нашим войскам. Подвергалась ударам и наша рота. Во время одного из налетов было ранено несколько человек, в том числе тяжело ранен командир роты старший лейтенант Омелин. Он находился в кабине головной машины, и при разрыве бомбы перед самой машиной множество осколков от лобового стекла вонзилось ему в лицо. Сделав ему перевязку и пересадив на другую машину, мы продолжили движение на Гдов, но, к сожалению, никаких лечебных учреждений по пути движения не было, и нам пришлось везти его с собой. Тяжело было смотреть на умирающего нашего командира, но помочь ему в наших условиях никто уже не мог. Он все время просил развязать ему глаза, его лицо выглядело сплошной кровавой массой, невозможно было различить черты лица, не видно было ни глаз, ни носа. Наложённая повязка была вся пропитана кровью. Только в районе Нарвы, уже умирающего, мы сдали его в полевой госпиталь, где он вскоре и скончался.

На участке между Гдовом и Нарвой нам пришлось вести бой с небольшой группой противника, которая пыталась прижать нас к Чудскому озеру. После короткого боя нам удалось разгромить эту группу противника и продолжить движение на Нарву, откуда мы должны были через Гатчину следовать на Лугу и войти в состав своего полка, действовавшего на Лужском оборонительном рубеже. При проезде через Нарву, в которой к этому времени наших войск не было, наша колонна была обстреляна из чердаков некоторых зданий, где засели местные террористы или диверсанты. В районе Таллинна и восточнее его вели боевые действия войска 8-й армии, которые с боями отходили вдоль дороги Таллинн – Нарва.

В Гатчине мы остановились на небольшой привал. К сожалению, обстановка не позволяла ознакомиться с этим историческим городом. Не время было любоваться гатчинскими парками, стройными башнями дворца, прозрачными водами Серебряного и Белого озер, мостами и другими сооружениями, созданными здесь по проектам известных архитекторов А. Ринальди, Н. Львова, А. Захарова и др.

С этим городом судьба меня свела и в 1944 году, когда наша 120-я стрелковая дивизия вела тяжелые бои, в ночь на 26 января штурмовала город, овладела им и стала называться Гатчинской. Но об этом событии речь пойдет позднее.

К моменту прибытия нашей роты в район Луги наш полк вел боевые действия в предполье Лужского оборонительного рубежа. С большой радостью встретились мы с воинами своего батальона и полка, однако с горечью узнали, что многих уже не было в живых, многие были ранены и эвакуированы в госпитали. Потерял я своего друга Павла Бурковского, земляка, с которым вместе призывались на службу, вместе учились в полковой школе, вместе служили в Боровичах. О нем, к сожалению, никто ничего не знал.

Узнали и печальную новость о гибели командира полка подполковника Харитонов, который лично возглавлял одну из контратак, потеснивших противника. В этом бою он героически погиб. Некоторые говорили, что он был тяжело ранен, фашисты подобрали его и увезли. Следовало ли командиру полка возглавлять контратаку роты, идти в одной цепи с бойцами? Оправданны ли такие действия? Мне кажется, что не всегда. Одной из причин потерь командного состава в начальный период войны было нахождение командиров полков и дивизий в боевых порядках, на переднем крае, часто это не было вызвано необходимостью. Наша 177-я стрелковая дивизия вела боевые действия непосредственно под городом Луга. Бои носили упорный характер. Иногда мы не успевали освоить одну позицию, особенно при бое в предполье, как нас перебрасывали на другой участок, где противник проявлял большую активность. Часто нас выдвигали на рубежи, откуда мы переходили в контратаки и в наступление.

Для нас, младшего командного состава, изменения задач не всегда были ясны и оправданны. Мы не всегда знали обстановку в полном объеме, не знали точно, где противник, сколько его, где соседние части и что они делают. Бывали случаи, когда попадали под огонь соседей или, наоборот, обстреливали соседей.

Но, несмотря на эти недостатки, войска, оборонявшие город Луга, выполнили свою задачу, задержав противника более чем на месяц и вынудив его прекратить активные боевые действия. Таким образом, в течение июля и начала августа 1941 года противник на Лужском направлении понес большие потери, не добившись успеха в овладении городом Луга, и снизил активность и перешел к обороне. Характер боевых действий на Лужском оборонительном рубеже очень художественно описан А. Чаковским в книге "Блокада".

Вскоре было установлено, что противник начал перегруппировку своих сил из-под Луги на Кингисеппское направление, в частности в район Ивановское и Бол. Сабек. Он захватил плацдармы, откуда угрожал флангу и тылу Лужского участка обороны.

Для определения, какими силами противник действует перед фронтом нашего полка, 5 августа командир роты лейтенант Скороходов поставил моему отделению задачу – произвести разведку. Перед самым выходом я получил конкретную задачу, и в состав отделения были включены еще четыре человека из дружки отделения.

Разведгруппа в составе полувзвода начала действовать. Используя кустарник и заболоченную ложину, мы проникли в расположение противника на глубину 3 км. Отправив связного с донесением командиру роты, я повел группу вдоль опушки леса параллельно дороге на Струги-Красные. В районе одного из озер мы обнаружили группу танков. Как впоследствии было установлено, противник, произведя перегруппировку, оставил часть сил для прикрытия Лужско-го направления. Мы насчитали 6 танков (они были без горючего). Здесь же было до роты пехоты с минометами. Наша разведгруппа была обнаружена. Попали мы под минометный огонь, завязалась перестрелка, 3 танка нам удалось поджечь. В ходе перестрелки я был ранен в ногу, ранено было еще двое, и мы вынуждены были отойти в свое расположение. Вскоре наш батальон перешел в наступление, уничтожил эту группу прикрытия противника и улучшил свои позиции.

К исходу 5 августа меня доставили в полковой медицинский пункт, где была оказана медицинская помощь. Ночью я был эвакуирован в полевой госпиталь в район ст. Мшинская, откуда в эшелоне – в Ленинград.

Привезли меня сначала в эвакуогоспиталь, а затем в госпиталь, который размещался в одной из школ недалеко от Балтийского вокзала.

Впервые с начала войны, при помощи санитарки, помылся настоящим образом, а затем оказался в палате, на койке с белоснежной постелью. Палата освещалась дежурной лампой голубого света, и я сразу уснул. Проснулся только к обеду следующего дня, проспав мертвым сном около 15 часов.

В первые дни в госпитале рана немного болела, через неделю стала заживать, и я с помощью костыля начал ходить по палате, а затем – по коридору.

Через несколько дней рядом со мной положили раненого сержанта из нашего полка, который рассказал о тяжелой судьбе подразделений полка, оказавшихся вместе с другими частями дивизии в окружении в районе города Луга и выходивших в сложной обстановке на Ленинград и на восток – к Новгороду.

Лечение в госпитале протекало успешно. Осколок мины так и остался в ноге, он был небольшой, движению не мешал, а извлекать его нужно было оперативным путем, на что врачи не шли, так как затягивалось лечение, а фронт требовал пополнения и, кроме того, госпиталь готовился к эвакуации из города. В конце августа 1941 года участились авиационные налеты на город, и мы часто, повинаясь врачам и медсестрам, покидали палаты и спускались в подвал. Для тех, кто был ранен в ноги и передвигался с помощью костылей, эта "процедура" представляла большие трудности.

Только тяжелораненые оставались на местах. В Ленинграде были отмечены попадания бомб прямо в госпитали.

Здесь же, в госпитале, нам зачитали приказ о наказании группы руководящего состава Западного фронта. На нас этот приказ произвел удручающее впечатление. Мы понимали, что нужны действенные меры по борьбе с фашистскими захватчиками, и понимали также, что в поражении наших войск в начальный период войны виноваты не столько наши военачальники – недостаточно было подвижных соединений и резервов, авиации и средств связи и т.д. Казнь командующего Западным фронтом генерала Павлова – это попытка Сталина и его окружения переложить ответственность за поражения наших войск в первый период войны на военных руководителей.

В начале сентября в связи с эвакуацией госпиталя с тяжелоранеными из города на "большую землю" всех выздоравливающих направили в распределительный пункт на Фонтанку, 90. Когда нас везли в автобусе по городу, мы отметили, что он заметно изменился, стал более суровым. Война наложила на него свой отпечаток, на улицах и площадях было малоллюдно. Во многих местах возводились оборонительные сооружения и баррикады. В садах, парках и скверах виднелись отрытые щели и огневые позиции зенитной артиллерии. Город готовился к бою, к смертельной схватке с врагом.

На Фонтанке, 90 пробыли мы два дня. Одна за другой сформированные роты из выздоравливающих и вышедших из окружения бойцов отправлялись в воинские части, которые вели боевые действия на ближних подступах к Ленинграду, и часто эти маршевые роты с ходу вступали в бой.

Здесь же, на знаменитой Фонтанке, 90, можно было видеть воинов, выписавшихся из госпиталей с перевязками, опиравшихся на палки и костыли, а также воинов, отставших от своих частей и выходящих из окружения, среди которых были воины, вызывавшие подозрение своим появлением.

К исходу первого дня пребывания нас всех построили и объявили приговор военного трибунала о расстреле дезертира. Здесь же на наших глазах приговор был приведен в исполнение. Расходились мы после этого молчаливыми, каждый из нас осознавал сложность обстановки под Ленинградом, да и на всем советско-германском фронте.

На следующий день я был зачислен в очередную маршевую роту. Беседовавший с нами командир обратил внимание на то, что мы будем служить в полку, перед которым поставлена задача оборонять очень важные объекты города. Как потом выяснилось, одним из этих объектов был Смольный. Я был назначен помощником командира одного из взводов. Формирование проходило в спешном порядке. Нам объявили, что служим мы в 55-м отдельном стрелковом полку. А через день наш батальон подняли по боевой тревоге и форсированным маршем двинули в район Пулковской высоты, где к этому времени развернулись ожесточенные бои. Батальон с ходу вышел на южные скаты Пулковской высоты восточнее обсерватории. На этом рубеже мы окопались и, используя часть траншей, отрытых заранее ленинградцами, вступили в огневой бой с противником, пытавшимся с ходу захватить Пулковскую высоту.

Пулковская высота, знаменитая обсерватория были нам знакомы еще с начала 1940 года.

В то время мы, курсанты полковой школы, проводили занятия по тактической подготовке, и одним из направлений для отработки элементов наступления и ориентирами были Пулковская высота и обсерватория. Не думал я тогда, что эту высоту придется оборонять и стоять на ней насмерть.

Командиром взвода у нас был лейтенант Бирин. Он, как оказалось, был моим земляком. Мобилизовали его в начале войны из офицеров запаса. Он был директором одной из районных школ Черниговской области. Очень хороший человек, смелый, энергичный командир, выполнявший свой долг с чувством высокой ответственности.

Взвод наш занял оборону, организовал систему огня и заставил противника остановиться, залечь и окопаться. Итак, мы оказались на знаменитой Пулковской высоте, где еще в годы гражданской войны защитники Петрограда наголову разбили войска Юденича в Пулковском сражении, показав образцы мужества и героизма. Сейчас же бои за Пулковскую высоту носили ожесточенный характер. Немецко-фашистские войска свирепствовали, предпринимали все усилия, чтобы овладеть этой важной высотой, откуда открывались "ворота" города. В дальнейшем, понеся большие потери и не добившись успеха в захвате Ленинграда с ходу, противник начал систематический, методический артиллерийский обстрел жилых кварталов города, а его авиация наносила массированные удары с применением фугасных и зажигательных бомб.

Ведя боевые действия на Пулковской высоте, мы тогда не знали о том, что противнику удалось овладеть населенными пунктами Волхов, Мга, Синявино, Шлиссельбург и выйти к южному берегу Ладожского озера, тем самым окружить Ленинград, отрезав все сухопутные направления. Узнали мы об этом позднее, когда нам начали снижать нормы снабжения продовольствием и ограничивали расход боеприпасов.

4. Блокада

Блокада – какое это страшное слово.

В военном лексиконе оно означает окружение войск противника с целью его уничтожения.

В то, что противник уничтожит наши окруженные войска, мы не верили и ждали, что вот-вот кольцо блокады разорвется, так как попытки прорыва блокады предпринимались систематически. Но в начальный период войны прорвать блокаду по разным причинам не удавалось.

Положение города и его защитников в блокадных условиях было очень тяжелым, особенно после того, как фашистское командование решило задушить их костлявой рукой голода. Мы тогда не полагали, что блокада продлится так долго и что эта 900-дневная блокада приведет к ужасным лишениям и большим потерям как воинов, так и мирных жителей города.

Войска Ленинградского фронта в блокадных условиях не сидели пассивно на своих рубежах, а всеми силами наносили удары по противнику. Особенно активно действовали войска Невской оперативной группы (НОГ) и на ряде

участков Волховского фронта. Нам же в районе Пулково приходилось выполнять частные боевые задачи по улучшению позиций, вести разведку боем, поиски, а также участвовать в наступательных боях по прорыву блокады. Ждали, что вот-вот встретимся с войсками Волховского фронта, которые также вели боевые действия по деблокированию города. (Однако это случилось только в январе 1943 года, а затем в январе 1944 года, когда блокада была полностью снята).

Пулково стало ключевой позицией в обороне внутреннего кольца окружения Ленинграда. Организация обороны имела много недостатков и требовала совершенствования на ходу, и, главное, необходимо было совершенствовать систему огня и взаимодействия в тактическом звене.

Запомнился один случай, на котором следует кратко остановиться. Наш взвод оборонялся на правом фланге роты и своим правым флангом упирался в железную дорогу, связывающую Ленинград с Красным Селом. За железной дорогой оборонялись подразделения другой дивизии. Наш передний край немного выдвигался вперед по отношению к соседу справа, который, обстреливая позиции противника, часто вел огонь вдоль нашей траншеи, и иногда пули попадали непосредственно в траншею. Был случай, когда таким образом был ранен солдат нашего взвода. Движение на этом участке траншеи было опасным. Пришлось мне, по приказу командира взвода, отправиться к соседу справа и решить вопросы огневой связи и взаимодействия. Взял с собой связного и отправился в путь. В дневных условиях пересечь железную дорогу непосредственно у переднего края, под огнем противника, кроме того, по заминированной местности было опасно. Поэтому пришлось двигаться по ходу сообщения метров 300 в тыл до выемки железной дороги и у поворота пересечь ее. Дальше, сообразуясь с обстановкой, найти командира левофлангового подразделения соседа и решить с ним все вопросы взаимодействия и связи. Систему траншей у соседа я не знал, и поэтому после пересечения железной дороги пришлось под огнем противника поползти, затем, попав в какой-то ход сообщения, направился по нему, надеясь встретить кого-нибудь, и уточнить, как добраться к левофланговому подразделению.

Двигаясь по ходу сообщения, мы внезапно столкнулись с одним из командиров, который был недоволен нашим появлением, остановил нас, начал выяснять, кто мы такие, куда идем, зачем и т.д. Я начал докладывать ему, как вдруг из-за поворота хода сообщения появилась группа старших офицеров, среди которых были генералы, все они были в защитных комбинезонах. Один из генералов собрал находившихся поблизости солдат, сержантов и офицеров и обратил внимание на сложную обстановку под Ленинградом, потребовал стоять на Пулковской высоте насмерть. Когда все разошлись, один из офицеров рассказал мне, как добраться до левофлангового подразделения.

С трудом разыскав непосредственного соседа, командира взвода, мы решили с ним все вопросы огневой связи и взаимодействия. Кроме того, договорились, что с наступлением темноты начнем работы по соединению наших траншей ходом сообщения через полотно железной дороги непосредственно на линии первой траншеи.

Обратный путь нам был уже знаком, и, вернувшись в расположение нашего взвода без особых происшествий, я доложил командиру взвода о выполнении задачи, о встрече с группой офицеров и генералов. Мы ещё раз убедились, какая ответственность ложится на воинов, обороняющих главное направление – Пулковскую высоту – историческую высоту, где еще в 1918 и 1919 годах решалась судьба Петрограда. Итак, мы оказались в осаждённом Ленинграде.

В этот критический период, когда враг подошел к окраине Ленинграда, командование фронтом принял генерал армии Г.К. Жуков. Эта фамилия в то время была еще мало известна, особенно солдатам, сержантам, да и некоторым офицерам. Но роль Жукова в защите Ленинграда и стабилизации обороны огромна. Вскоре нам стало известно, что в составе группы генералов и старших офицеров, с которой я встретился на Пулковской высоте, был заместитель Жукова – генерал Федюнинский, который много сделал для обороны Ленинграда.

На Пулковской высоте оборонялись мы почти до конца 1941 года. Иногда нас снимали с занимаемого рубежа, оставляя незначительное прикрытие, и перегруппировывали в район Усть-Тосно, где шли ожесточенные бои, которые должны были способствовать прорыву блокады. Основную задачу в этих боях решали войска Невской оперативной группы и Волховского фронта. Незначительный успех был достигнут войсками НОГ, которые захватили небольшой плацдарм в районе Невская Дубровка. В районе Усть-Тосно наступление успеха не имело, и нас вернули на Пулковские позиции

Спустя некоторое время наш батальон вошел в состав одного из полков 72-й стрелковой дивизии, и нам приходилось неоднократно действовать в районе Красный Бор, Путролово и на других участках, выполняя задачи по разведке боем, улучшению позиций и ведению поисков.

С наступлением зимы положение значительно ухудшилось, к блокадным лишениям добавились еще и холода. Все это привело к снижению не только нашей активности, но и активности противника. В начале декабря 1941 года, после тяжелых боев в районе Красный Бор, нас отвели во второй эшелон для пополнения и приведения личного состава в порядок. В этот же период формировался лыжный батальон 72-й стрелковой дивизии. Остатки нашего батальона включили в лыжный батальон. Меня назначили старшиной роты. Не хотелось уходить из своего взвода – мы очень подружились с командиром взвода лейтенантом Бириним. Не хотелось расставаться с младшими командирами и солдатами взвода. Около месяца я был старшиной роты. Должен отметить, что хлопотная это обязанность, особенно в бою, когда на тебя возложена ответственность за обеспечение роты боеприпасами и продовольствием в условиях блокадной зимы непосредственно в боевых порядках.

После одного из боев в районе Пулково, когда вышли из строя командиры роты и все командиры взводов, меня назначили командиром роты. Будучи старшим сержантом, я некоторое время командовал остатками роты. Заместителем по политчасти был политрук Панкратов, который по возрасту мне был годен в отцы.

Однажды нашу роту срочно выдвинули для прикрытия стыка с другой дивизией. Участок совершенно не был оборудован в инженерном отношении. Имелись только несколько одиночных окопов и небольшие участки траншей глубиной 40-50 см, по которым продвигаться можно было только ползком. Землянок или укрытий не было никаких. И в таких условиях, при сильном морозе, мы целые сутки без всякой поддержки обороняли этот участок. Боеприпасов было мало, и если бы противник на этом участке предпринял наступление, вряд ли мы выполнили бы эту задачу. Следует сказать, что и противник к этому времени основательно выдохся и активных действий не предпринимал.

Оборона во многих местах в первую блокадную зиму была организована очень плохо, инженерные сооружения и заграждения отсутствовали.

Вскоре был назначен новый командир роты, а меня назначили командиром взвода, и я считался помощником командира роты.

Нам часто приходилось вести боевые действия по улучшению своих позиций. Это была напряженная, изнурительная борьба с большими потерями. Необходимость ведения таких боев вызывалась, кроме того, потребностью сковать как можно больше сил противника, блокировавших Ленинград, не дать им возможности снять войска для других направлений.

А в это время на Московском направлении шли ожесточенные бои. Группа армий "Центр" противника рвалась к Москве. Войска Западного, Резервного и Брянского фронтов подверглись ударам превосходящих сил фашистских войск. В ноябре обстановка на Московском направлении продолжала оставаться напряженной, но к концу месяца враг, понеся большие потери, начал выдыхаться.

6 декабря войска Западного фронта перешли в контрнаступление и начали продвигаться на запад, громя фашистские дивизии.

Весть о том, что под Москвой противник разгромлен и отброшен на запад на 150-300 км, вдохновляла нас, защитников Ленинграда. Эта победа вселяла уверенность в том, что "и на нашей улице скоро будет праздник". Но пока войска блокированного города ничего существенного сделать не могли.

Наступил новый, 1942 год. Питание в тот период было блокадным, мы постепенно худели. Норма хлеба во второй половине ноября и в декабре составляла: для войск первой линии – 300 г хлеба и 100 г сухарей в день на человека; для тыловых частей и госпиталей – 150 г хлеба и 75 г сухарей; для жителей города – и того меньше. Но и этот хлеб имел разные примеси. Кроме хлеба два раза в сутки – утром до рассвета и вечером с наступлением темноты – в батальонных кухнях подвозили как можно ближе к переднему краю, а затем в термосах и котелках доставляли в боевые порядки мучной суп, как мы его называли "баланду".

Паyki солдатам увеличили в конце января 1942 года – по хлебу, а позднее и по другим продуктам, то есть тогда, когда начала действовать ладожская "Дорога жизни".

С 25 декабря 1941 года начали увеличиваться хлебные нормы. "Дорога жизни" сыграла свою историческую роль. Однако снабжение города еще не было достаточным.

Но жизнь шла, город жил, война продолжалась, и голодные жители блокированного города, и воины, оборонявшие его, с честью выполняли свой долг.

Здесь уместно привести карточку нормы хлеба (в граммах) в городе Ленинграде в те тяжелые блокадные дни.

Дата	Рабочим	Служащим	Иждивенцам	Детям
11.07.41	800	600	400	400
02.09.41	600	400	300	300
11.09.41	500	300	250	300
01.10.41	400	200	200	200
13.11.41	300	150	150	150
20.11.41	250	125	125	125

В конце января 1942 года меня вызвали на командный пункт 72-н дивизии. Начальник штаба дивизии поздравил меня с присвоением воинского звания "Младший лейтенант", что явилось для меня неожиданностью, и прикрепил вместо сержантских треугольников по одному кубику. Затем поставил задачу подготовить и провести разведывательный поиск в районе Путролово с целью захватить "языка". Здесь же приказал командиру лыжного батальона оформить мне удостоверение на право проведения разведывательных действий на участке обороны 187-ю стрелкового полка. Это удостоверение хранится у меня до сих пор как реликвия тех грозных дней.

В 1974 году, когда я уже готовился к увольнению в запас, мне стало известно, что отдел кадров Уральского военного округа запрашивал в архиве Министерства обороны формулировку приказа о присвоении мне воинского звания "Младший лейтенант", так как такого документа в личном деле не было. Ответ был получен, и один из офицеров штаба округа проинформировал меня об этой формулировке, она была примерно такой: "За мужество, проявленное в боях с немецко-фашистскими захватчиками, присвоить командиру роты, старшему сержанту Фрадину И. Р. воинское звание "Младший лейтенант".

Итак, в январе 1942 года я стал офицером Советской Армии, имея за плечами военное образование в объеме полковой школы. На первых порах чувствовал себя не совсем уверенно, достаточного опыта и военного образования для выполнения новых обязанностей я не имел. Следует сказать, что военные знания, которые я получил в полковой школе, для младшего командира были вполне достаточны, но для командира взвода или роты – явно недостаточны. Приходилось воевать и одновременно постигать военную науку непосредственно на поле боя.

Готовился к разведывательному поиску примерно неделю. Кроме изучения местности в районе предстоящих действий, проводил занятия на аналогичной местности в ближайшем тылу.

Личный состав для разведки подобрали из числа добровольцев моряков, служивших ранее на кораблях Балтийского флота и пришедших к нам в лыжный батальон из 7-й морской бригады. Это были отважные, смелые воины, которых в бою приходилось сдерживать.

Когда подготовка к поиску была завершена, мне с командирами подгрупп захвата и обеспечения, а также двумя разведчиками для организации наблюдения разрешили выйти в исходное положение, где мы должны были в течение суток уточнить наиболее целесообразный маршрут выдвижения к месту захвата пленного; места проходов в заграждениях, кроме того, решить вопросы взаимодействия с командиром подразделения, на участке которого планировался поиск, а также с минометчиками, обеспечивающими отход группы после выполнения задачи.

Когда мы прибыли в исходное положение, нас встретил командир роты, в районе обороны которого мы должны были действовать. К моей радости, командиром роты оказался бывший мой командир взвода Бирин – уже старший лейтенант, недавно принявший эту роту. Вспомнили мы с ним дни на Пулковской высоте.

Старший лейтенант Бирин сопроводил нас в первую траншею, откуда мы должны были действовать, выделил нам землянку, организовал телефонную связь и, пожелав успеха, пошел на командный пункт роты.

Расставив разведчиков для наблюдения за противником и уточнив маршрут для выдвижения, я встретился с командиром минометного взвода, решил с ним все вопросы организации огневого прикрытия действий разведчиков. От минометчиков направился на командный пункт роты, чтобы условным сигналом, по телефону, доложить начальнику разведки дивизии о проделанной работе. Командира роты на командном пункте не оказалось, он, как мне сообщил телефонист, пошел в один из взводов. Присев отдохнуть у печурки, я незаметно задремал, так как ночь была потрачена на выдвижение и я изрядно устал. Не вскоре был разбужен телефонистом, передавшим мне телефонную трубку, из которой я услышал чей-то взволнованный голос: "У Бирина в траншее немцы!" Мгновенно выскочил из землянки, услышал перестрелку и взрывы гранат на левом фланге, бегом побежал туда по траншее. Когда прибежал к участку, где была перестрелка, там уже был командир роты и еще несколько человек, которые вели огонь по отходящей группе противника. Здесь же, в траншее, лежало несколько человек, среди них обнаружил двух наших разведчиков, в том числе командира подгруппы захвата. Эти разведчики составляли основу подгруппы захвата и должны были решать главную задачу.

Это был редкий случай, когда группа противника численностью 15 человек незаметно, утром, когда уже было светло, подошла к нашему переднему краю, огнем автоматов убила нескольких наших солдат и забросала одну из землянок гранатами. Взволнованный этим случаем, я хотел было сразу доложить об этом в разведотделение штаба дивизии, но командир роты успокоил меня и не советовал этого делать.

В течение дня я очень переживал потерю своих лучших разведчиков и думал, как же теперь выполнить поставленную задачу.

С наступлением темноты на исходную позицию прибыл весь остальной состав разведвзвода и начальник разведки. Командир роты и я доложили ему подробно обо всем случившемся. Начальник разведки, фамилию его не помню, устроил мне "разнос", потребовал доложить о готовности группы к действиям и свое решение. Я ему доложил, что в связи с потерей двух разведчиков, выполняющих главную роль, решение задачи по захвату пленного усложняется, и просил дать мне сутки на подготовку и распределение обязанностей внутри разведгруппы. Начальник разведки был неумолим и потребовал начать поиск безотлагательно.

В назначенное время (около часа ночи), внося некоторые изменения в распределение разведчиков по подгруппам, мы поползли к объекту противника, где планировался захват "языка". Все мы были в маскировочных комбинезонах, и по глубокому снегу очень быстро преодолели противотанковый ров, затем ползком – нейтральную зону. Противник нас сначала не заметил, хотя систематически освещал местность ракетами. Первую линию проволочных заграждений противника также успешно проползли, но когда начали проходить вторую линию проволочного заграждения, находящуюся непосредственно перед траншеей противника, кто-то из группы захвата зацепился за колючую проволоку, отчего зазвенели металлические предметы, висевшие на ней.

Через несколько мгновений вся местность вдруг озарилась осветительными ракетами и огненными трассами пулеметного и автоматного огня, а через минуту мы попали и под минометный огонь. Группа начала нести потери, внезапно не получилось, я вынужден был дать сигнал на отход и на открытие минометного огня для прикрытия отхода. В первую очередь пришлось вынести раненых, а вслед за ними вывести разведчиков. Вернувшись в свою траншею, я не досчитался еще двух разведчиков, которые были убиты, мы смогли вынести их тела только к утру.

Итоги поиска плачевны. Потеряв до начала операции основных разведчиков, которые хорошо знали объект нападения и с которыми все было отработано до мелочей, мы не должны были в эту злосчастную ночь идти в поиск. Однако, как я уже говорил ранее, представитель штаба дивизии не учел все эти обстоятельства. Мы понимали его положение, от него требовали пленного и подтверждения данных о группировке противника.

Следует признать, что противник в этот период очень бдительно оборонял свои позиции. Напуганный октябрьскими и ноябрьскими действиями наших войск по прорыву блокады противник создал очень сильную оборону, и, как правило, все последующие действия разведчиков успеха не имели. Его долговременные огневые точки были тщательно замаскированы, прикрыты минными полями и густой сетью проволочных заграждений, на которых во многих местах были навешаны всевозможные металлические предметы: жестяные банки, котелки и т.д. При прикосновении к заграждению они издавали звон и шум, предупреждая противника о появлении кого-то перед заграждениями.

Через несколько дней поиск повторили, но уже в другом месте, учли недостатки, имевшиеся ранее. Готовились более тщательно, группу дополнили новыми разведчиками-добровольцами. В результате разведгруппа успешно

проникла в первую траншею противника и без шума взяла "языка". Однако, когда мы возвращались к своим позициям, пленный отчаянно сопротивлялся, и его кто-то чрезмерно сильно ударил пистолетом по голове. Пленного незамедлительно отправили в штаб дивизии, но по дороге он скончался, и только документы могли дать некоторые сведения о противнике. Спустя некоторое время мы вновь приступили к подготовке разведывательного поиска. Но я заболел дизентерией. По дороге в госпиталь был ранен в правую ногу. Пуля пробила валенок, ватные брюки, вонзилась в мягкие ткани ноги и остановилась. Видимо, была на излете. Госпиталь, куда меня привезли, находился в районе ст. Фарфоровая. Условия в нем фронтовые, блокадные, отопление – "буржуйки". Вместо электричества – стеариновые плашки и керосиновые лампы, питание блокадное. Ранение было легкое, и лечили меня в основном от дизентерии.

После выздоровления получил направление в 65-й стрелковый полк 43-й Краснознаменной дивизии на должность командира взвода пеших разведчиков. Но в связи с тем, что, находясь в госпитале, очень похудел и ходил с помощью палки, начальник штаба полка направил меня в 1-й стрелковый батальон на должность адъютанта батальона. 65-й стрелковый полк накануне вел тяжелые бои в районе Красный Бор, понес большие потери и был выведен из боя для пополнения. Личного состава почти не было, в строевой записке значилось 16 человек, из них половина – легкораненые. Командиров рот и взводов не было. Из руководства батальона были командир батальона старший лейтенант Лихачев Александр Васильевич, его заместитель- старший политрук Иван Морозов и начальник штаба – только что назначенный младший лейтенант Николай Михайловский.

На следующий День после моего прибытия к нам в батальон начало поступать пополнение, и еще через день мы получили приказ перейти к обороне. Участок, который предстояло оборонять, состоял из отдельных ячеек и ранее оборонялся подразделениями соседа справа, которым было приказано перегруппироваться вправо, за железную дорогу.

Протяженность фронта обороны батальона составляла свыше 3 км, правым флангом участок примыкал к железной дороге Колпино – Красный Бор.

Дни перехода к обороне были насыщены до предела. Главная задача – производство оборонительных работ – выполнялась очень медленно. Личный состав поступил в батальон из госпиталей. Солдаты после ранений, истощенные, с объемом работ не справлялись. Кроме того, февраль-март первой блокадной зимы были очень снежные, и нам приходилось много сил затрачивать на очистку траншей от снега, в мерзлом грунте копать траншеи и возводить другие оборонительные сооружения. Это был адский труд.

В течение двух недель мы пополнялись личным составом и производили работы по инженерному оборудованию батальонного района обороны. Ежедневно в итоговых боевых донесениях мы обязаны были указывать, сколько открыто погонных метров траншей полного профиля, оборудовано огневых позиций, землянок, ходов сообщений, а также сколько траншей очищено от снежных заносов.

Положение зимой 1941–1942 годов на Красноборском участке было стабильным. Обе стороны зарывались в землю, во всех подразделениях было развернуто снайперское движение. Снайперы наносили противнику большой ущерб. На нашем участке несколько раз действовали разведгруппы, но успеха не имели. Однажды ночью, под большим секретом, офицерами разведотдела штаба фронта была переправлена в расположение противника одна молодая симпатичная девушка. Нейтральную зону она прошла успешно, а ее дальнейшая судьба мне не известна.

Весна принесла нам много неприятностей. Траншеи наполнялись талой водой, многие оборонительные сооружения в низменностях оказались затопленными. Кроме того, разделявшая район обороны батальона небольшая речушка Ижорка наполнилась паводковой водой, в результате чего нарушилось нормальное сообщение между элементами боевого порядка, и смысла в некоторых местах противопехотные мины, густо установленные перед передним краем обороны еще зимой. Эти мины были в легких деревянных корпусах, и вода переносила их по течению в глубину нашей обороны и в район нашего командного пункта. К сожалению, произошло несколько подрывов на этих минах солдат, которые в ночное время, двигаясь по берегу Ижорки, доставляли к переднему краю горячую пищу и боеприпасы. Мы сначала никак не могли понять, почему подрываются люди в глубине обороны и в районе командного пункта батальона, там, где никогда и никто не устанавливал мин. Впоследствии мы разгадали это коварство Ижорки и приняли соответствующие меры.

Когда снег полностью растаял, мы стали свидетелями еще одного неприятного события. Как-то рано утром, когда только начало светать, командир правофланговой роты доложил, что перед передним краем обороны, на нейтральной полосе, у железнодорожного полотна примерно двадцать женщин, рассредоточившись, копаются в земле. Откуда они взялись и что делают? Таков был вопрос к командиру роты. Он сначала не мог сказать ничего определенного, но потом выяснилось, что это местные жительницы Колпино ищут в земле остатки прошлогоднего картофеля и моркови, которые не успели убрать полностью осенью 1941 года, когда здесь шли ожесточенные бои. Вскоре противник открыл редкий минометный и ружейно-пулеметный огонь по этим женщинам, а они, не реагируя на него, продолжали копать в земле. Голод заставил их, презрев смерть, добывать таким образом пищу. Как потом было установлено, эти женщины ночью проникли вдоль железной дороги на нейтральную полосу. Наши солдаты видели это и даже способствовали их поискам, а некоторые даже принимали участие в "уборке" в районе траншей прошлогоднего урожая, отдавая все найденное женщинам. Пришлось принимать меры и выводить этих голодных женщин (среди них уже были раненые) с нейтральной полосы, чтобы они не попали на наши минные поля.

Узнав об этом, полковое начальство обвинило нас в потере бдительности, однако солдаты переднего края обороны оценивали ситуацию иначе. Они понимали, что такое голод, сами испытали его и разрешили этим голодным женщинам искать в земле, в условиях смертельной опасности, прошлогодние

плоды урожая.

Весна 1942 года была для воинов Ленинградского фронта еще очень тяжелой, но паек немного был увеличен, природа оживала, начала появляться зелень, которую использовали при приготовлении пищи. Во всех батальонах готовили хвойный настой и употребляли его против цинги.

С наступлением теплых дней подсохли траншеи, меньше стало грязи. После первой блокадной зимы заметно оживились солдаты и офицеры. Многие начали уделять больше внимания своей внешности и чаще поглядывать на нашу медсестру из батальонного медпункта, а другие дольше обычного задерживаться на окраине Колпино, где разбирались полуразрушенные постройки, которые использовались для оборудования землянок, обшивки траншей и в качестве строительного материала. В Колпино еще оставались не успевшие эвакуироваться женщины, и к ним началось паломничество; некоторые солдаты и офицеры несли им часть своего пайка, делились, чем могли.

Наступили майские дни 1942 года. К Первому мая все готовились как к большому празднику, проводили мероприятия по повышению бдительности и боеготовности. Вышестоящее командование ориентировало нас на возможный очередной штурм города немецко-фашистскими войсками. В дни, предшествовавшие майским праздникам, к нам зачастило руководство полка, а батальонные командиры, как правило, поочередно уходили на передний край, в роты. Проверялась готовность батальона к отражению атак противника, особое внимание уделялось взаимодействию артиллерии с пехотой. Однажды офицер штаба артиллерии дивизии проверял готовность артиллерии к ведению огня по планируемым целям. Оказалось, что разрывы снарядов далеки от цели. Управление артиллерийским огнем не было организовано должным образом, что вызвало у нас глубокое возмущение.

В ночь на 1 мая к нам в батальон прибыл начальник штаба полка. Пробыл он у нас всю ночь и день 1 мая, исходил все траншеи, посетил почти все огневые точки и землянки. Вечером в батальон позвонил командир полка, потребовал разыскать начальника штаба и передать ему, чтобы он возвратился в штаб полка. Комбат Лихачев поручил мне разыскать и сопроводить его до командного пункта полка. С трудом найдя начальника штаба в одной из землянок левофланговой роты, я доложил ему, что его вызывает командир полка, и по поручению комбата спросил разрешения сопроводить его. Начальник штаба оглядел меня с головы до ног, резко повернулся и пошел по ходу сообщения. Был я в телогрейке, так как ночи были еще прохладные, и по привычке пистолет носил под телогрейкой, у груди. Так я сопровождал начальника штаба, а он что-то бурчал себе под нос. Когда мы пришли на командный пункт полка, он потребовал, чтобы я вместе с ним зашел в землянку командира полка. Зайдя туда, начальник штаба доложил, что его сопровождали под оружием. Не ожидал я такого доклада и уж совсем не ожидал бурной реакции со стороны командира полка. На меня обрушился град нелестных слов. Мои попытки объяснить, что я выполнял приказ командира батальона, а пистолет свой всегда так ношу, не имели должного результата.

Командир полка продолжал прорабатывать меня до пота: "Как ты смел сопровождать под оружием начальника штаба, ведь он вывел полк из окружения, спас знамя полка!", – повторял он одно и то же. Только вмешательство присутствовавшего здесь офицера штаба дивизии освободило меня от необоснованного обвинения.

Но были и приятные моменты. Тот же командир полка в середине мая поздравил меня с присвоением воинского звания "Лейтенант" и сказал, что, как только позволит обстановка, я буду послан на учебу, с улыбкой добавил: "Как тебе попало тогда, в первомайские, за сопровождение начальника штаба!". Я уже начал забывать тот ночной разговор, так как знал, что все в те дни были навеселе – нам еще продолжали давать спиртное по зимним нормам.

Были и интересные встречи. В один из дней конца мая или начала июня нам сообщили, чтобы мы подготовили место для концерта артистки эстрады К.И. Шульженко (Клавдия Ивановна уже тогда, в 1942 году, славилась своим "Синим платочком" и другими песнями и была любимой артисткой воинов). Старший политрук Морозов занялся подготовкой места для концерта во второй траншее, куда можно было собрать представителей от всех подразделений. Мне было поручено встретить Клавдию Ивановну, идущую с сопровождающим от командного пункта полка, и провести ее по безопасному маршруту к месту концерта. Встретил ее возле командного пункта полка, была она очень худой, костлявая рука голода первой блокадной зимы коснулась и ее. Пошла она энергично, была весела, шутила и все время допытывалась, видят ли немцы, как мы пробираемся к переднему краю. Проводил я ее в землянку, где уже собрались бойцы и командиры, без особых приключений. К сожалению, присутствовать на концерте Клавдии Ивановны мне не пришлось, так как командир батальона направил меня на командный пункт батальона вместе с командиром взвода управления приданной нам артиллерийской батареей, где мы должны были быть готовы к подавлению артиллерии противника, если она предпримет артиллерийский обстрел района землянки, где будет проходить концерт Клавдии Ивановны.

Были и другие истории. Как-то в начале июня с рассветом нам стало известно, что на участке левофланговой роты взят пленный. Такая информация была для нас неожиданной, так как никаких активных действий, тем более разведпоисков, не велось, и вдруг – пленный! Старший лейтенант Лихачев потребовал от командира роты немедленно доставить плененного немца в штаб батальона, а мне приказал вместе с командиром взвода связи, владевшим немецким языком, допросить пленного и препроводить его в штаб полка, а пока, до выяснения обстоятельств пленения, в штаб полка ничего не докладывать. Через некоторое время, выйдя из землянки, недалеко от командного пункта я увидел следующую картину: впереди по неглубокому оврагу шел высокого роста командир взвода, в накиннутой на плечи плащ-палатке, а за ним, с автоматом на груди, – небольшого роста немец. Сразу и не поймешь, кто кого сопровождает. Больше было похоже на то, что немец с оружием в руках сопровождает нашего командира взвода. Увидев это, я на какое-то время растерялся.

Когда командир взвода подошел ко мне и доложил, немец тоже остановился, принял строевую стойку и приветствовал меня словами: "Гутен таг, камарад!", затем выкрикнул: "Гитлер капут!" Я отобрал у него автомат и велел следовать впереди.

На командном пункте батальона, разобравшись с "обстоятельствами пленения" и сопровождения немца командиром взвода, мы отпустили взводного, сделав ему соответствующее внушение. В результате краткого допроса выяснилось, что пленный из рабочих, недавно прибыл на этот участок фронта с новой частью. Через несколько дней ночью он перешел на нашу сторону и по траншее попал прямо в землянку командира взвода.

Длительное нахождение войск в позиционной обороне и пассивное на некоторых участках поведение сторон притупляли бдительность. Только этим можно было объяснить данный случай, когда немец проник в наше расположение и ходил беспрепятственно по траншее.

Во второй половине июня наш батальон предпринял несколько попыток улучшить свои позиции, но безуспешно. В сводках Советского информбюро эти бои назывались боями местного значения, или "частные бои". Но в условиях блокадного Ленинграда они изматывали не только противника, наши войска тоже несли большие потери. Такие "частные бои" носили отвлекающий характер и в достаточной мере огнем не обеспечивались. Артподготовка, как правило, была короткой и слабой, в ней принимало участие небольшое количество артиллерии и очень мало выделялось боеприпасов. Тапки в таких операциях в большинстве случаев не участвовали, а если и выделялось несколько машин, то они быстро выводились огнем противника из строя.

В этот период я впервые с начала войны получил известие от своих родных. Они с приближением немецко-фашистских войск к Чернигову были эвакуированы в город Мариинск Кемеровской области, и связь с ними была потеряна. Это радостное известие сообщила мне одна из дальних родственниц, жившая в то время в Ленинграде.

В августе 1942 года меня назначили начальником штаба 3-го стрелкового батальона нашего 65-го стрелкового полка. Батальон находился во втором эшелоне полка, укомплектован он был на 50%. Основная задача батальона – подготовка контратак и проведение оборонительных работ по созданию полковой позиции.

В конце августа первый эшелон полка после короткой артиллерийской подготовки ворвался в первую траншею противника, захватил небольшой участок противотанкового рва. Командир полка решил развить успех, для этой цели он приказал выделить одну роту из состава нашего 3-го батальона и пере- подчинить ее 1-му стрелковому батальону. Я должен был выдвинуть эту роту на рубеж, достигнутый 1-м стрелковым батальоном, и передать ее комбату Лихачеву.

Время для выдвижения роты было выбрано не совсем удачное, местность открытая, и в дневных условиях рота попала под артиллерийско-минометный огонь, понесла потери, с трудом достигла рубежа 1-го стрелкового батальона, пополнила его, но больше ничего сделать не смогла.

В сентябре меня направили на учебу, на курсы усовершенствования командного состава Ленинградского фронта. Эти курсы иногда именовались батальоном усовершенствования командного состава (БУКС) фронта. Размещались они в Ленинграде, в одной из школ, недалеко от Смольного. Занятия с нами проводили офицеры, имеющие хорошую методическую подготовку и опыт ведения боевых действий. Первое время я чувствовал себя не в своей тарелке. Но вскоре, овладев необходимыми навыками, свободно решал все тактические задачи, наравне с офицерами, имеющими еще довоенный стаж командования ротами, батальонами. В период учебы мы являлись резервным подразделением фронта для решения боевых задач. Так, в октябре 1942 года нас чуть было не направили на фронт в район Невская Дубровка. Какая-то горячая голова хотела бросить батальон офицеров для расширения захваченного плацдарма. Прошли слухи, что воспрепятствовал осуществлению этого замысла командующий фронтом, в то время генерал-лейтенант Говоров.

В дни учебы, особенно на полевых занятиях в районе Охты, мы часто наблюдали за воздушными боями. Фашистские истребители пытались прорваться к центру города, а наши летчики отгоняли их. Развертывалась зрелищная карусель самолетов с огненными трассами. Мы восхищались мужеством наших летчиков, которые, находясь в меньшинстве, вступали в бой с превосходящими силами противника. Особенно упорные воздушные бои шли на подступах к Смольному. Здание Смольного и прилегающий парк были тщательно укрыты маскировочными сетями.

После окончания учебы, в конце ноября 1942 года, меня направили в распоряжение отдела кадров 55-й армии. Хотел попасть в свой 65-й стрелковый полк 43-й Краснознаменной стрелковой дивизии. Однако просьба моя не была удовлетворена, и меня назначили на должность начальника штаба 19-го отдельного заградительного отряда. Получив направление, я отправился в путь. Нашел отряд с трудом. О существовании отряда мало кто знал, находился он в стадии формирования в районе Шушары. Личный состав отряда – в основном пограничники. Командовал ими капитан Малыгин. Организационно отряд состоял из двух взводов автоматчиков, двух стрелковых взводов, взвода станковых пулеметов, отделения управления и хозяйственного отделения.

Вскоре отряд получил задание сосредоточиться на южной окраине Рыбацкое и поступить в распоряжение командующего 67-й армии генерала Духанова. Эта армия формировалась на базе Невской оперативной группы и была предназначена для прорыва блокады. Нашему отряду была поставлена задача совершенствовать боевую подготовку, быть готовым к боевым действиям. Через несколько дней отряд оперативно переподчинили командиру 136-й стрелковой дивизии. Эта дивизия готовилась для прорыва блокады на главном направлении. Части дивизии усиленно занимались боевой подготовкой и особенно отработывали способы преодоления заснеженной Невы в районе Рыбацкое. Берега Невы в том районе аналогичны тем, которые были в районе Марьино, где предполагались действия дивизии по прорыву блокады.

Нужно отметить, что мы гордились тем, что отряду предстоит действовать совместно с прославленной 136-й стрелковой дивизией, костяк которой составляла 8-я отдельная стрелковая бригада, отличившаяся в боевых действиях на полуострове Ханко. Боевая слава "ханковцев" гремела по всему фронту. Эта бригада под командованием полковника Симоняка с начала войны обороняла советскую военно-морскую базу на полуострове Ханко в Финляндии. В течение четырех месяцев враг не мог сломить сопротивление этой бригады.

Барон Маннергейм, потеряв надежду силой взять полуостров, обратился к советским воинам с призывом сдаться в плен. Большой популярностью в то время пользовался ответ "ханковцев" барону, опубликованный в специальных листовках, многотиражных газетах соединений. Это своеобразное письмо было составлено в духе знаменитого послания запорожцев турецкому султану. Приведу его содержание.

"Его высочеству прихвостню хвоста его светлости, кобылы императора Николая, сиятельному палачу финского народа, светлейшей обер-шлюхе берлинского двора, кавалеру бриллиантового, железного и соснового креста

барону фон Маннергейму!

Тебе шлем ответное слово.

Намедни соизволил ты нас удостоить великой чести, пригласив к себе в плен. В своем обращении вместо обычной брани ты льстиво назвал нас доблестными и героическими защитниками Ханко,

Хитро загнул, старче! Всю темную холуйскую жизнь ты драил господские зады, не щадя языка своего...

Но мы не из нежных, нас этим не возьмешь. Зря язык утруждал. Ну хоть потешил нас, и на том спасибо тебе, шут гороховый. Всю жизнь проторговал своим телом и совестью, ты ... торгуешь молодыми жизнями финского народа, бросив их под вонючий сапог Гитлера, прекрасную страну озер ты залил реками крови.

Так как же ты, грязная сволочь, посмел обратиться к нам, смердить чистый воздух? Ни в предчувствии ли голодной зимы, ни в предчувствии ли взрыва народного гнева, ни в предчувствии ли окончательного разгрома фашистских полчищ ты жалобно запищал, как загнанная крыса?

Короток наш разговор. Сунешься с моря, ответим морем свинца! Сунешься с земли – взлетишь на воздух! Сунешься с воздуха, вгоним в землю! Красная Армия бьет вас с востока, Англия и Америка – с севера, и не пеняй, смрадный нуда, когда на твое приглашение мы, героические защитники Ханко, двинем с юга!

Мы придем мстить. И месть эта будет беспощадна!

До встречи, барон!

Гарнизон Советского Ханко.
Месяц октябрь, число 10, год 1941."

В то время это письмо имело определенное значение. Сейчас же оно трактуется по-разному, так как история вскрыла много негативного в развязывании военного конфликта на Карельском перешейке и его итогах. И, несомненно, история еще скажет свое слово.

В первых числах нового, 1943 года командир 136-й стрелковой дивизии П. Н. Симоняк поставил отряду задачу: быть в готовности совершить марш из Рыбацкого в район предстоящего прорыва блокады и сосредоточиться в лесу на западном берегу реки Невы напротив Марьино, где будет поставлена конкретная боевая задача.

5. Прорыв блокады

Вечером 10 января 1943 года мы покинули Рыбацкое. Погодные условия способствовали скрытному продвижению, всю ночь шел снег, однако идти при встречном ветре и густом снегопаде было тяжело. Командир отряда остался в Рыбацком до утра, а я повел отряд. Шли всю ночь и на рассвете сосредоточились в заданном районе. Там было несколько полуразрушенных землянок и шалашей, которые мы использовали для укрытия и отдыха. Все валились с ног от усталости – за ночь прошли около 50 км.

Простояли в этом районе целый день. Между деревьями просматривался противоположный берег, с которого противник периодически вел ружейно-пулеметный и артиллерийско-минометный огонь. Войск в этом районе было очень много, чуть ли не под каждым кустом к деревом, в траншеях и укрытиях были люди и боевая техника. Всякое движение на открытых местах запрещалось. Было ясно, что здесь будет осуществляться прорыв блокады.

К исходу дня 11 января меня вызвали в штаб 136-й дивизии, который находился невдалеке, и поставили задачу – быть готовыми завтра с утра, 12 января, к боевым действиям совместно с частями дивизии.

С утра следующего дня, а было это в 9.30 12 января 1943 года, началась артиллерийская подготовка, длившаяся 2 часа 20 минут. Все кругом гремело, грохотало, в морозном воздухе стоял сплошной гул.

Я находился рядом с наблюдательным пункте командира дивизии, в траншее на обрывистом берегу. Перед нами раскрывалась панорама Невы и противоположного, покрытого льдом берега – там был ад крошечный от разрывов снарядов и мин, все заволочло дымом. С началом нашей артиллерийской подготовки противник притих, затем своей артиллерией начал "огрызаться", ведя огонь по нашему берегу, а также по ледовому покрытию реки у нашего берега.

Особенно впечатляющей была картина, когда на заснеженный лед под звуки "Интернационала", исполняемого оркестром дивизии, вышли атакующие (в белых комбинезонах) цепи подразделений и частей дивизии с боевыми знаменами, а левее и правее – части других дивизий.

Ровно в 11.45 начали действовать штурмовые группы и совместно с

группами разграждения приступили к штурму обледелого берега противника, а вслед за ними, после залпа гвардейских минометов, вступили в бой главные силы первых эшелонов. Штурмовые группы были обеспечены лестницами, крюками, баграми, и, преодолев крутой берег, они ворвались в первую траншею противника. Наиболее успешно действовали части 136-й дивизии, они, используя успех штурмовых групп, с ходу овладели Марьино и захватили плацдарм по фронту и вглубь до 3 км, а к исходу 12 января плацдарм был расширен по фронту до 5 км. Населенный пункт Марьино был разрушен, только несколько печных труб свидетельствовали о том, что здесь когда-то был населенный пункт.

На захваченный плацдарм переместился командный пункт дивизии, а вместе с ним и наш отряд. Ночью отряду была поставлена задача прикрыть разрывы, образовавшиеся в боевых порядках частей. Для этого были использованы два стрелковых взвода и один взвод автоматчиков, усиленные каждый станковым пулеметом. В течение ночи мы с командиром отряда организовали выдвижение и оперативное переподчинение взводов командирам частей.

Вернувшись, изрядно уставшие, мы уснули в одной из землянок отряда. Но вскоре проснулись от глухих взрывов, как будто кто-то стрелял в землянке. Когда разобрались, в чем дело, оказалось, что кто-то закрыл отверстие в плите диском с патронами от ручного пулемета. Плита топилась дровами, и когда они разгорелись, патроны в диске начали взрываться.

С утра 13 января бои носили особенно упорный и ожесточенный характер. Противник, оказывая сильное сопротивление, проводил подошедшими резервами яростные контратаки. 136-я дивизия, несмотря на то, что ее фланги оказались обнаженными, продолжала наступать и к исходу второго дня продвинулась еще на 3 км. С вечера второго дня и особенно с утра третьего дня боя, т.е. 14 января, командующий 67-й армии начал вводить в бой соединения второго эшелона – 123-ю и 13-ю дивизии, а также 102-ю стрелковую бригаду.

На участке 2-й ударной армии Волховского фронта ожесточенные бои шли в районах Липки, Рабочих поселках № 4, 7, 8. За третьи сутки боя войска ударных группировок незначительно продвинулись вперед. Расстояние между наступающими войсками 67-й и 2-й ударной армиями сократилось до 3–4 км.

В последующие дни обстановка на всем плацдарме обострилась, особенно в районе 2-го городка, где противник часто контратаковал 102-ю стрелковую бригаду и вновь введенную в бой 123-ю бригаду. Наш отряд в то время действовал в районе Беляевского болота. Нас перегруппировали в стык между этими бригадами, и совместно с ними мы отражали контратаки подходящих резервов противника.

Боевые действия в эти дни были ожесточенными, потери с обеих сторон были большие. Опушка небольшой рощи была усеяна трупами, лежащими в страшных позах. С каждым днем противник усиливал сопротивление.

В течение 15 и 16 января по всему плацдарму шли упорные бои. Все попытки правofланговых соединений 67-й армии продолжить наступление в районе 8 ГЭС успеха не имели: они отражались сильными контратаками.

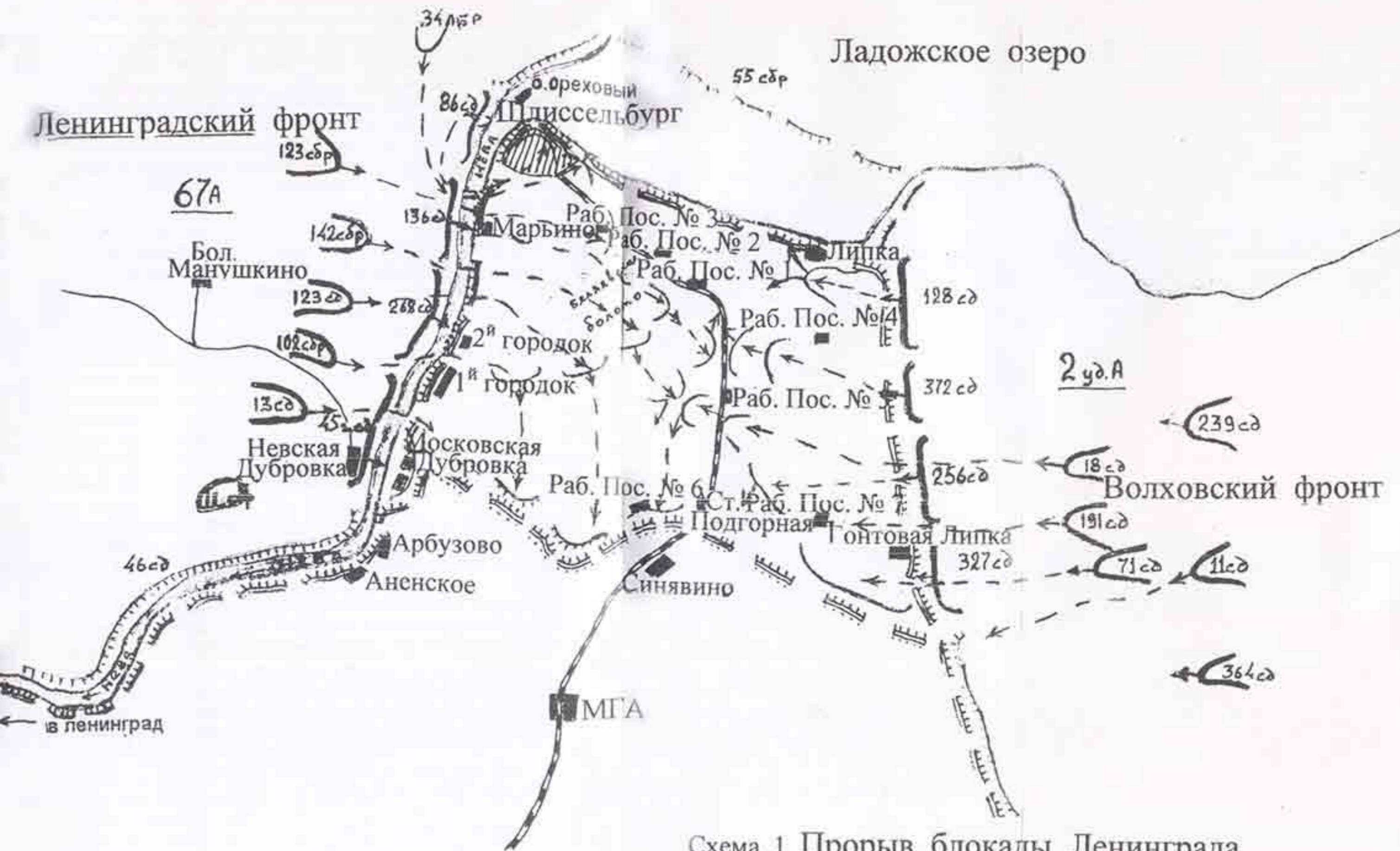

Схема 1 Прорыв блокады Ленинграда
(12.01 - 18.01.1943г.)

Огонь противник вел со 2-го городка. В этом районе совместно с подразделениями 102-й бригады действовали на ее флангах два наших взвода.

При посещении взводов я встретился с командиром бригады Угрюмовым, который, как я уже упоминал, в начале войны командовал нашей 177-й стрелковой дивизией. Он выглядел осунувшимся, постаревшим и больным. В мирное время в таком состоянии он бы немедленно был отправлен в госпиталь. В военное – только ранение давало право на госпитализацию. В то время мало кто болел, нервное напряжение справлялось почти со всеми болезнями.

Упорные бои развернулись за Шлиссельбург. 16 января части 86-й дивизии начали штурм города. Дом за домом, квартал за кварталом переходили в руки наших бойцов. Наступил шестой день операции. На главном направлении вновь разгорелись яростные бои. Их вели воины 136-й, 123-й дивизий и 123-й бригады. На левом фланге 86-я дивизия и 34-я лыжная бригада продолжали вести бои по овладению Шлиссельбургом.

Наибольших успехов добилась на центральном участке 136-я стрелковая дивизия, которая 18 января соединилась в районе Рабочего поселка №5 с войсками 2-й ударной армии Волховского фронта. Нам было приятно сознавать, что 136-я стрелковая дивизия, вместе с которой наш отряд начал прорывать блокаду, первой соединилась с войсками Волховского фронта.

Итак, за семь дней – с 12 по 18 января – 1943 года части ударных группировок фронтов, действующие на главном направлении, продвинулись на 8-9 км и прорвали блокаду Ленинграда. Этого события ждали воины Ленинградского фронта, жители города, да и весь Советский народ. Ликованию не было предела, и было чему радоваться. То, о чем думали в течение 16 военных месяцев ленинградцы, свершилось. Воины, принимавшие участие в прорыве блокады Ленинграда, плакали от счастья. Когда весть о прорыве разнеслась по всем уголкам нашей страны, поднялась новая волна всенародной помощи городу на Неве, который получил сухопутную связь со страной.

Одержав победу в тяжелых семидневных боях, воины ударных группировок Ленинградского и Волховского фронтов вписали новую страницу в героическую историю Великой Отечественной войны. Особо отличившиеся в боях по прорыву блокады 136-я стрелковая дивизия Ленинградского и 327-я стрелковая дивизия Волховского фронтов были преобразованы в 63-ю и 64-ю гвардейские стрелковые дивизии. Победа под Ленинградом имела большое значение. Стратегическое положение Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота значительно улучшилось.

Успешные боевые действия южнее Ладожского озера способствовали укреплению веры нашего народа, народов поработанных стран и союзных государств в близость окончательной победы над немецко-фашистскими войсками.

С января 1943 года наступил решительный перелом в битве за Ленинград. Инициатива перешла к Советским войскам, их сила и боевая мощь с каждым днём нарастали. Это создавало благоприятные условия для подготовки полного разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом.

В составе войск, осуществлявших прорыв блокады Ленинграда, было много пермяков:

- в 86-й стрелковой дивизии, штурмовавшей Шлиссельбург, был командир взвода Михайлов Михаил Иванович;
- громил противника в составе 871-го истребительно-противотанкового: артиллерийского полка Архипов Пётр Иванович;
- прорывал блокаду, участвовал в снятии блокады, а также в боях в Польше и Чехословакии однополчанин автора этих страниц – Мариев Иван Петрович, живущий в Соликамске;
- с "Дорогой жизни", сыгравшей важную роль в обеспечении Ленинграде и войск всем необходимым, тесно связаны боевые дела Фаины Васильевны Каменских.

Перечислить всех, участвовавших в прорыве блокады Ленинграда, на этих страницах, конечно, невозможно. Сейчас ветераны тех событий ведут большую общественную работу.

6. Подготовка к решающим боям

Вторую половину января, весь февраль и март 1943 года наш отряд действовал в районе Синявино, выполняя в основном оборонительные задачи. Мы долго не задерживались на одном месте. По решению штаба 67-й армии, в чьё распоряжение мы возвратились после прорыва блокады, нас систематически перебрасывали с одного участка на другой. В марте мы оборонялись в район: треугольника железной дороги на северных скатах Синявинской высоты.

В последних числах марта наш отряд был выведен из боя и находился в Шлиссельбурге, затем поездом перевезен в Ленинград, где был расформирован. После сдачи всех дел я получил новое назначение – начальник штаба батальон: 142-й отдельной морской стрелковой бригады.

Бригада принимала участие в прорыве блокады, понесла большие потери в конце марта была выведена для пополнения. Командир бригады полковник Кошценко после короткой беседы направил меня в распоряжение командир; 1-го отдельного морского стрелкового батальона. Командовал батальоном Ан типов Анатолий Иванович, которому вскоре присвоили военное звание "Майор". Не успел я как следует ознакомиться с батальоном, как батальон получи, приказ совершить марш в район Манушкино, где формировалась новая дивизия. Из нашего батальона и 1-го отдельного батальона 11-й отдельной стрелковой бригады формировался 289-й стрелковый полк 120-й стрелковой дивизии Анатолия Ивановича назначили начальником штаба полка, а меня – первым помощником (ПНШ-1). И мы с ним начали формировать полк. Вскоре на должность командира полка прибыл подполковник Треховицкий, ранее работавший в оперативном отделе 42-й армии. Заместителями командира полка бы ли назначены: по строевой – майор Калюта Степан Федорович; по политчасти майор Комаров Иван Иванович.

На должности командиров батальонов прибыли В. Н. Миронов, Е. А. Прибавкин и Новоселов.

Весь апрель прошел в напряженной работе по формированию подразделений. Особенно трудно было нам, молодым офицерам штаба. Нужно было кроме решения вопросов формирования и вооружения подразделений организовывать размещение, боевую подготовку, боевое обеспечение и контроль. Штаб полка в этот период уделял большое внимание организации контроля за деятельностью тех подразделений, которые влились в состав полка, поскольку мы мало знали эти подразделения и их командиров. Командир полка и начальник штаба осуществляли контроль за деятельностью батальонов, а мне было поручено контролировать спецподразделения полка.

Проверяя работу узла связи и размещение роты связи, ее командир старший лейтенант Скородуля, представляя свое подразделение, остановился у одной из землянок, где находилась группа девушек – радисток и телефонисток. Они были переведены к нам из 11-й бригады и нуждались в необходимых бытовых условиях, которые, к сожалению, на фронте не всегда можно было создать. Командиры подразделений, в которых находились девушки, не всегда проявляли заботу и внимание к этой категории военнослужащих. Здесь я впервые увидел Анастасию Васильевну Баранову, с которой вместе мы прожили 60 лет и прошли сотни километров по тяжелым фронтовым дорогам, отдали военной службе в Заполярье, Зауралье и на Западном Урале многие годы.

Кроек об Анастасии Васильевне. Родилась в Белоруссии в 1922 году, с 1937 года жила в Ленинграде, работала на военном заводе. С начала войны вместе с рабочими завода возводила оборонительные укрепления на подступах к Ленинграду. В конце 1941 года добровольно поступила в школу радиоспециалистов Ленинградского фронта. После ее окончания попросилась на фронт и была направлена радистом в 11-ю стрелковую бригаду. В составе бригады принимала участие в боевых действиях в районе Невская Дубровка и на других участках Ленинградского фронта. В апреле 1943 года была назначена радистом во вновь сформированный 289-й стрелковый полк. В то время в нашем полку служили на разных должностях Полина Силаева, Наташа Пяревская, Аня Артемьева, Тамара Гаврилова, Тамара Беркоз. Они переносили все тяготы фронтовой жизни и добросовестно выполняли свои обязанности. В боях была ранена Полина Силаева, а Тамара Беркоз погибла.

Анастасия Васильевна принимала участие в боевых действиях при прорыве блокады, по уничтожению противника на Синявинских высотах, обеспечивая надежную радиосвязь. За участие в этих боях была награждена медалью "За боевые заслуги". С января 1944 года участвовала в боевых действиях по снятию блокады, освобождала Гатчину, Нарву, Эстонию.

В апреле 1944 года по состоянию здоровья была демобилизована, до 1946 года жила и работала в Ленинграде, воспитывала дочь.

С 1946 года она вместе со мной преодолевала трудности послевоенной поры. И вот уже без малого 60 лет наша фронтовая семья живет в мире и согласии. Этому в немалом способствуют дочь Людмила и внучка Юлия, которые проявляют заботу о нас.

Анастасия Васильевна награждена орденом "Отечественная война" I степени и десятью медалями. С 1947 по 1951 год она была членом женсовета дивизии в Заполярье, а в 1957–1958 годах принимала активное участие в общественной жизни семей офицерского состава воинской части. Была награждена грамотами.

Офицерский состав, поступивший для формирования полка, имел опыт ведения боевых действий, принимал участие в боях на ряде участков Ленинградского фронта, большинство офицеров – участники прорыва блокады – были неоднократно ранены. Все мы быстро сдружились, а это важно в боевой жизни. Особенно хорошие, деловые отношения сложились с помощником начальника штаба по разведке (ПНШ-2) старшим лейтенантом Мельником, командиром батальона Мироновым и другими офицерами.

В конце апреля начались строевые смотры, проверки и учения, которые проводили командиры дивизии полковник Батлук Алексей Васильевич, его заместитель Федотов Матвей Дмитриевич, начальник штаба полковник Гусев Василий Степанович.

В период формирования полка мы находились в резерве фронта, нас ориентировали на выполнение боевых задач при контратаках на ряде направлений и переходе к обороне. Мы неоднократно выезжали для проведения рекогносцировок на этих направлениях.

Одним из важнейших направлений было Пулковское. Я принимал участие в этих полевых поездках. Было интересно побывать в тех местах, где проходили тяжелые оборонительные бои осенью 1941 года. Все здесь было знакомо, однако артиллерия противника уже не господствовала, как это было в 1941 – 1942 годах. Наоборот, наша артиллерия вела методический огонь по противнику, и мы ни разу не попали под обстрел противника.

Одна из рекогносцировок в район Невская Дубровка и Кузминки проводилась на лошадях, которых я с детства любил, но верхом никогда не ездил. Командир полка Треховицкий потребовал, чтобы все участники рекогносцировки были верхом на лошадях. До этого я всегда выезжал на двуколке. Эта рекогносцировка была очень длительной. Проездили около двух суток, изучили большой участок фронта по берегу реки Невы. Вернулся из этой поездки не чуя ног под собой, да и всего тела. Несколько часов пролежал в своей землянке, прежде чем смог подняться на ноги и нормально двигаться. Пришлось учиться верховой езде по-настоящему. Командир полка добился своего, отучив меня ездить на двуколке. Но лихим кавалеристом я не стал, хотя в седле пройдены сотни километров.

В июне 1943 года шла усиленная подготовка к десантной операции – высадке частей дивизии в район Арбузово, Анненское, откуда они должны были нанести удар во фланг Снявинской группировке противника. Все подразделения усиленно отрабатывали посадку и высадку на катерах Ладужской военной флотилии, которые должны были принять на свои плавсредства части дивизии в районе устья Черной речки, и, следуя вниз по течению реки Невы, высадить их на вражеский берег в районе Арбузово, Анненское.

Управление высадкой должно было осуществляться с берега, противоположного Арбузово, где мы выбрали наблюдательный пункт. В этом же районе располагалась вся артиллерия дивизии, которая должна была участвовать в артиллерийской подготовке и поддержке боя.

Накануне, за сутки до предполагаемой высадки, мы с ПНШ-2 Петром Мельником, ПНШ-3 Николаевым прибыли на наблюдательный пункт, организовали связь, наблюдение и готовились принять на себя управление подразделениями полка при их высадке. Около суток находились мы на наблюдательном пункте, вдруг неожиданно к нам прибыл посыльный штаба полка с письменным распоряжением, в котором было указано, чтобы мы немедленно свернули связь, сняли наблюдение и полковую артиллерию и прибыли в расположение полка в район Черной речки. Прибыв туда, узнали, что десантная операция отменяется и нам приказано начать подготовку для наступления на Сinya-вино с севера.

После короткой рекогносцировки мы получили приказ о наступлении на Сиявинские высоты. На подготовку к бою было отведено три дня.

Штаб нашего 289-го стрелкового полка приступил к этой кропотливой работе. И на меня, как на первого помощника начальника штабашегла основная нагрузка по организации боя. Пока шла подготовка к принятию решения командиром полка, пришлось вертеться как белка в колесе – готовить все необходимые данные. После того, как командир объявил его, напряжение в работе увеличилось. Нужно было оформлять это решение, доводить его до исполнителей. Вспоминая те дни, удивляешься, как мы могли выдержать такое напряжение. Иногда по 3-5 суток не спали и совершенно измотанные начинали наступление – и все "на своих двоих". Тяжела доля офицеров штабов полков и дивизий. Пока идет подготовка к наступлению, офицеры штабов в работе, а командир, приняв решение и объявив его, имел возможность отдохнуть. Ну, а с началом наступления все в полнейшем напряжении. При малейшей передышке, на привалах, командир с подразделением худо-бедно, но найдет время для отдыха, а офицеры штабов организуют боевое обеспечение: разведку, охранение, материально-техническое снабжение и т.д. – отдыхать им приходилось очень мало.

Во время подготовки к наступлению мы тщательно изучили подходы к Сиявинской высоте. Это было огромное поле торфоразработок, многие выработки были заполнены водой. По этому полю проходило несколько грунтовых Дорог, по которым осуществлялось передвижение войск, их снабжение и эвакуация. Эти дороги всегда обстреливались артиллерийским и минометным огнём Противника. Очень часто от артминометного огня загорался торфяник и мы буквально задыхались от едкого дыма. Спасительными были дожди, которые хоть немного очищали воздух и гасили пожары.

Следы зимних боевых действий при прорыве блокады видны были повсюду: подбитые и сгоревшие танки стояли на нейтральной полосе, а также на наших позициях и позициях противника; множество воронок – свидетели минувших ожесточенных боёв.

Некоторые подбитые танки, стоящие в нашем расположении, были использованы для наблюдательных пунктов, а также для укрытия личного состава.

Закончив подготовку к наступлению, мы сменили подразделения 11-й стрелковой дивизии и заняли исходное положение у подножия Синявинской высоты.

Синявинские бои июля 1943 года начались после сильной артподготовки. Подразделения полка и соседние полки дружно перешли в атаку, овладели первой траншеей противника, на некоторых участках – и второй траншеей, но были остановлены упорным сопротивлением врага. Атака развития не получила. Одной из причин, о которой в то время не хотели говорить, явился удар последнего залпа реактивных минометов М-13, наших легендарных "Катюш" перед нашей первой траншеей и по некоторой части боевого порядка подразделений, изготовившихся к атаке. Это отрицательно повлияло на моральный дух личного состава и на результат атаки.

Следует признать, что наша 9-я стрелковая рота успешно атаковала противника, прорвалась в глубь его обороны. Но ее никто не поддержал, и она оказалась окруженной. Последующие попытки оказать помощь роте или продвинуться на линию, достигнутую этой ротой, успеха не имели. Рота продолжала вести бой в окружении, затем ночью отдельными группами отошла на наши позиции.

Об этом залпе "Катюш", рассеянном на большой площади и по боевому порядку наших подразделений, многие командиры старались не вспоминать. Однако во время встреч однополчан в Гатчине и в Ленинграде этот вопрос поднимался – что произошло тогда? Многие неохотно вспоминают эти трагические дни, некоторые не желают ворошить прошлое.

Из воспоминаний на встречах в 70-х годах и в переписках с однополчанами стало проясняться, что этими вопросами тогда, в июле-августе 1943 года, занималась по указанию командующего войсками фронта специальная комиссия, которая установила, что в момент нашего залпа реактивной артиллерии был ответный залп шестиствольных минометов противника, который прошелся по некоторой части боевого порядка изготовившихся к атаке подразделений полка. Кроме того, А.В. Батлук, работая над своей книгой, в архиве Министерства обороны разыскал список 9-й стрелковой роты, на котором были пометки около каждой фамилии – указывалось, что произошло с бойцом. Только 4-5 человек оказались пропавшими без вести. Результаты расследования комиссии спасли командира и начальника штаба 289-го стрелкового полка, а также некоторых артиллерийских начальников, которых собирались снять с занимаемой должности и назначить с понижением.

Около месяца наш полк вел изнурительные бои за Синявинские высоты, однако успеха не достиг. Мы понесли потери, нас сменили, и мы были отведены сначала в Шлиссельбург, а затем на формирование в район Токсово, куда прибыли в октябре 1943 года.

Этот район ранее занимали резервы, здесь были землянки, требующие ремонта и восстановления. Полк начал пополняться личным составом, вооружением. Особенно много хлопот нам было с лошадьми. Мы получили монгольских лошадей, низкорослых, выносливых, но в то же время совершенно необученных. Чтобы запрячь этих "дикарей" в повозку, требовалось много усилий и сноровки. Они были неуправляемы. Пришлось много времени уделить их обучению. Забавная это была картина, когда несколько человек держат одну маленькую лошадку, а двое накатывают на нее повозку и запрягают. Затем лошадь с повозкой срывается с места и, не придерживаясь дорог, не слушая поводов, мчится по землянкам, кустам, застревая между деревьями.

С полученным пополнением началась боевая учеба, подготовка мелких подразделений и формирование рот, батальонов и полка в целом. Вскоре проводились ротные и батальонные учения с боевой стрельбой на Токсовском полигоне.

Во время одного из таких учений командир дивизии полковник А.В. Батлук бросал пристальный взгляд на меня и Петра Мельника и каждый раз улыбался. В конце учения, после разбора, мы с Мельником стали "именинниками". Комдив поздравил нас с присвоением очередного воинского звания "Капитан" и вручил нам капитанские погоны. Нас все поздравляли и называли молодыми капитанами, а было нам тогда по 24 года. Вернувшись с учений в район расположения полка, мы отметили это событие должным образом.

Большое внимание в период формирования полка уделялось подготовке командного состава. Проводились командирские занятия, штабные тренировки и командно-штабные учения. Для нас, молодых офицеров, эти занятия, тренировки и учения имели большое значение. Мы овладевали искусством управления подразделениями в бою, пополняли свои тактические знания.

В некоторых штабных тренировках и учениях штаба дивизии участвовали офицеры штабов полков. Меня часто привлекали к этим мероприятиям. Начальник штаба дивизии полковник Гусев В.С. настойчиво учил меня всему штабному искусству. Он был очень требовательным, и мне часто попадало от него за те или иные промахи в работе.

Начальник штаба полка майор Антипов А. И., как я уже говорил, был из моряков, поэтому все общевойсковые дела переложил на меня. Он целиком мне доверял и часто напоминал: "Пехотные" вопросы решай сам!" А в стрелковом полку все пехотное.

Располагаясь в районе Токсова, мы в основном находились в резерве фронта. Иногда нас переподчиняли армиям – в течение месяца мы входили в состав 2-й ударной армии. Каждое переподчинение в какой-то мере отражалось на нашей деятельности. Каждый командующий предъявлял свои требования к боевой подготовке войск. Командующий 2-й ударной армией особое внимание уделял умению прорывать долговременную оборону противника. Другие командующие отдавали предпочтение боевым действиям в лесисто-болотистой местности. Особые требования предъявлял командующий войсками фронта Говоров. Он учил хорошо организовывать взаимодействие и вести боевые

действия на большую глубину. Сам Говоров часто бывал в войсках и вникал во все мелочи подготовки войск. Сурово наказывал за поверхностное решение вопросов.

7. Снятие блокады

Завершался 1943 год. Он принес успехи на фронтах Великой Отечественной войны. Обстановка к концу 1943 года определялась в первую очередь победами наших войск в битве на Волге, здесь, у нас, под Ленинградом, Курском, Смоленском, на Левобережной Украине, в Донбассе и на Днепре. Эти победы знаменовали коренной перелом в вооруженной борьбе и явились предвестником неизбежного и полного разгрома фашизма.

Наши войска, освободив к концу 1943 года от фашистских захватчиков две трети временно оккупированной Советской земли и окончательно закрепив в своих руках стратегическую инициативу, были готовы к проведению новых крупных наступательных операций.

Декабрь ушел у нас на подготовку к боевым действиям батальонов и полка. Мы были ориентированы на готовность в ближайшее время перейти в решительное наступление с целью разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом. Шли разговоры о том, что будем наносить удар из района Пулково.

Новый, 1944 год мы встретили в обстановке готовящегося удара по фашистским войскам. Все воины горели желанием отомстить врагам за муки и страдания ленинградцев. В первых числах января начали подготовку к выдвиганию в район прорыва. Одним из участков для прорыва, на который нас нацеливали, была уже известная Пулковская высота.

Штаб приступил к разработке документов на марш.

Начали мы марш при сильном снегопаде в ночь на 11 января 1944 года. Пройдя около 40 км, остановились на дневку в районе Всеволожский. Здесь нам уточнили задачу на дальнейшее выдвигание и переподчинили нашу дивизию командующему 42-й армией для развития наступления в направлении Пулково, Дудергоф, Тайцы, Гатчина.

Миновав район Всеволожский, следовали по маршруту Колтуши, Рыбацкое. Часть маршрута проходила по восточной и южной окраинам Ленинграда, и мы опасались, что будут самовольные отлучки воинов для посещения родных и близких – большинство воинов полка были ленинградцами. Но наши опасения оказались напрасными, ни один человек не покинул своего подразделения, а ведь некоторые проходили вблизи своих домов, правда, дома, как правило, были пусты, часть из них разрушены.

Благодаря хорошо организованной службе регулирования подразделения полка без каких-либо осложнений прошли Ленинград, следуя в направлении Пулково. Подход непосредственно к Пулковской высоте осуществлялся в период, когда первый эшелон армии – 30-й гвардейский стрелковый корпус – прорвал передний край обороны противника и вел бой в его тактической глубине.

Финляндия

Ладожское озеро

Финский залив

Сестрорецк

Ленинградский фронт

Шлиссельбург

Кронштадт

Ораниенбаум

Ленинград

Невская Дубровка

Сивьевско

24а

23а

42а

47а

Ушково

Коприно

Ропша

Чудово

Курбо

Дудергоф

Бор

Тайцы

Матчина

Госно

Рождествено

Любань

Кингисепп

Нарва

Ивановское

Сланцы

Бол. Сабск

Ст. Мшинская

Голмачево

Ляды

Луга

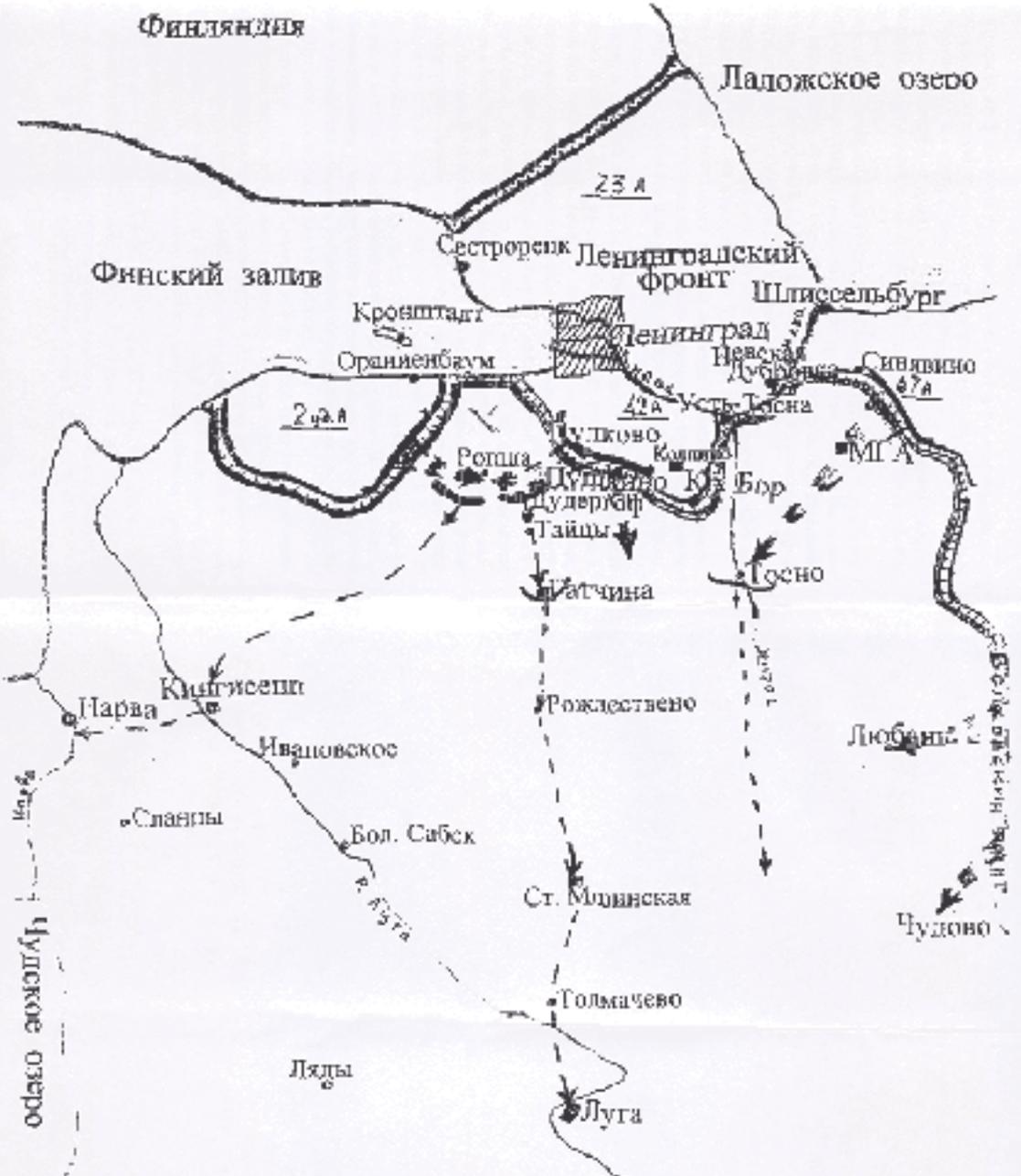
Чудское озеро

Боло-Ольгин фронт

Чудово

Схема 2 Снятие блокады Ленинграда (14.01 - 26.01.1944г.)

Струги-Красные

Мы проходили мимо огневых позиций нашей артиллерии, которая вела огонь по противнику, все кругом гремело и грохотало.

Вечером 19 января 42-я армия из района Пулково и 2-я ударная армия из района Ораниенбаума соединились в районе Русско-Высоцкое, образовав общий фронт наступления.

Петергофско-Стрельнинская группировка немцев оказалась окруженной и 20 января была полностью ликвидирована. Две вражеские дивизии были разгромлены, пять других понесли большие потери, более тысячи гитлеровцев взяты в плен. Были захвачены большие трофеи, в том числе артиллерия крупного калибра, которая обстреливала блокированный город.

20 января наша 120-я дивизия получила задачу командующего 42-й армией – развивать наступление в направлении Дудергоф, Тайцы, Гатчина.

К утру 21 января части нашей дивизии подошли к населенному пункту Дудергоф и к 10.00 были готовы к наступлению. Предстояло прорвать прочную оборону противника, засевшего в населенных пунктах Бол. Ивановка, Тайцы, Александровское.

Приближалось время ввода в бой. Это самый ответственный и сложный период боевых действий. Успех ввода в бой зависел от знания обстановки, а она в период боя часто противоречива и информация недостоверна. Данные, которые поступали к нам от впереди действующих частей и подразделений, были неполными. Нужно было своими разведподразделениями добывать необходимые сведения о противнике, о местности, особенно на предполагаемом рубеже ввода в бой. В ходе наступления имели место случаи, когда рубеж ввода в бой, определяемый вышестоящим командиром, часто находился в глубине обороны противника. Прежде чем достигнуть его, необходимо было вести упорные бои, потратив на это много сил, средств и времени.

После прохождения пункта Дудергоф штаб дивизии ориентировал нас на готовность ввода в бой для уничтожения противника на рубеже Бол. Ивановка, Тайцы, Александровское; в последующем мы должны были выйти на рубеж реки Ижора в готовности к боевым действиям по уничтожению противника на подступах к Гатчине и освобождению этого города.

Для уточнения системы обороны в районе Тайцы была проведена разведка боем, которая частично определила характер обороны противника.

Решением командира дивизии полковника А.В. Батлука для уничтожения противника в населенном пункте Тайцы были развернуты 538-й и 543-й стрелковые полки в первом эшелоне и наш 289-й стрелковый полк – во втором эшелоне. Кроме того, планировался маневр лыжного батальона капитана Прибавкина во фланг и тыл противника.

Боевые действия начались в 22.00 21 января 1944 года после 20- минутной артиллерийской подготовки. Нужно отметить, что это был первый ночной бой частей дивизии этого состава, воины дивизии провели его успешно, показав образцы мужества и умение действовать в ночных условиях.

Пройдя через поредевшие боевые порядки частей 30-го гвардейского корпуса, полки нашей дивизии продолжали атаку, тем самым создав необходимые условия для вывода из боя гвардейцев, которые в течение шести дней непрерывных боев храбро сражались, понесли большие потери и нуждались в отдыхе и пополнении. Воины 30-го гвардейского стрелкового корпуса, в состав которого входила 63-я гвардейская дивизия (бывшая 136-я стрелковая дивизия), в этих боях, как и при прорыве блокады, проявили мужество и героизм. Бойцы 63-й гвардейской стрелковой дивизии славились по всему фронту. Гвардейцы имели богатый опыт прорыва обороны противника, они отличались от воинов других дивизий – всегда подтянутые, энергичные. Их называли "ханковцами", "гангутовцами", чем они очень гордились.

К 6.00 22 января части нашей 120-й дивизии освободили Бол. Ивановку, Тайцы, Александровское, продолжая наступление к рубежу реки Ижора, последнему рубежу на подступах к Гатчине.

Гатчина – узел шоссейных и железных дорог – была превращена противником в крепость. Подходы к городу прикрывали опорные пункты с развитой сетью оборонительных сооружений и большим количеством дотов и дзотов. Весь Гатчинский узел обороны был опоясан противотанковыми заграждениями, рвами, эскарпами и минными полями. Бои на подступах к Гатчине были упорными.

Здесь нужно заметить, что в то время, когда 538-й и 543-й стрелковые полки вышли на рубеж Кирилово, Бол. Верево и были на нем остановлены противником, наш 289-й стрелковый полк получил задачу действовать вдоль железной дороги на Гатчину, обойти Кирилово, Бол. Пегелево и с ходу форсировать реку Ижора. Одна Из стрелковых рот, действуя на обходящем фланге, перешла через железную дорогу, натолкнулась на засаду противника, который, заняв небольшую господствующую высоту, внезапно обстрелял эту роту. Командир роты допустил оплошность в ведении разведки, что привело к большим потерям.

В ночь на 24 января части дивизии вышли к реке Ижора, но с ходу преодолеть ее не смогли. После тщательной подготовки и повторной атаки части дивизии к утру 25 января форсировали реку Ижора и вышли на северную и восточную окраины Гатчины. Начались упорные уличные бои. Противник ожесточенно боролся за каждое здание.

Наиболее успешно действовал наш 2-й стрелковый батальон под командованием майора Миронова Василия Никитича. Батальон, овладев совхозом Хохлова, первым ворвался в Гатчину. Здесь в упорном бою за группу зданий Василий Никитич был тяжело ранен. Его сначала не могли найти, затем, когда нашли, эвакуировали в тыл. Ранение было очень серьезное, и после выздоровления он в строй уже не вернулся. Сейчас Василий Никитич живет в г. Химки Московской области.

В течение 25 января на улицах Гатчины продолжались упорные бои, и только к 12.00 26 января Гатчина была освобождена.

Освобождение Гатчины ознаменовало полное снятие с города Ленинграда 900-дневной блокады. В знак особых заслуг нашей 120-й стрелковой дивизии было присвоено наименование "Гатчинская". 26 января 1944 года воины частей дивизии по радио слушали приказ Верховного Главнокомандующего, в котором им объявлялась благодарность за освобождение Гатчины, а 27 января приказом Военного Совета Ленинградского фронта извещалось о снятии блокады с Ленинграда. Эти приказы вдохновили нас на новые ратные подвиги.

И вот я снова в Гатчине. Город выглядел не таким, каким я его видел в 1941 году. Он был разрушен. Фашистские оккупанты в 1941 – 1944 годах нанесли Гатчине огромный ущерб. Аллеи парка были изрыты траншеями, вековые деревья расколоты снарядами и пулями. При бегстве из города фашисты подожгли Гатчинский дворец, большинство зданий были закопчены от пожаров.

8. Развитие наступления. Освобождение Ленинградской области и Эстонии

После освобождения Гатчины мы около суток приводили себя в порядок и готовились к дальнейшим боевым действиям. Рано утром 28 января 1944 года командир дивизии Алексей Васильевич Батлук прибыл в полк и поставил боевую задачу – развивать наступление вдоль дороги Гатчина – Луга. Времени на подготовку к выполнению задачи не было, и пришлось решение принимать на ходу. Полк начал движение в походной колонне, и в ходе движения батальонам и другим подразделениям ставились боевые задачи.

Боевые действия на Лужском направлении развивались в основном вдоль дороги. Спротивление, оказываемое в населенных пунктах вдоль дороги, вынуждало нас предпринимать обходные маневры, которые иногда не давали желаемых результатов, так как отсутствие дорожной сети при обходе по глубокому снегу очень замедляло движение. Нам часто приходилось в густом лесу рубить просеку, прокладывая по ней дорогу, во многих местах укладывать жердевой настил. Это был адский труд, требующий много сил и времени. Очень часто такие работы в лесистой местности велись под огнем противника. Случалось, что мы не могли окружить противника, так как очень медленный выход наших подразделений на фланги и в тыл противника позволял ему своевременно отойти. Правда, общая цель достигалась, противник под натиском наших сил отходил, но темп нашего наступления был очень низким, и окружения не происходило.

Ценой больших усилий мы подошли к рубежу реки Оредеж, на котором противник нас остановил, удерживая населенные пункты Выра, Рождественно и северный берег реки Оредеж. Наши попытки с ходу сбить противника с этого рубежа успеха не имели. Пришлось вновь организовывать разведку и тщательно готовить бой.

К этому времени сложилась следующая обстановка. Действующий вдоль дороги 543-й стрелковый полк был остановлен упорным сопротивлением противника с населенного пункта Выра. Наш 289-й стрелковый полк начал обходить Выру с запада, но встреченный огнем с Рождественно и северного берега реки Оредеж также был остановлен. 538-й стрелковый полк предпринял более глубокий обход, вышел юго-западнее 289-го стрелкового полка к изгибу реки Оредеж. Таким образом части дивизии были втянуты в бой.

Противник оборонялся на выгодном рубеже. Река Оредеж надежно обеспечивала ему устойчивую оборону. Решением командира дивизии в ночь на 30 января начал действовать лыжный батальон капитана Прибавкина, который совершил глубокий обходной маневр и днем 30 января вышел в тыл противнику юго-западнее Рождественно, где завязался бой с противником силою до роты с танками. Активные и внезапные действия лыжного батальона создали угрозу окружения противника в Рождественно и Выре.

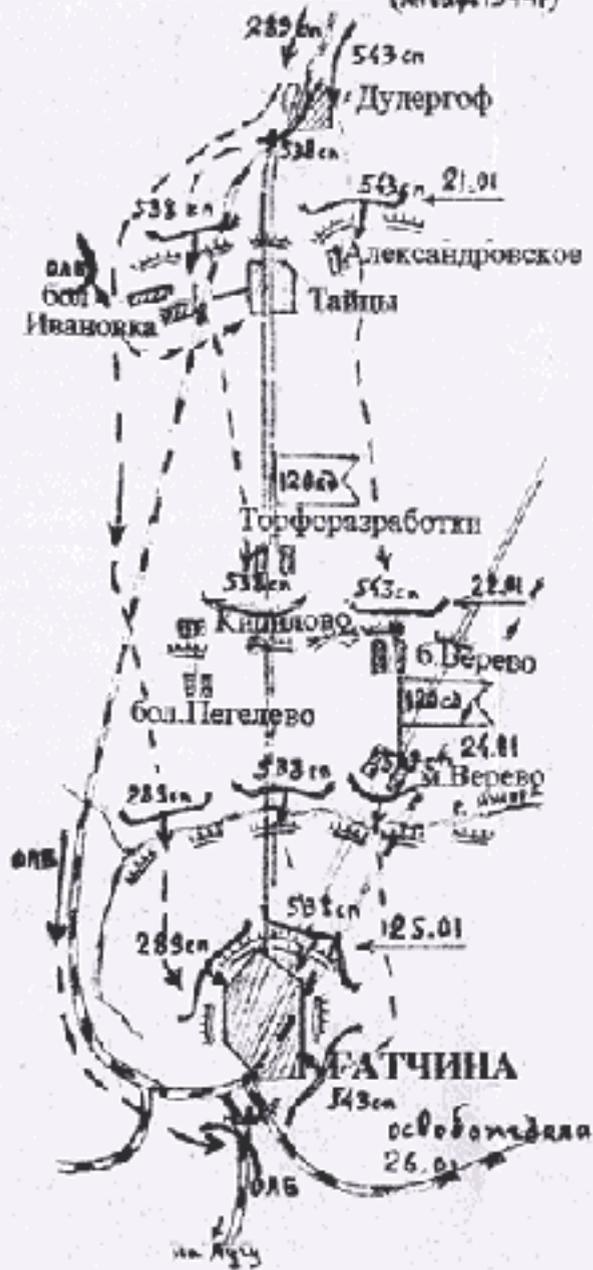
В ночь на 31 января совместными действиями с фронта, фланга и лыжного батальона с тыла части дивизии в упорном бою овладели Рождественно и Выре.

В Рождественно сейчас воздвигнут памятник воинам дивизии, погибшим в этих боях.

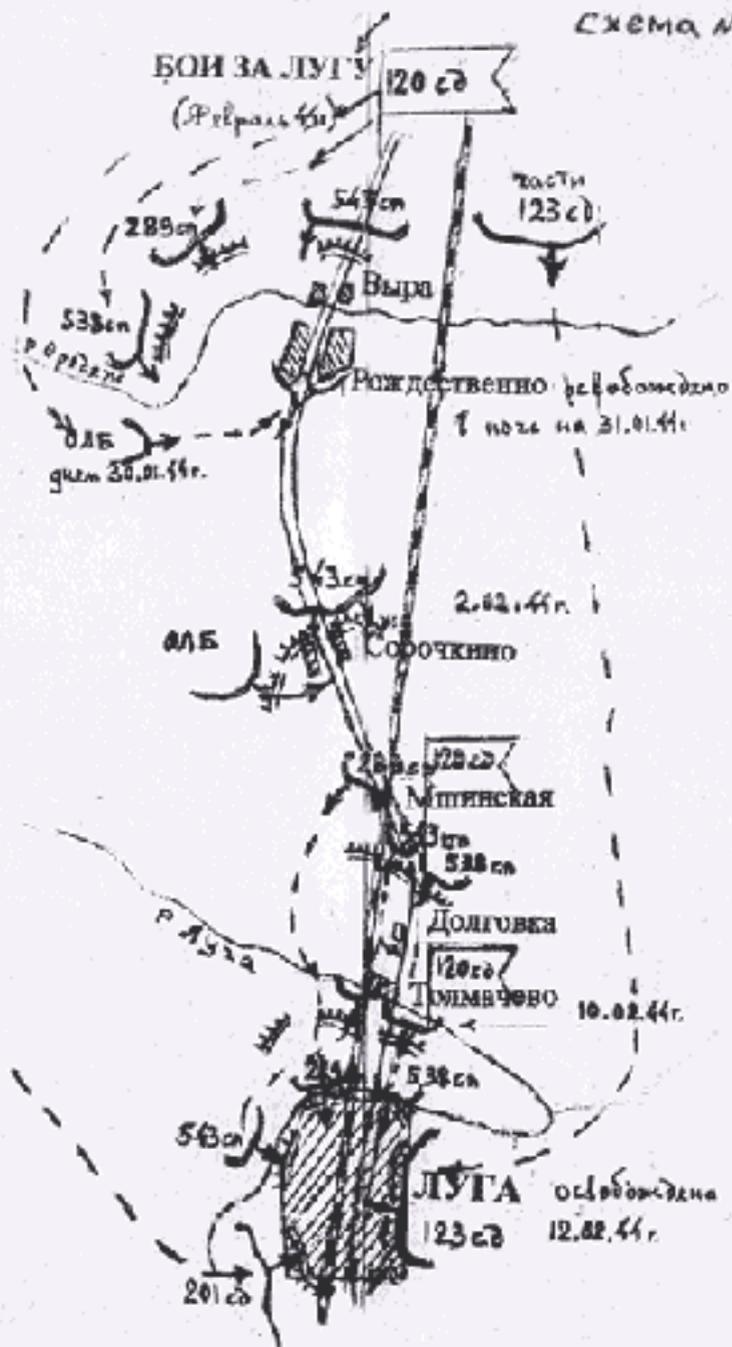
После короткого отдыха подразделения полка продолжили движение по дороге на Лугу. До населенного пункта Сорочкино противник особого сопротивления не оказывал. Освобождение Сорочкино было осуществлено 2 февраля силами 543-го стрелкового полка, наносящего удар с севера, и лыжного батальона Прибавкина, обходящего Сорочкино с юго-запада. Наш 289-й стрелковый полк следовал за 543-м полком и для боя за Сорочкино не развертывался, а был нацелен на захват с ходу станции Мшинская, являвшейся узлом шоссейной и железной дорог. Мы ожидали, что противник на этом рубеже окажет упорное сопротивление, однако по непонятным для нас причинам станция Мшинская была освобождена без особых трудностей, а вот дальнейшее продвижение было остановлено упорным сопротивлением противника на рубеже севернее Долговки.

Для прорыва этого рубежа были развернуты 543-й и 538-й стрелковые полки, а нашему полку было приказано совершить глубокий обходной маневр с целью выхода на реку Луга западнее Толмачева, и вот мы, уже в который раз, начали совершать глубокий обходной маневр по бездорожью, по лесам, сбивая мелкие группы противника, препятствующие обходу. Снежный покров достигал метра, а в некоторых местах и более, и поэтому темп продвижения был очень низким.

СХЕМА № 3
БОИ ЗА ГАТЧИНУ (сентябрь 1944г.)

СХЕМА № 4

Командир дивизии был недоволен таким темпом и по радио торопил нас, так как неоднократные попытки прорвать оборону противника с фронта успеха не имели.

Командование дивизии надеялось, что выход нашего полка в район Толмачево с запада ускорит выполнение задачи, стоящей перед дивизией, а дивизия должна была форсировать реку Луга и овладеть городом Луга.

Двигались мы всю ночь. К утру 10 февраля в районе западнее Толмачево попали под минометный огонь, было ранено несколько человек, смертельно был ранен мой боевой друг – помощник начальника штаба полка по разведке Петр Мельник. Мы очень переживали потерю этого скромного, смелого разведчика.

Выйдя в район западнее Толмачево, полк быстро развернулся, перешел в атаку, совместными усилиями части дивизии 10 февраля 1944 года овладели населенными пунктами Долговка и Толмачево, вышли на реку Луга, где были остановлены огнем противника.

В течение 10 и 11 февраля полки дивизии неоднократно предпринимали попытки форсировать реку Луга и овладеть городом Луга, однако успеха не имели. Противник сильно укрепил южный берег реки Луга, создал на нем прочную долговременную оборону. К 11 февраля к городу Луга с востока подошла 123-я стрелковая дивизия, а 201-я стрелковая дивизия вышла южнее, угрожая окружением города. Эта обстановка облегчила действия частей нашей дивизии, которые в течение ночи преодолели реку Луга и подошли к северной окраине города.

Началась подготовка к штурму города. Штаб нашего 289-го стрелкового полка находился прямо в боевых порядках. К нам на КП прибыли командир 117-го стрелкового корпуса генерал Трубачев и командир дивизии полковник Батлук. Уточнив некоторые вопросы взаимодействия, командир корпуса потребовал приступить к штурму города. И нужно отметить, что штурм прошел успешно, в течение 12 февраля Луга была освобождена.

После короткого отдыха в городе Луга мы начали готовиться к совершению марша. Основная группировка, действующая на Лужском направлении, развивала успешное продвижение вдоль дороги на Псков, а нашему 117-му стрелковому корпусу предстояло совершить марш в направлении Сланцы, Нарва. К началу марша нам стало известно, что войска 2-й ударной армии в районе города Нарва овладели плацдармом, но развить успешное продвижение вдоль дороги Нарва – Таллинн не смогли. И вот сейчас на этот плацдарм перегруппировался 117-й стрелковый корпус.

Предстояло совершить 200-километровый марш по заснеженным, плохим дорогам, а в некоторых местах и по бездорожью. Числа 20 февраля мы пришли в Сланцы, где расположились на дневку. Однако отдохнуть мне не пришлось, так как срочно вызвали в штаб дивизии, который был уже в Сланцах. Здесь формировалась рекогносцировочная группа, в которую вошли все ПНШ-1 полков, командиры спецподразделений дивизий.

Под руководством заместителя командира дивизии полковника М. Д. Федотова группа выехала на автомашине по маршруту дальнейшего движения дивизии для изучения переправ через реку Нарва, а также районов сосредоточения на плацдарме. Ехали мы почти всю ночь, затем перебрались по ледовой переправе на плацдарм и с рассветом приступили к изучению маршрутов выдвижения от переправы к местам сосредоточения.

На плацдарме к этому времени вели боевые действия соединения 2-й ударной армии. Обстановка в основном стабилизировалась. Ни одна сторона не вела активных боевых действий. 2-я ударная армия сил для дальнейшего наступления не имела и вынуждена была перейти к обороне.

К утру следующего дня начали подходить подразделения полка, все были очень уставшие. С выходом их на лед для преодоления реки артиллерия противника начала обстреливать переправу. В полку появились раненые. С большим трудом река была преодолена, и подразделения начали сосредотачиваться в заданном районе, приступили к оборудованию укрытий, организации охранения и маскировки.

Первоочередной задачей было изучение плацдарма, с которого нам предстояло уничтожить противника и освободить Эстонию. Когда разобрались в обстановке, стало известно, что боевые действия на плацдарме с момента его захвата носили ожесточенный характер. Лесисто-болотистая местность, отсутствие дорог, глубокий снежный покров – все это усложняло выполнение войсками поставленных задач, а также создание бытовых условий для личного состава. Отрывать какие-либо оборонительные сооружения в грунте нельзя было – кругом болотистая местность. Все приходилось делать насыпным, используя жерди и снег. Только на некоторых небольших возвышениях можно было врываться в землю.

Вскоре была получена боевая задача – сменить ранее действующие части, которые выводились на доукомплектование и отдых. На плацдарме проходила большая перегруппировка, 2-я ударная армия выводилась с плацдарма, на ее место прибывала 8-я армия, в состав которой вливалась наша 120-я стрелковая Гатчинская дивизия. Смена и занятие рубежа прошли организованно. Командиры подразделений приступили к изучению противника и местности и готовились к переходу в наступление.

В конце февраля после всесторонней подготовки началось наступление. Наш 289-й стрелковый полк успешно атаковал противника, несмотря на сложные условия местности, прорвал его оборону и на узком участке фронта продвинулся в глубь его обороны на 2-3 км.

Дальнейшее наступление было остановлено возросшим сопротивлением противника. Соседний справа 543-й стрелковый полк успеха не имел, оставался на исходном рубеже. В результате этого наш правый фланг оказался открытым. Противник воспользовался этим и с утра следующего дня, когда мы перенесли командный пункт поближе к своим подразделениям, перешел в контратаку. Контратака, в которой было задействовано более роты, пришлось в основном по району командного пункта полка, который с трудом отражал ее огнем личного оружия, а было нас на командном пункте 15 человек.

Не знаю, чем кончился бы этот бой, если бы в это время не подошел к нам второй эшелон штаба и один танк Т-34. Командир танкового полка, который был с нами, подполз к подошедшему к нам танку, залез в него и открыл огонь из пушки и пулемета по контратакующему противнику. Затем объединенными усилиями противник был отброшен. Когда мы подошли к рубежу, на который вышел контратакующий противник, насчитали более сотни ячеек в снегу и около 20 трупов.

Этот случай свидетельствует о том, что охране стыков и флангов, особенно в лесисто-болотистой местности, необходимо уделять первостепенное значение. Несколько слов об этом единственном танке, который спас командный пункт полка. Это был танк командира танкового полка, приданного нашему полку. Всего в танковом полку к началу наступления было четыре танка, три из них действовали совместно с подразделениями полка, а этот четвертый застрял при атаке, и после того, как его вытащили, подходил к командному пункту и как раз вовремя.

На третий день наступления сосед справа – 543-й стрелковый полк – тоже продвинулся вперед, вышел на уровень нашего полка и объединенными усилиями, после короткой артиллерийской подготовки, мы перешли в наступление, продвинулись еще на 2-3 км, но были остановлены упорным сопротивлением противника. На одном из участков около взвода наших солдат прорвались в глубину обороны противника и овладели развилкой дорог, вскоре их там противник окружил, но развилку дорог они удерживали долгое время. Мы сначала не могли понять, почему противник с самолетов начал сбрасывать мешки с продовольствием для своих частей, находящихся на переднем крае напротив подразделений нашего полка. Несколько таких мешков попало на нейтральную полосу и в наше расположение. Некоторые бойцы без разрешения командиров начали выдвигаться ползком за этими мешками, подвергаясь большой опасности, а друзья этих смельчаков огнем прикрывали их. В этих мешках были сухари, галеты, круглые плитки шоколада. Нам на командный пункт доставили один из мешков. И мы попробовали его содержимое. Оно явилось неплохой добавкой к нашему пайку.

Примерно в течение недели противник таким образом снабжал питанием свои подразделения, а в глубине его обороны иногда слышалась ружейно-пулеметная стрельба. Наши попытки перейти в наступление или выслать сильную разведгруппу в глубину обороны противника не увенчались успехом. И все-таки картина прояснилась. Когда спустя несколько дней мы снова перешли в наступление, продвинулись в глубь обороны противника на 4-5 км, обнаружили, что на развилке просек, по которым тогда проходили дороги, следы недавних боев и несколько трупов наших солдат. Дальнейшего развития наступление не получило, и мы перешли к обороне.

К этому времени полк понес заметные потери. Были ранены заместитель командира полка С. Ф. Калюта и некоторые командиры рот и взводов. Полк нуждался в пополнении и отдыхе. В первых числах апреля нас отвели во второй эшелон дивизии с задачей подготовить к обороне вторую полосу и контратаки на ряде направлений. Но долго находиться во втором эшелоне нам не позволяла

обстановка, так как противник 20 апреля 1944 года, в день рождения Гитлера, предпринял отчаянное наступление с целью сбросить наши войска с Нарвского плацдарма.

Накануне вечером, идя из полевой бани в расположении полка, я обратил внимание на необычную обстановку. Противник прекратил всякий огонь, и на плацдарме воцарилась такая тишина, как будто нет войны. А с утра следующего дня противник начал сильную артиллерийскую подготовку, перешел в наступление и на ряде участков вклинился в нашу оборону. Наш полк по тревоге выдвинулся вперед и занял промежуточный рубеж вдоль одной из просек, а с наступлением темноты начал выдвигаться для восстановления положения в стыке между полками первого эшелона дивизии.

Знал ли противник, где мы начали выдвигаться, не знаю, но попали мы под сильный заградительный артиллерийско-минометный огонь большой плотности, и продвигаться дальше просто не было возможности, начали нести потери. Ранен был командир полка подполковник Треховицкий, убит его адъютант Васильев, убиты и ранены многие воины полка. Мой полушубок оказался продырявленным в нескольких местах. Вскоре получили приказ перейти к обороне на достигнутом рубеже с целью не допустить дальнейшего продвижения врага.

Через несколько дней на должность командира полка прибыл подполковник Юрченко, но он у нас долго не задержался, его сняли как не справившегося со своими обязанностями, а на его место был назначен Герой Советского Союза майор Южаков Василий Михайлович.

Вскоре нас перегруппировали правее, ближе к центру оборонительного рубежа плацдарма. Наступили весенние дни, начал бурно таять снег, и многие участки обороны оказались затопленными водой. Пришлось в низких местах возводить насыпные траншеи, используя для этого жерди, ветки, торф, строить из бревен небольшие плоты и на них оборудовать оборонительные сооружения и укрытия. В конце апреля и в мае мы совершенствовали оборону и активных действий не вели.

В начале июня предприняли попытку овладеть участком железной дороги Нарва – Таллинн, однако заметного успеха не достигли. Овладели только первой траншеей. В течение ночи нам с заместителем командира полка майором Сушко пришлось уточнять положение подразделений, организовывать систему огня, затем мы вернулись на командный пункт полка. Доложив о проделанной работе, мы собирались отдохнуть, но начальник штаба в расстроенных чувствах сказал, чтобы я немедленно явился в штаб дивизии. Кроме того, добавил: "Не забудь взять свои вещи". Я в недоумении спросил: "Для какой цели?" Он ответил: "Тебя хотят взять для временной работы в оперативное отделение штаба дивизии. Командир полка и я – против", – заключил начальник штаба. Сам я особого желания уйти из полка не имел, но приказ есть приказ, и, прихватив свой вещмешок с личными вещами, направился в штаб дивизии.

Когда туда прибыл, выяснилось, что за сутки до этого авиация противника нанесла удар по командному пункту дивизии, вывела из строя несколько офицеров, в том числе все оперативное отделение.

В связи с этим меня и еще одного офицера из другого полка временно назначили исполняющими обязанности помощников начальника оперативного отделения. Начальник штаба дивизии, видя мое нежелание работать в этой должности, сказал мне несколько неместных слов, повел в землянку отделения и приказал: "Работай, иначе накажу."

Проработал я в штабе дивизии недолго. Недели через три для работы в оперативное отделение прибыли из резерва два офицера, а нас отправили в свои полки. Как в родную семью, вернулся я в полк. Но скоро меня опять потревожили, направив на должность начальника штаба 538-го стрелкового полка нашей 120-й дивизии. (Но это произошло намного позднее). В связи с тем, что на плацдарме мы находились с февраля, понесли потери и нуждались в пополнении и отдыхе, в середине июня нас сменили, отвели на восточный берег реки Нарва, сосредоточили в 10 км от переправы. В этом районе мы получили пополнение и приступили к боевой подготовке. Нашему полку было приказано подготовить и провести показное учение на тему: "Наступление усиленного стрелкового батальона с боевой стрельбой." Большую помощь в подготовке учения оказал начальник штаба дивизии полковник В. С. Гусев. Часто приезжал в полк командир дивизии А. В. Батлук, которому накануне учения присвоили воинское звание "Генерал-майор". В один из приездов он сообщил нам, что на учении будут присутствовать все командиры полков (бригад) и дивизий 8-й армии, а также командующий войсками фронта генерал-полковник Говоров. Это налагаю на нас особую ответственность, и мы днем и ночью готовили это учение.

Прошло учение организованно. Всему личному составу, принимавшему участие, командующий фронтом объявил благодарность.

На этом учении я встретился с другом детства Василием Головкин, который работал в оперативном отделении штаба 117-го стрелкового корпуса и вместе с командиром корпуса генералом Трубачевым находился на данном учении. Бывают же такие радостные случайности.

Но были и неприятности не только в этот период, но и впоследствии. Об этом следует рассказать.

Началась эта история с того времени, когда вместо нашего заместителя командира полка по политчасти И. И. Комарова, убитого из полка по ранению, назначили нового. С ним у многих офицеров штаба полка сложились очень напряженные взаимоотношения. Он стремился взять под свое непосредственное подчинение всех офицеров штаба, делал это нагло, и, естественно, офицеры стали жаловаться на него командиру полка. У меня с ним было несколько стычек – он часто требовал от меня, чтобы ему строили отдельную землянку, даже в тех случаях, когда мы находились в наступлении и все время были в движении. Подразделения, обслуживающие штаб, на небольших остановках с трудом успевали обустроить место для работы командира полка и Штаба. Иван Иванович Комаров всегда находился с командиром полка, а вновь назначенный замполит не желал этого и требовал отдельной землянки. Начальник штаба запретил мне заниматься вопросами обустройства замполита.

И вот однажды, разъяренный, он набросился на меня, я тоже вспылил и ответил ему не лучшим образом: "Вам в штабе делать нечего, ваше место в подразделениях воспитывать у солдат ненависть к противнику!". Этого было достаточно, чтобы вызвать меня на заседание партбюро и попытаться наказать в партийном порядке. Однако привлечь меня к ответственности ему в то время не удалось. Командир полка и начальник штаба защитили меня от необоснованных нападков замполита, который затаил на меня злобу. У него были знакомые люди в политотделе армии, он искал случая расправиться со мной, и такой случай представился.

В марте 1944 года мы, находясь на Нарвском плацдарме, получили приказ о наступлении. Командир и штаб приступили к выработке решения на бой. После изучения обстановки, приказа вышестоящего командира и заслушивания справок и предложений командир полка приказал мне доложить выводы из оценки обстановки и предложения по решению. Я доложил все, как положено, определил направление сосредоточения основных усилий, как построить боевой порядок, задачи батальонам, как распределить силы и средства и т. д. Находящийся здесь новый замполит задал мне вопрос, почему я предлагаю беспартийного комбата поставить на направление главного удара, а коммуниста – на второстепенное направление и почему я недооцениваю роль партии? Я ответил ему, что у нас есть беспартийные, которые воюют лучше некоторых коммунистов. Этот ответ поддержали большинство офицеров штаба. Замполит обрушился на меня всей своей злобой, нагло обвинив меня в антипартийности, недооценке роли партии и т.д.

Командир полка, чтобы не обострять обстановку, объявил перерыв и удалился вместе с замполитом. О чем они говорили, мне не известно, но вернулись они оба возбужденные.

Продолжая работу, командир полка утвердил мое предложение по решению, отдал боевой приказ и организовал взаимодействие.

После этого замполит контролировал меня, каждый мой шаг и мои действия, искал случая, чтобы привлечь меня к ответственности. Он добился этого летом 1944 года, когда мы находились там же, на Нарвском плацдарме. А произошло вот что.

Когда нашу дивизию вывели с плацдарма на несколько дней для отдыха, был разрешен отпуск на 3–5 дней для поездки в Ленинград, при этом только с разрешения командира дивизии. Можно было отпустить не более 5 человек от дивизии. По ходатайству командира полка я был включен в этот список, но перед самым выездом по неизвестной мне причине вместо меня поехал другой, а мне было сказано, что поеду в другой раз. Видя мое угнетенное состояние, командир полка и начальник штаба, зная уважительную причину, по которой мне следовало дать отпуск, и зная, что другого раза может не быть, своим решением выдали мне отпускной билет, предупредив при этом, чтоб я не опаздывал и не попадался на контрольно-пропускном пункте. И я выехал на попутной машине в Ленинград.

Но неожиданно полк через два дня был возвращен на плацдарм. Замполит, узнав, что меня в полку нет, начал выяснять, где я. Когда после отпуска я возвратился в полк, мне стало известно, что замполит завел персональное дело о моей самовольной отлучке для привлечения к ответственности. Выдать командира и начальника штаба, сказать, что они разрешили мне отпуск, я не мог и встал вину на себя.

Скоре для рассмотрения моего персонального дела состоялось заседание партбюро полка. На меня обрушился поток грязи, необоснованных обвинений и угроз об исключении из партии. В расстроенных чувствах я повторил, что у нас много беспартийных, воюющих лучше некоторых коммунистов, и привел ряд примеров. Эта реплика возымела эффект разорвавшейся бомбы, в итоге меня исключили из членов партии "за антипартийное поведение". Но этого замполиту показалось мало, он стал добиваться привлечения меня к уголовной ответственности, чтобы отправить меня в штрафной батальон. Когда все это стало известно командованию дивизии, было проведено административное расследование, которое не усмотрело в моих действиях преступления. По командной линии я все же получил взыскание. Настырный замполит продолжал контролировать каждый мой шаг. Некоторые наградные материалы на меня не проходили, застредали где-то в вышестоящих инстанциях. Это, как позже выяснилось, было делом его рук. Даже уполномоченный отдела контрразведки СМЕРШ при нашем полку как-то сказал мне: "Остерегайся замполита, он на тебя пишет кляузы во все инстанции".

Командование дивизии, видя ненормальные взаимоотношения между мной и замполитом, перевело меня в 538-й стрелковый полк на должность начальника штаба полка. Новая должность потребовала от меня приложения всех сил. И я с головой ушел в свою новую работу. Только временами болела душа из-за несправедливости некоторых политработников, которые вместо того, чтобы заниматься своими делами, часто искали крамолу, инакомыслящих и даже врагов.

Замполит 538-го стрелкового полка майор Тамарлаков Александр Борисович оказался человеком с совершенно иным характером, с ним было очень легко работать. Он подсказал мне, что если армейская парткомиссия утвердит решение об исключении меня из партии, следует отправить подробное объяснение в КПК (комиссию партконтроля) при ЦК ВК11(б).

Скоре после окончания боевых действий в Эстонии нашу дивизию перебазировали на 3-й Белорусский фронт и сосредоточили в районе Мариамполе, где на заседании парткомиссии 21-й армии решение о моем исключении было утверждено. Не думал, что такой оборот примет это сфабрикованное антипартийное дело. Через некоторое время все забылось, работа в новой должности поглотила меня полностью, и не было времени на переживания. Александр Борисович намекнул, что в дальнейшем мое продвижение по службе будет сдерживаться фактом моего исключения из партии и что у меня есть все данные, чтобы пойти учиться, стать кадровым офицером. Он предложил написать письмо в КПК и обжаловать решение о моем исключении из партии. Послушав его совета, я написал письмо, в котором изложил всё.

Письмо отправил в Москву.

Вскоре нашу дивизию перегруппировали на 1-й Украинский фронт (опять погрузка, перевозка, выгрузка) и сосредоточили в районе Сандомирского плацдарма.

Началась подготовка к наступлению. Затем – Висло-Одерская операция, бои в Польше. Напряженная работа отвлекла меня от переживаний, и я забыл о том, что моя судьба где-то решается. И вдруг, в апреле 1945 года, меня вызывают в Политуправление 1-го Украинского фронта. Находились мы в это время в обороне в районе Цобтен, а в нашем тылу была окруженная в Бреслау группировка противника. С трудом нашел я тот пункт, куда меня вызывали – проехать пришлось не одну сотню километров.

На заседании парткомиссии фронта мне было задано много вопросов и высказан ряд упреков и предложений. В конце мне объявили, что решение парткомиссии 21-й армии отменено, мне объявили строгий выговор опять же за антипартийное поведение. Это взыскание было снято только в 1948 году. Об этом взыскании мне еще долго напоминали и в период службы в Беломорском округе, и во время поступления в академию, и в период службы в войсках Уральского округа, а также при обмене партбилетов в 1973 году в Дзержинском райкоме города Перми.

Некоторые партийные руководители, знакомые с моим персональным делом, считали, что я прав, что у нас есть беспартийные, которые воевали и работают сейчас лучше иных коммунистов, но говорить так нельзя. Вот так было до гласности. Поиск правды продолжался.

Однако вернемся к событиям лета 1944 года. В начале июля нас вывели опять на восточный берег реки Нарва, где мы продолжали совершенствовать боевую подготовку, а через несколько дней вновь вернули на плацдарм. Заняли мы исходное положение для наступления. Правофланговые соединения армии наносили удар севернее Нарвы, а наша 120-я стрелковая Гатчинская Краснознаменная (теперь уже за Лугу) дивизия наносила удар из района юго-западнее Нарвы, перерезала железную дорогу Нарва – Таллинн. 26 июля 1944 года правофланговые соединения овладели городом-крепостью Нарва, важнейшим узлом обороны противника на Таллинском направлении. Одновременно был расширен плацдарм на западном берегу реки Нарва, но дальнейшее наступление развития не получило. Наши войска вышли на рубеж Удриа, Аувере, где были остановлены упорным сопротивлением противника, который создал прочную оборону и, кроме того, использовал здесь древнейшие укрепления.

Наш 289-й стрелковый полк, перейдя железную дорогу Нарва – Таллинн и овладев ею с востока и запада, остановился на отдых. Было очень тепло, и каждый стремился отдохнуть и просушиться от пота. Все очень устали, начали снимать гимнастерки, подставив свои белые тела под палящие лучи солнца, многие начали снимать сапоги, сушить портянки. Мы знали, что в лесах западнее Нарвы находится окруженный противник, но сколько его, никто не знал. В данном случае мы проявили беспечность, которая могла нам дорого стоить.

В то время, когда многие из нас, пригретые теплыми лучами солнца, начали дремать, а некоторые уснули богатырским сном, несколько мелких групп противника предприняли попытку прорваться на Запад, начали выдвижение вдоль железной дороги, и тут на их пути оказались некоторые подразделения и штаб нашего полка. Началась перестрелка, и мы, кто в чем был, огнем отражали противника. Несколько солдат противника были убиты, часть взята в плен, а небольшой группе удалось уйти обратно в лес. Пришлось выделять подразделения для прочесывания леса. Когда положение стабилизировалось и окруженный в лесу противник был ликвидирован, нашу дивизию перегруппировали ближе к левому флангу плацдарма, южнее железной дороги, где мы перешли к обороне.

В конце июля меня внезапно вызвали в штаб дивизии, и после короткой беседы, в которой приняли участие командир и начальник штаба дивизии, мне было приказано немедленно убыть в распоряжение командира 538-го стрелкового полка на должность начальника штаба полка. Откровенно говоря, не ожидал такого назначения. Не хотелось покидать свой 289-й стрелковый полк, в котором находился с первого дня формирования и в который вложил много сил, кроме того, не хотелось расставаться с однополчанами, с которыми пройдено с боями сотни километров. Да и готов ли я был работать в должности начальника штаба полка?

Начальник штаба дивизии, выслушав мои сомнения, высказал в мой адрес несколько сочных замечаний, настойчиво потребовал явиться в 538-й стрелковый полк, принять должность, о чем доложить ему к исходу дня. Спорить далее было уже бесполезно, и, вернувшись в полк, я попрощался с товарищами, получил благословение командира и начальника штаба, направился в 538-й стрелковый полк, который оборонялся левее 289-го стрелкового полка.

Командиром 538-го стрелкового полка в то время был недавно назначенный, со многими странностями, подполковник Каношин. Встретил он меня сдержанно и сразу же поставил мне задачу – издать приказ по полку, в котором указать, что он не Калошин, как все его почему-то называли, а Каношин и что он гвардии подполковник.

Я попросил начальника штаба полка Костенко, которого я должен был сменить, ввести меня в обстановку. Он, сидя понуриив голову, ответил: "Сам разберешься". Сразу стало ясно, что он с командиром полка не сработался и чем-то подавлен. В штабе дивизии ими были крайне недовольны.

И вот мне пришлось вступать в должность в довольно сложной обстановке, знакомиться с подразделениями полка и их командирами без представления и при наличии прежнего начальника штаба. Сложность еще была в том, что полк находился в обороне на широком фронте в условиях лесисто-болотистой местности, где сразу-то и не сориентируешься. В течение двух дней буквально исползал весь район обороны полка, уточнил положение подразделений на местности, сверил с данными топокарт и схем и обнаружил, что некоторые данные о подразделениях и огневых средствах не соответствуют истинному положению. В некоторых местах даже начертание переднего края на топокартах не соответствует действительности.

Особенно неясно было положение с минными полями. Устанавливались они неоднократно, наспех, еще зимой, и сейчас насплавивались одно на другое. Полковой инженер не имел точной характеристики этих минных полей. Такое положение объяснялось тем, что на плацдарме шли тяжелые бои и непрерывные перегруппировки. Оборона была вынужденной, никто не собирался засиживаться, все считали, что оборона на плацдарме временная. Повсеместно шла подготовка к наступлению. Прежний начальник штаба находился еще в полку и в какой-то мере сковывал мою работу, не принимая никакого участия в передаче своих обязанностей и не помогая разобраться в делах.

После доклада командиру полка результатов ознакомления с подразделениями полка и их положением в обороне мы уточнили по карте истинное положение полка, его огневых средств, внесли коррективы в систему огня.

Вскоре опять началась перегруппировка, наши позиции немного изменились, и мы приступили к подготовке наступления. В этот период полк посетил командир дивизии генерал-майор А.В. Батлук. С командиром полка у него состоялся неприятный разговор, в результате через два дня Каношина с полка сняли.

На смену ему в полк был назначен подполковник Хармышев Иван Константинович. Первые дни мы присматривались друг к другу, но через несколько дней я понял, что это грамотный человек, он еще до войны окончил академию. Пришел Иван Константинович к нам из управления 42-й армии. С ним было очень легко работать, все решения, принимаемые им, были четкими, обоснованными. Очень спокойный, деловой и смелый, он вскоре завоевал уважение и признательность у личного состава полка.

И вот снова здесь, на плацдарме назревали события, приведшие к уничтожению фашистской оперативной группы войск "Нарва" и освобождению Эстонии. 8-я армия в новом составе готовилась к переходу в наступление с Нарвского плацдарма в направлении Раквере, Таллинн. Командовал 8-й армией генерал Стариков. Он в начале войны командовал ею в тяжелых оборонительных боях, когда наши войска выходили из Эстонии.

Интересна была встреча с ним в период подготовки к наступлению. Как-то утром в начале сентября 1944 года, возвращаясь из батальона на командный пункт полка, я обратил внимание на человека, следующего по дороге, идущей от переправы на Аувере. Эта дорога просматривалась и простреливалась артиллерийским огнем противника. В районе обороны полка и в ближайшей глубине мы по этой дороге днем не ходили, а тут важно, не спеша, похлестывая хворостинкой по сапогу, идет человек. В это время ко мне подбежал солдат, который доложил, что по дороге на командный пункт полка медленно идет какой-то генерал. Я немедленно доложил об этом командиру полка, который направился к нему навстречу. Когда они приблизились к землянкам командного пункта, я представился генералу. Иван Константинович, улучшив момент, шепнул мне: "Доложи в штаб дивизии, что у нас командарм." Каким-то чудом

Стариков это услышал и властно сказал: "Не смей! Занимайтесь своими делами". И вместе с Хармышевым направился в его землянку.

Это был уникальный случай, когда командующий армией без сопровождающих, без "свиты" ходил по боевым порядкам войск на плацдарме. Дальше командного пункта генерал Стариков не пошел, но тщательно разобрался по карте с положением подразделений полка и особенно со схемой огня, подвергнув ее критике за недостатки в организации системы огня стрелкового оружия, начертив, как должен быть организован огонь в лесисто-болотистой местности. На следующий день, когда "прогулка" командующего стала известна в штабе дивизии, мне "влетело" от полковника В.С. Гусева за отсутствие своевременного доклада.

2-я ударная армия, как уже упоминалось, перегруппировывалась из-под Нарвы в район Тарту, откуда она 17 сентября перешла в наступление на Раквере с юга, вдоль западного берега Чудского озера, этим были созданы весьма благоприятные условия для действий 8-й армии.

18 сентября 1944 года во второй половине дня противник внезапно обрушил по нашим позициям сильнейший артиллерийско-минометный огонь, продолжавшийся несколько минут, и так же внезапно прекратил его. Мы были в недоумении, в чем дело, так как никаких активных действий со стороны противника не последовало.

В ночь на 19 сентября мы провели разведку перед фронтом одного из батальонов и установили, что противник ослабил оборону. После разведки перешел в наступление передовой батальон, а с утра – и весь полк. Сбивая вражеский арьергард, передовые подразделения полка к исходу 19 сентября продвинулись на 20 км, а к исходу 20 сентября – еще на 30 км. Развивая наступление в тяжелых условиях лесисто-болотистой местности и уничтожая мелкие подразделения противника, полк к исходу 21 сентября вышел к Раквере. Здесь полк получил долгожданный отдых – большой привал, и личный состав до середины дня 22 сентября отдыхал.

Около 12.00 полк получил приказ: немедленно продолжать движение по дороге на Таллинн и к исходу 22 сентября быть там. Нужно сказать, что эта задача нас удивила, до Таллинна оставалось около 80 км, и для стрелкового полка, следующего пешим порядком, она была невыполнимой. К этому времени передовые отряды нашей 8-й армии были уже на окраинах Таллинна. Чтобы выполнить такой приказ, мы посадили на автомашины минометной батареи один батальон неполного состава, прицепили два 120-мм миномета и две полковые пушки. Во главе с командиром полка этот авангард отправился в путь. За Два часа он благополучно достиг столицы Эстонии.

Я же двигался вместе с главными силами полка. Пройдя 15 км от Раквере, полк остановился – было новое распоряжение. Нашему полку предписали вернуться в Раквере, выдвинуть один батальон севернее Хальяла, второй – в район Витна в готовности к обороне побережья Финского залива на участке Кунда, Локса, штаб полка развернуть в Раквере. Как потом стало известно, постановка такой задачи вызвана тем, что в Финляндии оставались еще немецко-фашистские войска и командование опасалось, что могут быть высадки диверсионных групп в тыл 8-й армии.

Времени для выполнения задания было крайне мало, поэтому надо было принимать решение немедленно. Отправив часть штаба и спецподразделения в Раквере для организации командного пункта, я, не дожидаясь возвращения командира полка, решил из этого района, где застала нас команда, отправить по кратчайшему пути один батальон в район Хальяла, второй – в Витна с задачей перейти к обороне указанного участка побережья. Затем я отправился в Раквере, где застал не совсем обычную обстановку. Некоторые офицеры, многие солдаты и сержанты роты связи и комендантского взвода оказались "навеселе". Как выяснилось, в подвале одного из домов, где развернулся командный пункт полка, солдаты обнаружили спиртное и многие, употребившие его, оказались в разной степени опьянения. Это привело к тому, что телефонная связь с батальонами была организована только к утру следующего дня. С возвращением командира полка пришлось проводить работу с любителями спиртного. К этому случаю Иван Константинович отнесся на редкость спокойно, хотя он был беспощаден к любителям алкоголя. Он рассказал, что в эти дни на железнодорожных путях в районе Таллинна было обнаружено несколько цистерн со спиртным и некоторые военнослужащие из других частей нашего корпуса от чрезмерного употребления спирта погибли.

В течение двух недель мы обороняли южное побережье Финского залива, исколесили во время выезда в подразделения северную часть Эстонии, а затем внезапно получили приказ готовиться к перевозке по железной дороге в новый район.

Итак, после завершения боевых действий на Ленинградском фронте, в результате которых были полностью освобождены Ленинградская область и Эстония, наша 120-я дивизия в составе 117-го стрелкового корпуса вошла в состав 21-й армии и в Раквере начата погрузка в железнодорожные эшелоны. Полку впервые предстояло перевозиться по железной дороге, поэтому штаб полка организовал занятия с офицерским составом по осуществлению перевозок, составлению расчетов, а с личным составом были проведены тренировки по погрузке, выгрузке, а также по действию войск при перевозке. Начали готовить необходимое оборудование для погрузки лошадей, вооружения и техники.

Штаб полка впервые занимался этими вопросами, и мы встретились с определенными трудностями.

Получив небольшое пополнение, мы начали формировать и доукомплектовывать подразделения.

9. Перегруппировка на 3-й Белорусский, а затем на 1-й Украинский фронты

Погрузившись в эшелоны, полк начал движение по железной дороге. Куда нас перевозили, мы не знали, но предполагали, что едем на центральные участки Советско-германского фронта, где решались главные задачи по уничтожению фашистских войск.

Хорошее это время – перевозка по железной дороге. Во-первых, выпались мы вдоволь, во-вторых, проанализировали прошедшие бои. Личный со став приводил себя в порядок, повышали уровень своих знаний по уставам, вооружению и боевой технике.

Командир полка, замполит и я разместились в одном вагоне. Для нас оборудовали полвагона, где можно было хорошо отдохнуть и при необходимости поработать.

После фронтовых дней жизнь на колесах казалась нам по-своему интересной. Проезжая по территории нашей страны, разрушенной войной, каждый из нас воочию убеждался, что предстоит огромная работа по восстановлению народного хозяйства. Эти разрушения являлись наглядным примером того, что несет война народам, и мы утверждались во мнении, что мир – это великое достояние народов, которое нужно завоевать и всеми силами сохранять.

Памятными были дни проезда нашего эшелона через город Нарва, южнее которого наша дивизия на плацдарме вела тяжелые бои и с которого началось освобождение Эстонии, и особенно через Гатчину. Все солдаты, сержанты и офицеры стояли у открытых дверей вагонов и с воодушевлением пели песню "Прощай, любимый город". Любовь к Гатчине была велика, "Гатчинцы" пели песню о своем городе.

После проезда Гатчины эшелон следовал в южном направлении, проехал всю южную часть Ленинградской области, Псковскую область, Белоруссию, затем через Вильнюс, Каунас и прибыв на станцию Мариамполе, начал разгружаться.

Итак, мы оказались в составе 3-го Белорусского фронта. Во время выгрузки нас посетил командующий фронтом генерал-полковник Черняховский. Он интересовался укомплектованностью и боеспособностью наших подразделений. Беседовал с командирами подразделений.

В районе Мариамполе (Литовском) мы сразу же включились в подготовку к наступлению. Нам была поставлена задача изучить направление Гольдап – Кенигсберг. Провели несколько рекогносцировочных выездов в район Гольдап. Исходный рубеж для нашего полка был намечен в районе населенного пункта Гитлерхее. Название этого небольшого пункта вызвало у наших воинов презрение к его жителям. И мы полагали, что с началом наступления вся ненависть к фашизму будет обрушена на их головы. Личный состав полка рвался в бой, но нам не суждено было действовать на территории Восточной Пруссии. Что же произошло? Почему, простояв в районе Мариамполе две недели, мы вновь погрузились в эшелон и по железной дороге следовали в другой район. Во время погрузки шли разговоры о том, что при подготовке наступления кто-то из офицеров штаба артиллерии 21-й армии с некоторыми документами и картами предстоящих действий армии в районе Гольдап в результате внезапной контратаки противника попал в плен, поэтому 21-ю армию срочно перебрасывают на другой фронт.

Погрузка полка в Мариамполе прошла организованно, мы уже имели некоторый опыт. Полк погрузили в три эшелона. Основной состав штаба и командир полка следовали в первом эшелоне, заместитель командира полка майор Ф. А. Крутошинский возглавлял второй эшелон, а заместитель по артиллерии капитан Б.К. Зайцев – третий эшелон.

Следовали мы по маршруту Мариамполе, Каунас, Вильнюс, Барановичи, Львов, Перемышль. Выгрузились на станции Жешув, откуда совершили марш в район сосредоточения – севернее Мелец. С прибытием в этот район, а это было в начале декабря 1944 года, сразу же приступили к боевой подготовке, оборудованию укрытий для личного состава. Одновременно начали готовиться к предстоящим боевым действиям.

Большое внимание в этот период уделялось командирской подготовке, штабным тренировкам и учениям. Важное значение придавалось и командно-штабным учениям. Запомнилось одно учение, которым руководил командующий 21-й армией генерал-полковник Д. Н. Гусев. В них принимали участие штабы армии, корпусов, дивизий и полков. Учение проводилось по топокартам на предполагаемых направлениях действий войск 21-й армии, и нам, участникам учений, стали известны возможные направления действий нашей дивизии.

Велась напряженная боевая подготовка личного состава подразделений. В этот период было подготовлено показательное учение на тему "Наступление стрелкового взвода с ходу". Накануне из состава нашего полка был выделен стрелковый взвод, который, как потом стало известно, направлялся в распоряжение "группы Кулика". Это была группа офицеров, возглавляемая генералом Куликом (бывшим маршалом Советского Союза), которая проводила показательные учения. В течение 10 дней эта группа подготовила наш взвод к учениям. На это учение был приглашен руководящий состав полков и дивизий 21-й армии.

Следует сказать, что мы не узнали своих солдат, до того они преобразились в хорошо подогнанном обмундировании и снаряжении. Они показали чудеса слаженности и действовали по данной теме отлично. Все мы убедились, что можно сделать с нашими воинами при определенной серьезной подготовке. Непосредственно учения проводили и делали разбор два полковника. В заключение разбора выступил генерал Кулик. Это был высокий, широкоплечий генерал в кожаном коричневом реглане, без погон, с серым шарфом на шее.

О бывшем маршале Кулике шли разговоры – о его разжаловании до полковника за неумелое руководство войсками в первый период Великой Отечественной войны. Сейчас же он со своей группой учил, как должны действовать мелкие подразделения на поле боя. И результаты были хорошие.

Опыт подготовки и проведения такого учения мы переняли и в оставшиеся до начала общего наступления дни провели такие учения с каждым взводом. Кроме того, с некоторыми ротами провели учения на тему "Наступление стрелковой роты на противника, поспешно перешедшего к обороне". Были достигнуты хорошие результаты в подъеме батальона по тревоге с совершением марша на 5-6 км и переходе в наступление с ходу.

Офицерский состав штаба полка и батальонов проводил рекогносцировки маршрутов выдвижения полка из района сосредоточения на возможные рубежи ввода в бой. На наших картах появился Сандомирский плацдарм, куда нас должны были направить. Это был крупный плацдарм на реке Висла, захвачен он был еще летом 1944 года.

10. Висло-Одерская операция. Выход к реке Одер. Бои за плацдарм

В начале января 1945 года в соответствии с полученной задачей началась подготовка к выдвижению в район Сандомирского плацдарма, откуда должны были развить наступление войска первого эшелона фронта в направлении Енджеюв, Ченстохов, Оппельн. Названия населённых пунктов и характер местности по маршруту движения к переправе через реку Висла нам уже были известны, поскольку ранее мы проводили учение по картам. Мы хорошо изучили дорожную сеть, водные преграды, возможные рубежи ввода в бой.

На первом этапе нас особенно интересовала река Висла и переправы через нее. Это очень важный этап работы командира и штаба. К исходу 11 января 1945 года завершилась подготовка к выдвижению, и мы ждали сигнала о его начале.

И вот в 4.30 утра 13 января полк был поднят по тревоге и начал совершать марш к переправе на Сандомирский плацдарм. 14 января успешно преодолели по мостовой переправе реку Висла. К этому времени первый эшелон I-го Украинского фронта прорвал оборону противника, продолжают развивать наступление. 15 января мы достигли Сташув, а 16 января утром сосредоточились в районе Влашковиц. После небольшого привала продолжили движение в готовности к вводу в бой.

До реки Варта мы активных боевых действий не вели. Только на некоторых рубежах развертывались авангардные подразделения для уничтожения небольших групп прикрытия противника. А вот с рубежа реки Варта, южнее Ченстохова, нас ввели в бой для развития наступления и уничтожения противника, который предпринимал попытки перейти к организованной обороне. Все переправы через реку Варта противник взорвал, и мы преодолевали реку по обломкам взорванного моста, карабкаясь по рухнувшим фермам. Затратили много времени и труда, устраивая переправу из бревен и досок для гужевого транспорта и полковой артиллерии. После преодоления реки Варта подразделения полка, уничтожая мелкие группы противника, успешно продвигались на запад.

Сведений о противнике и впереди действующих войсках у нас было очень мало, поэтому поставили нашему разведзвуду более конкретные задачи. В дальнейшем мы двигались день и ночь, ликвидируя мелкие группы противника. К исходу 18 января сосредоточились в районе Крочице – Старе, а с утра 19 января перешел в наступление в направлении Желдковиц 3-й стрелковый батальон капитана Мартыновского. Главные силы полка двигались за 3-м стрелковым батальоном. С утра 20 января перешел в наступление весь полк, действуя в направлении Штальхамер в качестве передового отряда дивизии.

В районе Возник полк подвергся бомбардировке авиацией противника и понес потери. Было ранено и убито до 30 человек. К исходу дня полк достиг Штальхамер, продолжал наступление и к 4.00 22 января сосредоточился в районе Андрес – Хютте. По приказу командира дивизии наш 3-й стрелковый батальон убыл в его распоряжение на прикрытие левого фланга дивизии и прочесывание лесных массивов.

Чем ближе мы подходили к рубежу реки Одер, тем сильнее возрастало сопротивление противника. Его самолеты небольшими группами и даже в одиночку все время наносили удары по подходящим к реке подразделениям полка. Здесь уместно рассказать об одном случае.

Когда полк остановился на подступах к Раушен на небольшой привал, через его расположение на большой скорости, с севера на юг, прошло несколько танковых колонн. Некоторые танки вели огонь с ходу. К счастью, этот огонь не причинил нам никакого вреда, только наделал много шума, а ведь могло произойти непоправимое, могли быть большие потери. Как впоследствии нам стало известно, это были соединения 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко, которые 20 января начали совершать из района Ченстохов глубокий обходной маневр Силезского промышленного района с целью его сохранения от разрушения. Об этом маневре вдоль реки Одер и частично через подразделения полка, находящиеся на привале, мы в то время не знали. Отсутствие такой информации могло привести к печальным последствиям, а пока мы отделались легким испугом.

В это время у нас была еще одна неприятность. Кончились топографические карты, наиболее востребованные командирами подразделений – это карты масштаба 1:25 000 и 1:50 000. Оставалась одна топокарта 1:100 000 масштаба района Грошовиц и западной территории. Посланные за ними связные в штаб дивизии не возвращались. Штаб дивизии отстал, и связь с ним была неустойчивой. Пришлось делать выкопировки карт на кальке и снабжать ими передовые подразделения. Я, имея единственную топокарту до реки Одер, вынужден был двигаться вместе с разведывательным взводом полка.

Примерно 3-5 км не доходя до реки Одер передовые подразделения и штаб полка подверглись артиллерийскому обстрелу, и дальнейшее продвижение, до выхода к реке Одер, проходило под непрерывным обстрелом артиллерии и авиации противника.

Достигнув в 14.00 23 января 1945 года населенного пункта Грошовиц, мы внезапно оказались перед ледяным покровом реки. Разведчики полка с ходу вышли на лед и сравнительно легко переправились на противоположный берег, где попали под сильный ружейно-пулеметный огонь противника с дамбы. Нужно было срочно оценить обстановку и принять решение. К сожалению, командир полка Иван Константинович Хармышев, двигавшийся в голове колонны 2-го стрелкового батальона, при артобстреле был контужен. Однако он оставался в полку, сказав мне одно слово: "Командуй".

Сх. № 5 Боевые действия 538 сп в
Висла-Одерской операции
12 - 23.01.1945 г.

Полк имел задачу с ходу форсировать реку Одер и овладеть рубежом в 6-8 км западнее реки. Гряда заснеженных высот, по которой проходил этот рубеж, просматривалась на фоне неба. Задача была непростая, и чтобы выполнить ее, требовалось не менее 2-3 часов движения. Однако перед нами была водная преграда, которую разведвзвод уже преодолел, и неизвестный противник. О соседях справа и слева никаких данных не было, а где-то севернее Оп-пельн слышалась артиллерийская канонада.

Оценка обстановки показала, что необходимо срочно, еще засветло, получить данные о противнике, соседях, состоянии льда и другие сведения. Сумерки надвигались очень быстро, и нужно было ускорить выход 2-го стрелкового батальона к реке. Передовые подразделения 2-го стрелкового батальона с ходу по льду и шлюзу переправились на противоположный берег и открыли огонь по дамбе. В это время по противнику открыли огонь станковые пулеметы пулеметной роты старшего лейтенанта Василия Васильевича Урусова. Он удачно и своевременно занял огневые позиции на баржах с углем, стоящих в районе шлюза. Используя пулеметный огонь и огонь 82-мм минометов старшего лейтенанта Огольцова, занявших огневые позиции в Грошовиц, подразделения 2-го стрелкового батальона под командованием капитана Сергея Тимофеевича Елисева перешли в наступление и, преодолевая сильное сопротивление противника, вытеснили его с дамбы, и к 18.00 23 января овладели населённым пунктом Одерфельд, создав тем самым плацдарм на западном берегу. Вслед за 2-м стрелковым батальоном на плацдарм вышли подразделения 1-го стрелкового батальона под командованием капитана Василия Сергеевича Бахина. Преодолев сопротивление противника, батальон овладел населенным пунктом Форверк, расширив тем самым плацдарм.

К этому времени стемнело, и первоочередной задачей было: надежно закрепиться на плацдарме, накормить людей, обеспечить их всем необходимым для боя, особенно боеприпасами. Во многих подразделениях боеприпасы были на исходе, особенно патроны ТТ для автоматов. Нужно было решить вопрос о поочередном отдыхе, так как личный состав в течение последних трех суток все время находился в движении, в бою.

Пока я находился во 2-м стрелковом батальоне, ПНШ-1 капитан Григорий Васильевич Кашигин развернул командный пункт в подвале дома возле шлюза, туда же переехал из медсанроты немного пришедший в себя от контузии командир полка подполковник И. К. Хармышев.

После того как 2-й стрелковый батальон закрепился на захваченном рубеже, я вернулся на командный пункт полка, оставив в Одерфельде полковых разведчиков, которые должны были до утра 24 января уточнить систему обороны противника. Вскоре из 1-го стрелкового батальона возвратился заместитель командира полка по политчасти майор А. Б. Тamarлаков. Все мы были очень голодны, и за ужином, анализируя обстановку, установили, что полк захватил плацдарм по фронту до 2 км и вглубь до 1,5 км, овладел двумя населенными пунктами. Дальнейшее продвижение успеха не имело. Противник усилил огневое сопротивление, в глубине его обороны был слышен шум танков.

Захваченный пленный сообщил, что противник готовится с утра "сбросить" наши подразделения с плацдарма. Отсутствие соседей потребовало от нас принять меры по обеспечению флангов. Подсчитали потери, они оказались значительными. Только за период подхода непосредственно к Одеру и форсирования, то есть примерно за день боя, они составляли около 50 человек, 11 лошадей и два 76-мм орудия.

Приняли решение до утра 24 января закрепить захваченный рубеж, всеми видами разведки установить характер обороны противника и его группировку, подтянуть на плацдарм артиллерию и минометы, обеспечить боеприпасами. К сожалению, связь с дивизией была плохая. Они нас слышали, а мы их – нет. Это стало известно на второй день боя за плацдарм. Наши просьбы вернуть нам наш 3-й стрелковый батальон остались без внимания.

Здесь я хотел бы на несколько часов вернуться назад. Когда 2-й стрелковый батальон успешно преодолел реку, достиг дамбы и повел наступление на Одерфельд, я находился на дамбе. Я услышал шум и увидел танк на северной окраине Грошовиц, который остановился возле наших связистов, проводящих телефонную связь на плацдарм. Начало быстро темнеть. 2-й стрелковый батальон захватил Одерфельд. Вернувшись на командный пункт полка, я увидел капитана Галина, который мирно беседовал с офицером-танкистом, оказавшимся заместителем командира танковой бригады, которая вышла на реку Одер севернее Оппельн и ведет бой за плацдарм. Вскоре сам Галин мне рассказал, что, когда он организовывал связь из Грошовиц на плацдарм, были ранены два самых лучших связиста, в это время из подошедшего танка вылез офицер- танкист и властным голосом потребовал доложить: "Кто такие, что делаете?" Галин в свою очередь вместо ответа спросил: "А ты кто такой?" Танкист, не сказав ни слова, вытащил из-за голенища плетку и огрел нашего капитана. Завязалась потасовка, в которой приняли участие наши связисты и экипаж танка. Разобравшись, что оба погорячились, они мирно решили все вопросы, и капитан Галин провел танкиста к командиру полка, который к этому времени был уже на командном пункте полка. От танкиста мы узнали об обстановке севернее Оппельн и в районе Бриг. Рано утром 24 января танкисты от нас уехали. К утру 24 января возвратились полковые разведчики, уточнившие рубеж обороны противника – Винау, высота 182, 2, Готтерсдорф – и сообщили, что к этому рубежу противник в течение ночи подтягивал танки, самоходно-артиллерийские установки и пехоту. То, что противник будет нас контратаковать, мы предполагали, но не думали, что так жесточно. И вот в 9.00 после короткой огневой подготовки и удара авиации противник перешел в контратаку, сначала потеснив 1-й стрелковый батальон, овладел частью Форверк, но вскоре 1-й стрелковый батальон вновь овладел Форверк. Затем противник обрушился на 2-й стрелковый батальон. Населенный пункт Одерфельд за час боя дважды переходил из рук в руки. В 12.00 противник вновь перешел в контратаку. На этот раз он контратаковал по флангам, стремясь окружить оба батальона и отрезать их от переправы. Не добившись успеха, два батальона пехоты врага с самоходноартиллерийскими установками контратаковали наши боевые порядки, пытаясь вклиниться между 1-м и 2-м стрелковыми батальонами.

И так продолжалось весь день: 12 контратак отбили воины полка. Противник понес большие потери. Только один артиллерийский расчет Короткова подбил три самоходные установки. К исходу дня 1-й стрелковый батальон, в результате сильной контратаки противника, оставил Форверк. Все офицеры штаба полка в ходе боя 24 января находились на дамбе и в боевых порядках подразделений, а командир полка Иван Константинович во время отражения контратак и в критические моменты вместе с группой автоматчиков с боевым развернутым знаменем полка появлялся в самых опасных местах, воодушевляя воинов на уничтожение контратакующего противника.

В середине дня 24 января появилась надежная связь с дивизией. Нас начала поддерживать огнем дивизионная артиллерийская группа. Начальник штаба дивизии проинформировал, что к утру 25 января вернется наш 3-й стрелковый батальон и, кроме того, левее нас на плацдарм выдвинется один батальон 289-го стрелкового полка нашей дивизии.

2-й стрелковый батальон в течение ночи на 25 января вел ожесточенный бой с контратакующим противником и к утру 25 января вынужден был оставить Одерфельд. Подразделения 1-го и 2-го стрелковых батальонов закрепились на дамбе, дрались самоотверженно и героически.

Обстановка продолжала оставаться очень напряженной. Артиллерия и авиация противника наносили удары по подразделениям полка. В 7.00, наконец-то, к нам возвратился 3-й стрелковый батальон, который преодолел реку Одер и вышел на рубеж юго-восточнее Форверк. В это же время было получено распоряжение штаба дивизии – отразить контратаки противника и в 15.00 25 января перейти в наступление, овладеть рубежом Альтхауз, Нейхаммер по реке Проскау, в последующем быть в готовности развить наступление и выйти на реку Штейнау.

Однако в связи с тем, что полк понес за 23 и 24 января большие потери, а сопротивление противника возросло, наступление успеха не имело. Утром 26 января командир дивизии приказал полку закрепиться на достигнутом рубеже, обеспечить фланги и стыки, организовать прочную противотанковую оборону и прикрытие с воздуха. К этому времени левее нас на плацдарме перешел к обороне 1-й стрелковый батальон 289-го стрелкового полка.

В 14.30 полк получил новое распоряжение штаба дивизии, согласно которому полку предстояло "В 17.00 атаковать противника и выбить его из Форверк". Но мы не смогли к этому времени организовать бой из-за того, что артиллерия не была готова к открытию огня, у нее просто не было достаточного количества снарядов. И только в 19.00 после короткого артиллерийско-минометного обстрела, в котором принимали участие некоторые батареи 1033-го и 414-го артиллерийских полков и дивизион М-13, подразделения полка перешли в атаку, имели небольшой успех, ворвались в Форверк, но были встречены сильным огнем противника; дальнейшего развития наступление не имело. В связи с тем, что подразделения стали малочисленными, мы вынуждены были в течение ночи произвести реформирование и перегруппировку: 1-й стрелковый батальон расформировали, а во 2-м и 3-м батальонах сформировали по две роты в каждом.

В течение 27 января после неоднократных атак совместно с полками дивизии полк овладел Форверк. Но к исходу дня 28 января 3-й стрелковый батальон был выбит из Форверк. Сложной и напряженной обстановкой оставалась 29 и 30 января. Подразделения полка продолжали вести тяжелые бои с противником, который предпринимал попытки "сбросить" нас с плацдарма.

31 января согласно распоряжению штаба дивизии мы провели разведку боем. От каждого батальона действовало по взводу. Однако успеха эта операция не имела, так как противник сильным заградительным артиллерийским и минометным огнем вынудил эти взводы отойти в исходное положение, а наша артиллерия не смогла их надежно поддержать, так как не было достаточного количества боеприпасов.

В период с 1 по 8 февраля полк продолжал удерживать плацдарм, ведя огневой бой. Разведвзводу полка в одну из ночей удалось захватить пленного из 246-го артиллерийского полка 168-й пехотной дивизии. Все наши дальнейшие попытки развить наступление с плацдарма успеха не имели. В связи с этим нашу дивизию, да и всю 21-ю армию, перегруппировали на плацдарм в район города Бриг, где действовала 5-я гвардейская армия – она уже начала Нижне-Силезскую операцию.

За форсирование реки Одер, удержание плацдарма южнее города Оппельн, за массовый героизм бойцов 538-й стрелковый полк был награжден орденом "Богдана Хмельницкого" (январь 1945 года).

11. Бои за Одером. Нижне-Силезская (80–24 февраля) и Верхне-Силезская (15–30 марта) операции

В результате Нижне-Силезской операции, которая проводилась в период с 8 по 24 февраля, правое крыло 1-го Украинского фронта продвинулось на запад от реки Одер до реки Нейссе, в центре 5-я гвардейская армия во взаимодействии с 6-й армией завершили окружение 40-тысячного гарнизона противника в Бреслау, а наша 21-я армия, встречая упорное сопротивление, медленно продвигалась в направлении Штрелен, Штригау, растягивая свой левый фланг, поскольку левофланговые 59-я и 60-я армии не сумели прорвать оборону противника и вынуждены были перейти к обороне. Вот такая в основном сложилась обстановка, в которой пришлось действовать нашей 21-й армии. На этом общем фоне действия нашего полка, да и всей нашей 120-й дивизии, проходили следующим образом.

9 февраля началась перегруппировка на плацдарме. Полк сдал свой участок 289-му стрелковому полку, а сам принял в Оппельн участок от 543-го стрелкового полка. Затем 13 февраля полк снова сдал свой участок обороны

299-му стрелковому полку 225-й стрелковой дивизии, совершил марш и 14 февраля сосредоточился в районе Тамеркирх. Продолжая движение, полк к 9:00 15 февраля сосредоточился севернее Кампен. В 10.30 15 февраля мы получили приказ перейти в наступление в направлении Пудигау. Здесь боевые действия приобрели маневренный характер. Отражая контратаки, полк, обходя опорные пункты, в которых противник оказывал упорное сопротивление, последовательно овладел ими: 17 февраля – Пудигау; 19 февраля – Позериц; 21 февраля – Ласта.

Следует отметить, что за период боевых действий после Опфельского плацдарма командиры подразделений полка более активно осуществляли маневры, смело проникали в боевые порядки противника, наносили удары по флангам, совершали смелые обходы и полностью захватили инициативу. В подтверждение этого приведу оценку действий соединений 21-й армии, данную в воспоминаниях командующим 1-го Украинского фронта маршалом Советского Союза И. С. Коневым. Он охарактеризовал командующего и войска 21-й армии так: "... Гусев Д. Н. прибыл к нам с Ленинградского фронта. Там он воевал в роли начальника штаба фронта и командовал 21-й армией. У нас, на 1-м Украинском фронте, он начал свою боевую деятельность с Висло-Одерской операции. Его армия очистила от врага всю северную часть Силезского промышленного района. Гусев действовал образцово, очень организованно, умело, приняв близко к сердцу требование сохранить Силезский промышленный район от разрушения. С такой же основательностью и упорством Гусев действовал и во время Верхне-Силезской операции. Опираясь на свой хорошо подготовленный и сработанный штаб, он отлично организовал управление боевыми действиями армии сверху донизу... Я не раз навещался в 21-ю армию, и мне всегда было приятно наблюдать дружную, сплоченную работу Военного Совета этой армии.

Добрые отношения установились у Дмитрия Николаевича с командирами корпусов и дивизий. Вместе с ними он прошел длинную боевую дорогу, в каждом был уверен и всегда мог рассчитывать на безусловное выполнение не только буквы, но и духа любого своего приказа. Не лишнее добавить, что этот дружный сплоченный коллектив, прибыв к нам на фронт, попал в совершенно непривычную для него обстановку. Она отличалась от обстановки Ленинградского фронта неизмеримо большим оперативным простором, шириной и глубиной операции, маневренностью. Но командарм 21-й, а вместе с ним и подчиненные ему войска очень быстро освоились со всем этим и оказались на высоте положения... Комментарии излишни .

Однако понесенные потери сказались на боеспособности полка. В подразделениях активных штыков оставалось все меньше. Так, на 22 февраля в 1-м стрелковом батальоне было около 50 человек, во 2-м стрелковом батальоне – около 40. Пришлось за счет спецподразделений и тыловых подразделений пополнять батальоны, но это существенно не повлияло на боеспособность полка, поэтому с 22 февраля по 3 марта полк оборонялся на захваченном рубеже западнее Ласта.

¹ Конев И. С. Сорок пятый. М., 1966. С.79.

В одну из ночей этого периода группа противника проникла через боевые порядки батальона майора Елисеева и подошла к командному пункту полка. Вслед за ней проникла еще одна небольшая группа, и они начали окружать командный пункт полка. Связь с батальонами прервалась. Мы вынуждены были оставить командный пункт и отойти метров на 300 к дороге, вдоль которой, к нашему удивлению, занимали оборону подразделения отошедшего 2-го стрелкового батальона. Такая оплошность командира батальона могла привести к захвату командного пункта полка и потере управления. Разыскав командира батальона, командир полка подполковник Хармышев отчитал его как следует и потребовал немедленно восстановить положение и занять свой рубеж обороны. Нужно отметить, что майор Елисеев быстро выполнил поставленную задачу. Вернувшись в здание, где был командный пункт полка, мы обнаружили в нем спящего немца. Когда его разбудили, он удивился увидев наших воинов. Допросив, мы отправили его в штаб дивизии.

Простояли мы на этом рубеже еще несколько дней – с него прекрасно просматривалась гора Цобтенберг, за которую мы сражались в заключительных боях (апрель 1945 года), но подходили к ней мы уже не с востока, а с севера.

В ночь на 3 марта полк сдал свой участок обороны 289-му стрелковому полку и вышел в резерв дивизии, сосредоточился в Грос-Езеритц, где получил пополнение. К этому времени общая обстановка была такова: войска правого крыла 1-го Украинского фронта вышли западнее Бреслау, а войска левого – остались по-прежнему на реке Одер в районе Ратибор. Оппельнская группировка противника как бы нависла над левым растянувшимся крылом фронта и угрожала ему, кроме того, она могла нанести удар с целью деблокады Бреслау и выхода на реку Одер. Командование фронтом решило усилить левое крыло фронта и провести Верхне-Силезскую операцию, суть которой сводилась к следующему: создавались две ударные группировки – Северная и Южная. В Северную входили наша 21-я армия, 4-я гвардейская танковая армия, часть сил 5-й гвардейской армии, которые наносили удар из района Гроткау в направлении Нойштадт. Южная, или Ратиборская группировка включала 59-ю и 60-ю армии, наносившие удар из района Ратибор в направлении Нойштадт, Крнов.

Предстояло прорвать оборону противника в трудных условиях, в период весенней распутицы. На фоне этой обстановки наш 538-й стрелковый полк в период с 3 по 5 марта частью сил, сменив подразделения 72-й стрелковой дивизии, временно оборонял ранее занимаемый ими рубеж, а затем в ночь с 5 на 6 марта сдал участок обороны 13-й гвардейской стрелковой дивизии, а в ночь с 6 на 7 марта начал совершать марш и к 23.30 7 марта сосредоточился в районе южнее Олау.

Таким образом, мы перегруппировались на восток. Нас ориентировали на боевые действия по уничтожению Оппельнской группировки противника. В течение нескольких дней мы готовились к наступлению, получили пополнение. Нам предстояло с утра 16 марта действовать в направлении Гринфлюс, Обер-

Ейтриц, форсировать реку Нейссе, овладеть Мансдорф, в последующем развивать наступление в направлении Фуксберг, Лесталь, Зюльц.

За несколько дней до начала операции командующий 21-й армией собрал на совещание всех командиров и начальников штабов дивизий и полков первого эшелона армии. Я впервые присутствовал на таком совещании, где командарм тщательно разбирал действия каждого полка и батальона. Большое внимание он уделял организации взаимодействия с танками. На нашем направлении планировались действия 4-й гвардейской танковой армии, решавшей самостоятельные боевые задачи, и, кроме того, некоторых частей 4-го гвардейского танкового корпуса, танков непосредственной поддержки пехоты (НЛП), с которыми нам предстояло тесно взаимодействовать. В ночь на 15 марта 1945 года полк начал выдвигаться в исходный район для наступления, а в ночь на 16 марта сосредоточился в Винценберге, где завершил подготовку к наступлению. В 21:00 начал действовать наш 1-й стрелковый батальон в направлении Гринфлюс. В ночном бою он овладел им, создав необходимые условия для захвата Обер-Ейтриц, который был взят в 6.00 17 марта. Развивая наступление, полк в 10:00 форсировал реку Нейссе и с ходу овладел рубежом юго-восточнее п. Мансдорф.

Приятные чувства испытываешь, когда подразделения, развивая наступление, действуют строго по решению командира, наносят активные удары по противнику или проводят маневр с целью охвата или обхода сопротивляющегося противника, добиваясь победы над ним. И все это результаты труда командиров всех степеней и личного состава полка. Такие чувства были у меня после овладения п. Мансдорф, когда полк начал уничтожать отдельные очаги сопротивления противника.

Командир полка Иван Константинович Хармышев две ночи не спал, и, устроившись на повозке перекусить, тут же уснул. Картина боя вырисовывалась как на ладони, местность просматривалась на большую глубину. Я, приняв управление полком, продолжал со штабом двигаться за боевыми порядками. Когда видишь весь боевой порядок полка и ближайших соседей не просто в движении, а в наступательном бою, ощущаешь, как реагирует на это противник, осознаешь, что можешь влиять на ход боя, и если видишь, что твоим распоряжениям повинуются огневые средства, находящиеся на значительном удалении, действуют без ошибок, а противник отходит, несет потери, получаешь большое моральное удовлетворение.

Такое же ощущение и при оказании помощи соседу. Вот один из примеров: во время боя за группу населенных пунктов наш полк успешно продвигался вперед, как вдруг по радиостанции начальник штаба дивизии полковник Гусев В.С., уточнив, где мы находимся, потребовал оказать помощь командиру 289-го стрелкового полка подполковнику Южакову. Мы сразу не могли понять, в чем дело и где находится Южаков. Когда же по радио связались со штабом 289-го стрелкового полка, выяснилось, что Южаков и еще несколько человек окружены в одном из населенных пунктов, который мы обходили. Забравшись на церковь, Южаков сообщил по радио: "Вижу вашу работу, примите правее". Мы выполнили

его просьбу, сбили противника и освободили наблюдательный пункт 289-го стрелкового полка. Это пример, когда успешные действия соседа создают благоприятные условия для продвижения вперед.

Продолжая окружать Оппельскую группировку противника, полк продвигался в направлении Зюльц. Приближалась ночь, и, несмотря на большую усталость, темп продвижения не снижался. Воины полка впервые принимали участие в создании внутреннего кольца окружения и, чувствуя, что кольцо вот-вот сомкнется, продолжали настойчиво продвигаться к цели. К 4.00 18 марта полк овладел населенными пунктами Фуксберг и Лесталь. До рассвета мы продолжали наступление, к 9.00 подошли к окраине Зюльц, где встретили сильное сопротивление, развернули для боя оба батальона и после 15-минутной артподготовки дружной атакой к 11.00 18 марта овладели городом Зюльц. К этому времени с юга к городу Зюльц подошли передовые подразделения 59-й армии. Тем самым Оппельская группировка в составе 20-й пехотной дивизии СС, 168-й, 344-й пехотных дивизий, части сил 18 механизированной дивизии СС и других частей оказалась в окружении. За период этих боев, то есть с 16 по 18 марта мы уничтожили более 300 солдат и офицеров противника, захватили около 200 автомашин и тягачей, 30 легковых автомашин (в одной из них был убитый генерал), 10 танков, большой обоз с военным имуществом и снаряжением, более 250 лошадей. Это только на направлении наступления нашего полка.

Здесь необходимо остановиться на одном эпизоде. После овладения п. Мансдорф мы развивали безостановочное наступление и к исходу 17 марта овладели господским двором Элегат-Штейнау, где решили сделать привал и накормить личный состав. Когда начали входить в господский двор, то обнаружили в нем большую группу противника – около 150 человек, спящих мертвым сном. Все они были пленены и обезоружены.

Верхне-Силезская операция отличалась большой маневренностью. Нам приходилось часто действовать без непосредственных соседей и огневой связи с ними, с открытыми флангами, мы подвергались внезапным контратакам по флангам. Противник все время предпринимал попытки прорвать кольцо окружения.

Однажды, ведя ночной бой, мы были внезапно контратакованы группой противника в составе более 300 человек, которая шла напролом. Ценой больших усилий эта группа была рассеяна и частично уничтожена, при этом и мы тоже понесли потери. Не успели разобраться в происшедшем, как на полном галопе во фланг левофланговому батальону, где только что шел бой, врезались две конные повозки без ездовых. На одной была полевая кухня с горячей кашей, а на второй – разные продукты. Этот "подарок" противника был попробован и использован по назначению. Овладев городом Зюльц, мы получили приказ перейти к обороне района Зюльц, Фуксберг, Лесталь, при этом не допустить прорыва окруженного противника. К утру 19 марта оборона, огневая система и управление были организованы и очень кстати, так как в 12.00 противник остатками 168-й пехотной дивизии и 20-й пехотной дивизии СС численностью-

около 1000 человек пытался прорваться из окружения в юго-западном направлении на участке между Зюльц и Лесталь, как раз там, где находился наш полк. Около двух часов длился ожесточенный бой, нам удалось пресечь все попытки противника прорваться из окружения. Уничтожив до 150 и пленив до 600 солдат и офицеров противника, мы удержали Зюльц.

В своих воспоминаниях командующий 1-м Украинским фронтом маршал Конев И.С. в книге "Сорок пятый" об этом писал: "... Теперь перед нами стояла задача как можно скорее покончить с окруженным противником. 19 марта в 16 ч 45 мин, будучи на наблюдательном пункте у Гусева, я подписал очень короткий приказ, рассчитанный на каждого солдата. Пожалуй, есть смысл воспроизвести его полностью:

"Комбатам, комполка, комдивам 225-й, 285-й, 229-й и 120-й дивизий 21-й армии. Окруженный противник пытается прорваться в направлении Штейнау. Враг деморализован, прорывается отдельными группами без техники.

Приказываю:

1. До ночи выходящие группы противника уничтожить, пленить. Всем солдатам, сержантам и офицерам дерзко и смело атаковать врага. Не опозорить войска 21-й армии и 4-й гвардейской танковой и не выпустить врага из окружения.

2. Приказ довести до всех рядовых, сержантов, офицеров всех родов войск.

Конев¹

О существовании такого приказа в то время я не знал, а вот давление командования дивизии в этом духе чувствовалось.

Обстановка на юго-западном участке окруженной группировки была следующей: остатки разгромленного противника отошли и начали сосредотачиваться перед фронтом соседней с нами 80-й стрелковой дивизии 59-й армии, которая была растянута на широком фронте. В связи с этим нам приказали выдвинуться поближе к 80-й стрелковой дивизии для уничтожения отошедшего противника (оставив в Зюльц одну усиленную стрелковую роту). Эту задачу мы успешно решили во взаимодействии с частями 80-й стрелковой дивизии, уничтожив остатки окруженного в этом районе противника, и в ночь на 20 марта овладели Рудштейном. В этом районе мы освободили около 500 наших военнопленных, часть из которых впоследствии мы получили в качестве пополнения. После выполнения этой задачи полк передислоцировался в район Врезе, где осуществлял боевое патрулирование, так как мелкие группы противника оставались еще в этом районе и предпринимали попытки прорваться на запад.

В районе Врезе мы простояли до 6.00 22 марта, затем выступили в западном направлении для уничтожения противника на внешнем фронте окружения, и в частности в районе Нейссе. Когда мы сражались с Оппельской группировкой противника, отошедшие части 20-й пехотной дивизии и вновь подошедшие части 10-й и 45-й пехотных дивизий перешли к обороне по реке Нейссе, удерживая

¹ Конев И. С. Сорок пятый. М., 1966. С. 83

на восточном берегу город Нейссе и несколько крупных населенных пунктов, таких как Обер-Нойланд, Билау и др. И вот теперь нам предстояло уничтожить противника в этом районе. Продвигаясь в этом направлении, наш полк к 21.00 22 марта сосредоточился в районе восточнее Нейнц, а с утра 23 марта перешел в наступление с задачей овладеть Обер-Нойланд. После короткого боя подразделения полка, преодолев упорное сопротивление противника, овладели восточной частью Обер-Нойланд, но были контратакованы противником из района Билау.

Весь день шел ожесточенный бой. В течение всей ночи на 24 марта бои продолжались, и только к 13.00 24 марта ценой больших усилий мы полностью овладели п. Обер-Нойланд. Продолжалось наступление в направлении Нейссе, полк был развернут для отражения контратаки и наступления в юго-западном направлении на Билау. Попытки взять Билау с ходу успеха не имели. Противник упорно оборонялся, и мы в течение нескольких дней пытались овладеть им, но безуспешно. И только в ночь на 29 марта подразделения полка ворвались на северную окраину Билау. К этому времени к Билау подошли подразделения 1017-го стрелкового полка, одной из дивизий 59-й армии. Этому предшествовали события, о которых следовало бы сказать в нескольких словах. Во время боя 26 и 27 марта за Билау наши полковые пушки, выдвинутые для стрельбы прямой наводкой по окраинным домам, не смогли подавить расположенные в них огневые точки. Эту картину наблюдал находящийся на нашем наблюдательном пункте командир дивизии генерал Говоров (однофамилец командующего Ленинградским фронтом). Разгневанный тем, что мы не имеем успеха и несем потери, он принял решение выдвинуть на прямую наводку 122-мм гаубичную батарею- 1033-го артиллерийского полка. Мы наблюдали выдвижение и развертывание этой батареи. Но, к сожалению, полностью свою задачу батарея не выполнила. После 2-3 выстрелов, сделанных каждым орудием по каменным домам на северной окраине Билау, эти орудия поочередно были разбиты артогнем противника. Мы в душе осуждали решение командира дивизии, так как выдвигать днем на открытой местности, без надежного артиллерийского прикрытия, под носом у противника четыре орудия 122-мм калибра не было смысла. Лучше было дожидаться наступления темноты, выдвинуть орудия, окопаться, оборудовать как следует позиции, а с утра решать поставленную задачу.

На следующий день, с наступлением темноты на наш наблюдательный пункт приехал на мотоцикле начальник штаба дивизии полковник Гусев. Выразив неудовольствие нашими действиями, он приказал выделить в его распоряжение одного связиста с катушкой телефонного кабеля и телефонным аппаратом, предупредив, что сейчас он едет в Билау, так как там противника уже нет. Наши предупреждения, что это не так, что в Билау противник сидит прочно, не возымели действия. Прошло некоторое время, к нам на командный пункт на носилках внесли полковника Гусева, раненного в ногу. Он успел доехать до нашего переднего края, был встречен минометным огнем противника. Вот так закончилась его попытка "взять" Билау. В течение 29 марта мы продолжали

вести бои на прежнем рубеже. В ночь на 30 марта нам приказали срочно сдать занимаемый рубеж и выйти в район Обер-Нойланд, где привести в порядок личный состав, вооружение. Затем полку приказали совершить марш в другой район. В течение 3, 4 и 5 апреля полк совершил марш и к 18.00 5 апреля сосредоточился в районе севернее Монау.

За активные действия в Нижне-Силезской и Верхне-Силезской операциях 538-й стрелковый полк был награжден орденом Александра Невского (март 1945 года).

12. Оборона южнее окруженного Бреслау

В ночь с 5 на 6 апреля мы сменили 26-й гвардейский стрелковый полк одной из дивизий 5-й гвардейской армии на участке Боргания, господский двор Марксдорф, Ротшейхайн и перешли к обороне с задачей не допустить прорыва пехоты и танков противника в направлении Верхов – Монау – Бреслау. В районе Бреслау находилась крупная фушшровка окруженного противника. Через Монау проходил кратчайший путь к окруженной группировке. Штаб армии располагал данными о намерении противника деблокировать окружение.

Сразу же с занятием обороны мы начали проводить мероприятия по инженерному оборудованию участка обороны полка и созданию системы огня. Нужно отметить, что полк оборонялся на широком фронте. Перед нами оборонялись подразделения 948-го и 949-го пехотных полков 359-й пехотной дивизии противника с передним краем: северо-восточная окраина Даманце, высота 181.4, отм. 195.0, отм. 197.8. Оборона у него была заранее подготовлена. Нам пришлось много времени и сил потратить на отрывку сплошных траншей по всему переднему краю и оборудованию огневых точек. В ближайшей глубине обороны противника красовалась гора Цобтенберг с монастырем на вершине. К ней мы подходили и раньше, еще в феврале. Но тогда были остановлены упорным сопротивлением противника с запада, в районе Ласта, а сейчас мы вышли севернее Цобтенберг, но значительно ближе, непосредственно у подножья горы, где находился населенный пункт Цобтен.

Весна победного 1945 года приближалась. Основные события развертывались на главном, Берлинском направлении, куда были перегруппированы основные силы 1-го Украинского фронта, в том числе 5-я гвардейская армия, которую сменили соединения нашей 21-й армии.

Теперь перед нами на растянувшемся левом фланге фронта кроме основной задачи не допустить деблокирования Бреслау стояли задачи по захвату опорных пунктов противника и ведению разведки в направлении Штрелиц. Нужно было активными действиями не позволить противнику передислоцировать часть сил на Берлинское направление.

Штаб дивизии не давал нам покоя ни днем ни ночью. Боевые распоряжения следовали одно за другим: требовали провести разведку боем, захватить пленных,

подтвердить наличие перед нами частей 359-й пехотной дивизии противника. Несколько раз приезжал к нам начальник штаба корпуса генерал Дмитриев А.С. с требованием во что бы то ни стало захватить "языка". Позднее стало известно, что 359-я пехотная дивизия противника оказалась южнее Берлина и, естественно, нашему начальнику штаба корпуса попало от вышестоящего командования за то, что упустили момент смены и переброски частей 359-й немецкой дивизии в район Берлина.

Мне приходилось несколько раз направлять разведгруппы для захвата "языков", но не всегда их действия приносили успех.

Запомнился один такой поиск. Это было в конце апреля 1945 года, когда на командный пункт полка прибыл генерал Дмитриев. Он приказал с наступлением темноты выслать поисковые группы для захвата пленных и подтверждения наличия группировки противника перед фронтом полка. Одну из групп отправить приказали мне. Когда группа начала действовать, я находился возле одного из блиндажей, в первой траншее, где был телефон батальонной связи. В это время меня пригласили к телефону. Командир полка сообщил мне, что из штаба дивизии передали информацию о том, что группе солдат и офицеров полка присвоено звание "Герой Советского Союза", в том числе двум разведчикам, которые в это время были в поиске – старшим сержантам Бочарову Сергею Ивановичу' и Добрынину Михаилу Сергеевичу. Кроме них Героями за бои на Одере стали:

- командир стрелкового взвода младший лейтенант Крутиков Дмитрий Михайлович (посмертно, погиб 24 января 1945 года);
- командир стрелкового взвода лейтенант Баймуханов Мусса Баймуханович (посмертно, погиб в марте 1945 года);
- помощник командира взвода старший сержант Сугулов Григорий Алексеевич;
- командир орудия старшина Рогов Леонид Васильевич;
- оружейный наводчик младший сержант Артамонов Василий Васильевич;
- рядовой Губарев Григорий Миронович.

В полку стало сразу 8 Героев Советского Союза. Для стрелкового полка это не так уж мало.

Представление к этим наградам было сделано еще во время боев за плацдарм на Одере южнее города Оппельн. Тогда, в двадцатых числах января 1945 года, когда мы подходили к рубежу реки Одер, штаб дивизии передал радиограмму, в которой было указано, что первые 10 человек, форсировавшие реку Одер и проявившие себя в боях за удержание плацдарма, будут представлены к высокому званию Героя Советского Союза. Затем, когда начали оформлять наградные документы на отличившихся, эта цифра была уменьшена до 8, ввиду того, что штаб дивизии оформлять документы на 2 человек из числа командования полка будет сам.

В связи с тяжелыми боями на плацдарме, повседневными боевыми делами нам было не до наград, и вскоре мы о них забыли. И вот спустя почти 3 месяца такая радостная информация!

И если бы сейчас разведчики вернулись из поиска с "языком", это было бы

подтверждением того, что они действовали достойно. Однако, к нашему разочарованию, вернулись они только с документами убитого немца, да и то документы были не первой "свежести". На следующую ночь поиск прошел более успешно и "язык" был захвачен, а еще через сутки наши разведчики привели троих пленных.

Об одном событии тех дней следует кратко рассказать. Где-то в конце апреля победного года в штаб полка поступила информация от батальона, оборонявшегося на левом фланге, о том, что перед фронтом батальона противник выставил на бруствере первой траншеи белые флаги, многие солдаты сидят на брустверах окопов и машут белыми флагами. Командир батальона выслал в нейтральную зону своих парламентаров в составе командира взвода, владеющего немецким языком, и одного солдата. В это же время со стороны противника вышли два немца тоже с белым флагом.

Когда я появился на командном пункте батальона, глазам открылась непривычная картина. Над окопами противника развевались белые флаги, на брустверах множество солдат, а на нейтральной полосе стоят 4 человека с белыми флагами, мирно покуривая, доброжелательно беседуют. Наши солдаты и офицеры тоже вышли из траншей. Вскоре парламентары разошлись по своим окопам. Возвратившийся командир взвода, фамилию, к сожалению, не помню, доложил, что немцы высказали пожелание кончить войну, но как это сделать – не знают. Их офицеры вызваны в штаб на совещание, и, пока их нет, они вести огонь по нашим позициям не будут. Просили то же самое сделать и с нашей стороны.

К этому времени на командный пункт батальона прибыли офицеры штаба дивизии и корпуса. Здесь же под руководством начальника политотдела дивизии был составлен ультиматум, где определялись условия прекращения войны на этом участке. Парламентары вновь направились, уже с ультиматумом, на нейтральную полосу на встречу с парламентарями противника. Но на этот раз встреча была короткой, парламентары вскоре разошлись, и обе стороны укрылись в окопах. Возвратившиеся парламентары доложили, что офицерский состав противника, вернувшись в свои подразделения, приказал своим солдатам немедленно прекратить переговоры, убрать все белые флаги и открыть огонь. И, действительно, затишье было прервано, противная сторона открыла огонь, а наши незамедлительно ответили тем же. Этот факт свидетельствует о том, что многие немецкие солдаты были настроены антигитлеровски, они поняли, что война проиграна, и старались приблизить ее конец.

13. Последние бои. С войной покончили мы счеты. Служба в ЦГВ

С начала мая победного года мы ежедневно проводили разведку боем, однако существенных результатов она не давала. Захватив какой-либо участок траншеи, развить успех мы не могли.

И только в ночь на 7 мая после удачной атаки 1-го стрелкового батальона противник был сбит и начал отходить, прикрываясь арьергардами, взрывая мосты. Введя в бой главные силы полка, мы начали преследование, встречая на некоторых рубежах сопротивление мелких групп противника. Применяя обходные действия, подразделения полка в течение 7 и 8 мая сбивали арьергарды противника, имея основной задачей ускорить преодоление Судет и выйти в центральные районы Чехословакии для оказания помощи вооруженному восстанию чехословацких трудящихся.

В то время мы не знали общего замысла действий наших войск. А он сводился к тому, чтобы в короткий срок сосредоточить на Пражском направлении крупные силы и глубоким охватывающим маневром окружить и ликвидировать немецкую группу армий "Центр", не позволив ей ни расправиться с чехословацкими патриотами, восставшими против немецко-фашистских захватчиков, ни отойти на запад. Этим самым одновременно срывался план англо-американского командования по вторжению американских войск в Прагу.

По замыслу главного командования разгром группировки противника в Чехословакии должен был осуществляться путем нанесения ударов войсками 1-го Украинского фронта из района северо-западнее Дрездена, вдоль западного берега Эльбы на Прагу и войсками 2-го Украинского фронта из района Брно также в направлении на Прагу. В результате этих ударов предполагалось полностью отрезать все пути отхода немецко-фашистских войск из Чехословакии на запад.

Наша 120-я дивизия в составе 117-го корпуса должна была нанести удар с севера, рассечь группировку противника и принять участие в уничтожении ее по частям. Всю ночь на 9 мая 1945 года колонна полка продолжала движение. В одном из населенных пунктов она вдруг остановилась. Я в это время находился при штабе полка, который следовал в середине колонны. Желая выяснить, почему голова колонны остановилась, пошел туда и обнаружил, что по пересекаемой дороге движется другая колонна. Получилось так, что наша головная походная застава перешла перекресток, а голова колонны передового батальона остановилась. Чтобы не допустить перемешивания войск, командир передового батальона майор Елисеев решил сделать небольшой привал и приказал головной походной заставе, чтобы и она остановилась.

В это время в середине нашей колонны, где находился штаб полка, вдруг возникла беспорядочная стрельба из стрелкового оружия и множество разноцветных ракет взлетело в воздух. Стрельба распространялась по всей колонне, слышались возгласы: "Ур-ра-а! Победа!". Оказалось, что радисты штаба нашего полка, приняв по радио информацию штаба дивизии о полной капитуляции немецких войск в районе Берлина, сразу отреагировали на это радостное известие и их поддержали остальные воины полка.

Осветительные ракеты озарили всю местность, в нескольких местах от попадания несгоревших ракет возникли пожары. На улицу, в столь поздний час, высыпало местное население. Ликование охватило всех, и пожары не волновали никого, даже хозяев этих горящих построек.

Так продолжалось около часа, пока перекресток не освободился, и мы, потушив пожары, продолжали движение по своему маршруту. В одном из населенных пунктов головная походная застава столкнулась с засадой противника. Завязался бой. Пришлось развернуть часть сил передового батальона для обхода и уничтожения противника. Такие стычки имели место в течение 9 и 10 мая.

Хотя война была закончена и в Берлине был подписан акт о безоговорочной капитуляции, группировка войск противника, действующая в центральной части Чехословакии, оказывала сопротивление, стремясь отойти на запад, к англо-американским войскам. К сожалению, в этих боях погибло несколько человек нашего полка. Больно было терять людей, прошедших всю войну и погибших после ее завершения.

Разбив разрозненные группы противника, мы вышли на равнины Чехословакии и в городе Браунау приняли капитуляцию большой группы вражеских войск.

В дальнейшем наш полк продолжал движение в юго-западном направлении, уничтожая сопротивляющиеся мелкие группы противника.

10 мая 1945 года полк вышел в район Наход, завершив свой боевой путь. Затем получили приказ передислоцироваться в новый район: Комаров, Туне, Собетуш, куда мы прибыли в 20.00 12 мая. Штаб полка развернули в деревне Суха.

Закончил войну 538-й стрелковый орденов Богдана Хмельницкого и Александра Невского полк крепкой боевой воинской частью. Личный состав выглядел молодецато, в полку сохранилась высокая дисциплина. Основным костяком полка были офицеры, большинство из которых прошли дорогами войны от стен Ленинграда до фашистской Германии и Чехословакии.

Итак, война, продолжавшаяся 1418 дней и ночей, окончилась. После нескольких дней ликования пришло какое-то непонятное ощущение: а что же теперь делать? Вроде стали безработные. Но это нам только на первых порах так казалось. На нас навалилось множество забот и хлопот. Необходимо было заниматься размещением, бытовым устройством личного состава, снабжением, охранением, поддержанием порядка и дисциплины и, естественно, проведением боевой подготовки.

Много лет спустя после окончания войны командиру дивизии кто-то подарил стихотворение (автор его, к сожалению, неизвестен) о нашей дивизии и ее боевом пути. И его вполне можно привести здесь.

Как просто все это сегодня

От стен Ленинграда до Праги
 Прошли мы путями войны
 И воинской нашей присяге,
 И Родине были верны.

Сиявино, Гатчина, Луга,
 За Нарвою топи болот,
 Силезии снежные вьюги,
 В Судетских горах переход.

Как просто все это сегодня,
 Как трудно той было порой:
 Шли с песней на марше походном,
 Назавтра шли яростно в бой.

И не было стонов и жалоб,
 Одно лишь стремленье – вперед...
 Ведь знамя победы всех ждало
 У старых берлинских ворот.

И вот он пришел долгожданный
 День завершения войны,
 Он был непривычным, был странным
 Обилием своей тишины.

Обилием радости, счастья
 На лицах усталых солдат,
 И в радости этой участие
 Было лучшей из лучших наград.

Увиделись светлые дали,
 Дороги в родные края,
 Подруги, которые ждали,
 Тревогу в сердцах затая.

Увиделось то, что годами
 Свято хранилось в груди,
 Что в бой поднимало, как знамя,
 В чем черпалась сила в пути.

А пушки стояли без дела,
 Покрытые пылью боёв...
 И не было счастья предела,
 Сказать о нем не было слов.

Но слово о нем напоследок
 Сказал боевой автомат...
 Приход долгожданной Победы
 Салютом отметил сто крат.

Как просто все это сегодня,
 Иначе той было порой...
 Те дни были болью народной,
 Те дни назывались войной.

Мы их никогда не забудем,
 Нельзя нам их боль позабыть,
 Она пусть преградою будет,
 Преградой, чтоб войнам не быть.

Размещались мы в северной части Чехословакии. Большая плотность населенных пунктов создавала некоторые трудности во взаимоотношениях с местным населением.

Хотя они были в то время нормальными, но чувствовалась некоторая скованность чехов.

В деревне Суха (недалеко от Неханице), где находился штаб нашего полка, простояли мы три недели. Последние дни занимались подготовкой к демобилизации старших возрастов. В этот период полк посетил член военного совета 21-й армии генерал-лейтенант Мжаванадзе. При въезде в деревню Суха он остановился у крайних домов. Зайдя в один из них, он застал моего помощника по тылу А.В. Канояна в необычном положении: Ахилеску Ваганович лежал на топчане, на рядом стоящем шкафу была установлена небольшая бочка, откуда по шлангу с зажимом прямо в рот Ахилеску текло вино. При входе генерала Каноян попытался встать, но это ему не удалось. Мжаванадзе выругался, хлопнул дверью, вышел и направился в штаб полка. Когда он внезапно появился там, я начал докладывать ему, но он прервал мой доклад, назвал всех присутствующих в штабе "шлангистами", потребовал провести его к командиру полка. Я сразу не понял, что обозначает это слово. Вскоре меня вызвали к Мжаванадзе. Он указал на отсутствие порядка в штабе, потребовал наказать Канояна, а затем, переведя разговор на другую тему, с усмешкой спросил, как я сейчас оцениваю роль коммуниста. Я ему ответил, что коммунисты есть разные и есть такие, которые недостойны этого звания. "Значит, Вы остались при своем мнении", – отметил генерал и уехал.

Я тогда не знал, что это "свое мнение" будет тормозом положительного решения вопроса о посылке меня на учебу. Об этом мне сказал командир полка после нашего с ним расставания в Венгрии, когда я уезжал в распоряжение управления кадров центральной группы войск, а он принял полк воздушно-десантной дивизии. Иван Константинович был хорошо знаком с Мжаванадзе еще по 42-й армии под Ленинградом. Но, несмотря на это, ходатайство о направлении меня на учебу в то время воздействия не имело.

В июне 1945 года началась демобилизация. Тяжело было расставаться со "старичками", прошедшими с боями от Ленинграда до Чехословакии. Дивизия была расформирована, личный состав, остающийся для продолжения службы, был переведен в наш 538-й стрелковый полк, которому предстояло совершить многокилометровый марш в район Будапешта. Нам было приказано передать личный состав на доукомплектование воздушно-десантных соединений 9-й гвардейской армии, офицерский состав поступал в распоряжение военного совета армии и центральной группы войск.

Но до начала расформирования проходила аттестация офицерского состава. Начальников штабов полков аттестовала комиссия под руководством начальника штаба 117-го стрелкового корпуса генерала Дмитриева А.С. Во время беседы мне сказали, что предстоит продолжить службу в Советской Армии и при первой возможности я буду направлен на учебу. А пока мне было предложено готовиться в качестве кандидата для участия в параде Победы в Москве. Я, откровенно признаться, не знал, как поступить, проситься, чтобы уволили, ибо у меня не было фундаментального военного образования, или продолжить службу и стать кадровым офицером, на чем настаивал Иван Константинович Хармышев.

Через несколько дней меня вызвали в штаб дивизии и приказали срочно сдать должность и направиться в Вальденбург, в штаб 21-й армии, на мандатную комиссию для решения вопроса о направлении на учебу. Когда я приехал в Вальденбург, там уже собралось 25-30 офицеров, из числа которых должны были отобрать всего 5 кандидатов на учебу в академию им. М. В. Фрунзе.

Несколько дней мы жили в штабе армии. Мандатная комиссия изучала нас и в конце объявила список кандидатов на учебу. В связи с тем, что у меня было партийное взыскание, о котором я уже упоминал, к великому моему огорчению, на учебу меня не направили. Пришлось возвращаться в полк, который к моменту моего прибытия уже готов был начать марш в район Будапешта. Таким образом, я ни на учебу, ни на парад не попал.

И вот теперь, вернувшись в полк за 2 часа до начала марша, я вынужден был быстро вникать в обстановку, уточнять маршрут движения, порядок построения колонны на марш и решать вопросы обеспечения марша. Некоторая сложность данного марша заключалась в том, что в наш полк были сведены подразделения других частей дивизии, личный состав которых должен был продолжить службу. И мы больше всего опасались за дисциплину и организованность в этих подразделениях.

Марш совершали пешим порядком. Выделенная в наше распоряжение колонна автомашин была предназначена для перевозки вооружения и боеприпасов всей дивизии. Всего в колонне полка было около 3 тысяч человек, более 100 машин и более 500 лошадей с повозками. Все это нужно было переправить в район Будапешта и передать в распоряжение 9-й гвардейской армии.

Маршрут проходил через Градец – Кралово на Брно, затем по восточным отрогам Западных Карпат, через Братиславу по Средне-Дунайской низменности в район западнее Будапешта.

Двигались мы в основном в ранние утренние часы, а после 12 часов дня останавливались на отдых. В эти дни стояла очень жаркая погода, и идти в такую жару было тяжело. Конечным пунктом маршрута был город Вац на берегу реки Дунай. Прохладные воды этой великой реки были кстати. Мы часами не выходили из воды, купаясь в воспетых водах голубого Дуная. В этом районе нас уже ждали представители 9-й гвардейской армии, и мы передали личный состав в распоряжение воздушно-десантного корпуса.

Командир полка подполковник Хармышев И.К. получил назначение на один из полков 105-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. В эту же дивизию получило назначение большинство офицерского состава. Я с большой группой офицеров после оформления необходимых документов о передаче личного состава и другого имущества направился в штаб 9-й гвардейской армии, который располагался в Буда², сдал все документы и поступил в распоряжение Военного совета 9-й гвардейской армии. А в это время и в 9-й гвардейской армии началась подготовка к отправке демобилизованного личного состава.

---

² Западный район Будапешта

Вскоре меня вызвали к начальнику штаба армии генералу Рождественскому, который приказал отправиться в населенный пункт Ходмезёвашархей, где оказать помощь в формировании кондепо (кавалерийского полка с ограниченным личным составом и без вооружения). К этому времени всех лошадей, имевшихся в армии, сосредотачивали в Ходмезёвашархей, где были конюшни венгерского конзавода.

В течение месяца занимался я оказанием помощи группе офицеров под командованием одного бравого майора-кавалериста в формировании этого кавалерийского полка. Затем этот полк должен был следовать своим ходом на Украину. Большие трудности предстояло преодолеть этой группе офицеров. Всего в этом полку было более 5 тыс. лошадей и около 100 человек. Кормами для лошадей они должны были обеспечиваться по маршруту движения по разоренной войной территории.

После выполнения этой задачи я явился к генералу Рождественскому, доложил о положении дел и напомнил ему об обещанном мне отпуске для поездки в Чернигов и Ленинград. Он внимательно меня выслушал, улыбнулся и сказал: "Хорошо, отпуск тебе будет, но его надо совместить со служебной командировкой для сопровождения эшелона демобилизованных". Мне было приказано получить необходимые документы и выехать на ст. Геделе, где формировался эшелон демобилизованных москвичей и ленинградцев. До Москвы я должен был следовать в качестве заместителя начальника эшелона, а из Москвы – возглавить половину эшелона демобилизованных и сдать их представителям военкомата Ленинграда, после этого я мог использовать месячный отпуск в Ленинграде и в Чернигове.

Эшелон, сформированный и обеспеченный всем необходимым, покинул Геделе. Двигались мы очень медленно и долго. Горный рельеф местности, по которой проходила железная дорога, особенно в Румынии, не позволял поездам следовать с требуемой скоростью. Иногда движение поезда было равно скорости пешехода.

После Южных Карпат скорость движения повысилась. В Бухаресте наш эшелон повернул на север, проследовал Яссы. На пограничной станции Унгены мы перегрузились в наш железнодорожный состав. В дальнейшем путь пролегал по территории Молдавии, Украины, западной части России, разоренной войной.

В Москве половину эшелона отцепили, а мы продолжили путь до Ленинграда. На Московском вокзале Ленинграда многие жители встречали демобилизованных. После сдачи документов представителям военкомата я около двух недель был в Ленинграде, встречался с некоторыми однополчанами, выбывшими из частей дивизии по ранению в период боевых действий под Ленинградом. Жили они в то время плохо, многие по инвалидности получали мизерную пенсию. Забота об искалеченных войной была недостаточной, многие не имели жилья, жили в общежитиях.

Да и сами бывшие войны-освободители, понимая, что главным в послевоенный период является восстановление разрушенного войной народного хозяйства, не требовали удовлетворения своих нужд, а центральные и местные власти не уделяли им никакого внимания.

После Ленинграда дней на 10 заехал в свой родной город Чернигов. До призыва в армию я мало где бывал и поэтому не совсем объективно оценивал город, мало знал его историческое прошлое.

После долгой разлуки с родным городом я по-новому смотрел на этот административный и культурный центр области, один из древнейших городов. Первые упоминания о ней встречаются в летописи 907 года. В XI – XIII веках Чернигов – главный город Черниговского княжества. Наряду с Киевом и Новгородом он был одним из центров древнерусской культуры. В период освободительной войны украинского народа 1648 – 1654 годов Чернигов играл важную роль в борьбе за воссоединение Украины с Россией. Расположенный на крутом берегу красавицы Десны, с ее шикарными пляжами, где ранее отдыхали не только местные горожане, но и приезжие из Москвы и Ленинграда, город был очень уютным и приветливым.

И вот теперь, встречаясь с городом, родными, знакомыми, я чувствовал, как тревожно бьется сердце. Я увидел разрушенный до основания железнодорожный вокзал и лежащую в руинах центральную часть города. Электростанция, на которой я работал до призыва в армию, не действовала. Малая часть города снабжалась электроэнергией специальным энергопоездом. Большинство жилых домов было без электрического освещения. Основные продукты питания выдавались по карточкам.

Родные жили очень бедно. Отец и брат вернулись с войны инвалидами. Заботы о них со стороны местных властей не было никакой. Мать тяжело болела. Первое время после возвращения из эвакуации они не могли получить квартиру, в которой жили до войны, а ютились в сарае. Летом 1944 года я получил от них письмо, в котором они сообщали о своих бедах. С фронта написал письмо в Верховный Совет. Вскоре к родным явилась комиссия, обследовала их бедственное положение. Им дали две комнаты в том же доме, где они жили до войны.

Здоровье матери, подорванное скитанием в эвакуации по Сибири и житьем в сарае, восстановить не удалось. Месячный отпуск истекал, настало время прощаться с родными, близкими, родным городом. До Киева добрался в местном поезде. В Киеве встретил военного прокурора нашей дивизии, который ехал тоже после отпуска в Центральную группу войск. В дороге до Унген он мне поведал о деле, по которому меня должны были привлечь к уголовной ответственности, о чем уже упоминал. Он рассказал, что командование дивизии много сил приложило, чтобы это нелепое дело было прекращено.

Дорога до Будапешта проходила уже по знакомой местности. В Будапеште я остановился у офицера, который ехал со мной в одном купе. В то время он был комендантом одного из районов Будапешта.

У него я гостил несколько дней, в течение которых он знакомил меня с городом, его окрестностями и достопримечательностями. В последний день отпуска я переехал в Буду, где размещался штаб армии.

Генералом Рождественским я был направлен в распоряжение оперативного отдела штаба армии, а затем после проведения оргмероприятий, связанных с сокращением численности вооруженных сил, – в распоряжение штаба центральной группы войск.

В управлении кадров меня предупредили, что в ближайшее время я буду направлен на учебу, а пока мне следовало явиться в полк резерва офицерского состава Центральной группы войск, который размещался недалеко от Вены в городе Айзенштадт, где случайно встретился со своим дядей (маминим братом). Он там командовал армейским батальоном связи.

В резервном полку я пробыл около двух недель завершающегося 1945 года. Накануне нового, 1946 года я был вызван в управление кадров. Новогодняя ночь застала меня в Вене, где я должен был явиться в управление кадров Центральной группы войск. Накануне в управлении уже побывали два моих знакомых из 72-й стрелковой дивизии, с которыми мы вместе жили в Айзенштадте. Им было сказано, что они будут в ближайшее время демобилизованы. Я полагал, что и меня ждет та же участь, и себя морально подготовил к этому. После беседы и уточнения некоторых данных моего личного дела один из офицеров управления кадров мне сообщил, что я являюсь кандидатом для направления на учебу.

На следующее утро мне объявили радостную весть, что решением командующего войсками Центральной группы войск маршала Конева И. С. я направляюсь на учебу в высшую офицерскую школу. Получив необходимые указания, я выехал в Айзенштадт для оформления документов и получения личного дела, а оттуда – вновь в Вену, где формировался эшелон, следовавший до города Яссы. В Яссах предстояло пересесть на поезд до Киева, затем проследовать через Москву в город Арзамас.

Наш поезд, состоящий из вагонов пригородных сообщений, имевших только места для сидения, двигался очень медленно. Маршрут следования проходил по живописной, очень пересеченной местности с большими подъемами.

Поезд часто останавливался для пополнения запасов дров и воды. Так мы проследовали Австрию, Венгрию, Румынию и в Яссах пересели в мягкий вагон пассажирского поезда Яссы – Киев. В этом вагоне наконец-то можно было человечески отдохнуть.

В Киеве предстояло пересесть на московский поезд. В то время московские поезда брались штурмом. На несколько дней заехал в Чернигов навестить своих родных. Жили они по-прежнему плохо. Мать тяжело болела. Покидал Чернигов с болью в сердце. Дни моей матери были сочтены. Больше я ее не видел.

14. Учёба в высшей офицерской школе. Служба в Заполярье

В конце января 1946 года я приехал в город Арзамас, куда к этому времени начали прибывать преподаватели и офицеры-слушатели. Арзамас, в то время районный центр Горьковской области, имел большое количество церквей и монастырей. В одном из монастырей располагалась наша офицерская школа, никакой материальной базы она не имела. Занятия должны были начаться с 1 февраля, однако нас предупредили, что из-за неготовности учебно-материальной базы занятия начнутся с 15 февраля.

В Арзамас съезжались участники войны, которые проявили себя в боях, но не имели достаточного военного образования. Большинство из нас первичные воинские звания получили на фронте. Это были офицеры в воинских званиях от капитана до подполковника, занимавшие должности командиров батальонов, полков и начальников штабов полков.

На преподавательские должности были назначены опытные офицеры, как правило, полковники, имеющие богатый опыт и значительную методическую подготовку.

Для многих из нас, не имеющих военного образования в объеме военного училища, офицерская школа создавала базу для глубокого познания военного дела. Мы изучили дисциплины по сокращенной программе военного училища, совершенствовали свои знания. Было проведено несколько командно-штабных учений. На фоне стрелкового корпуса отработывались действия стрелковой дивизии и полка во всех видах боя. Из учебных групп слушателей создавались штабы дивизий и полков (основные должности). Особое внимание уделялось изучению и обобщению опыта Великой Отечественной войны.

Жили слушатели в общежитии, а те, к кому приезжали семьи, снимали частным образом комнату в деревянных домах с печным отоплением и без каких-либо удобств.

В этой школе я проучился до конца 1946 года, а в начале 1947 года меня направили в распоряжение Беломорского военного округа. Оставив жену и дочь в Ленинграде, я прибыл в Петрозаводск, где располагался штаб округа.

В штабе округа, долго не размышляя, направили меня на самый север, в поселок Печенга Мурманской области на должность заместителя начальника оперативного отделения штаба 45-й стрелковой Печенгской дивизии. Глянув на географическую карту, я обомлел – это был край земли северо-западной части страны.

На следующий день поезд Петрозаводск-Мурманск повез меня строго на север по Карелии. В купе со мной ехал один пожилой седой человек, который много мне поведал об этих суровых местах, особенно о Соловках. На станции Кемь он вышел, держа путь к Соловецким островам, где провел в изгнании много лет и где захоронено много его знакомых, погибших в Соловецких лагерях.

Чем ближе поезд приближался к Мурманску, тем короткий день января становился еще короче. В этих краях только с 11 до 13 часов стоял серый полумрак. Полярная ночь была в разгаре, угнетающе действовала окружающая местность. В Мурманске пришлось побыть несколько дней в ожидании рейсового парохода для следования в порт Линахамари.

Пароход "Сосновец", на котором я продолжал путь, вышел из Мурманска по Кольскому заливу, вскоре вошел в свинцово-черные воды Баренцева моря и взял курс на Линахамари, огибая полуостров Рыбачий.

Баренцево море редко бывает спокойным, и вот сейчас наш "Сосновец" начало болтать во всех плоскостях. Пароход почему-то шел с большим креном на правый борт, от ударов волн весь содрогался, скрипел и трещал, будто вот-вот развалится. Такая качка продолжалась всю ночь, и только под утро, когда пароход вошел в Варангер-фиорд и начал приближаться к Печенгскому заливу, море немного стихло и перед взглядом предстали скалистые заснеженные сопки и узкий залив. Вскоре показался порт Линахамари. Наш "Сосновец" подошел к одному из причалов, пришвартовался. Сойдя на берег, я оказался в суровом, необжитом краю. Оглянувшись вокруг, пришел в уныние и подумал: "Боже мой, за что же меня, после тяжелейшей четырехлетней войны, сюда загнали?" Итак, я попал на "всесоюзную гауптвахту" (так многие называли этот край).

Из порта Линахамари на попутной машине доехал до "Зеленого городка", где размещался штаб 45-й стрелковой Печенгской дивизии. В штабе дивизии застал конец рабочего дня, и кроме дежурного по штабу и начальника оперативного отделения уже никого не было. Доложив о прибытии, я передал пакет с личным делом начальнику оперативного отделения, с которым состоялось первое мое знакомство. Просматривая мое личное дело, он сказал, что у нас с ним есть, оказывается, общие знакомые, в частности упомянул о полковнике Гусеве, нашем начальнике штаба 120-й дивизии, с которым он знаком еще по довоенной службе в армии. В конце беседы мне было предложено до утра следующего дня отдохнуть в казарме комендантского взвода, где имелись свободные солдатские койки, так как в офицерском общежитии мест не было, а в комнате, которая предназначалась для меня, временно был развернут агитпункт.

В казарме было неуютно, электрического освещения нет. В углу у дневального горела керосиновая лампа. Уснул я после морского путешествия быстро, но вскоре проснулся от нападения клопов. Пришлось вставать, одеваться и идти к дежурному по штабу, где я сидя продремал до утра.

С началом рабочего дня меня приняли командир дивизии полковник Литвинов и начальник штаба полковник Лазарев. После беседы приказали приступить к работе.

Работа заместителя начальника оперативного отделения штаба дивизии многогранна и ответственна. Кроме основных функций, связанных с боевой и оперативной подготовкой, на меня возлагались еще обязанности по поддержанию связи и взаимодействию с Печенгской военно-морской базой и пограничным отрядом. Части дивизии были рассредоточены на большой территории. Один полк находился на самой границе с Финляндией и Норвегией у Сальми-ярви; второй – в Титовке; третий – в Каккури. Специальные части располагались вдоль дороги Линахамари – Луостари.

Вскоре после моего приезда комдив, объезжая части и подразделения дивизии, ознакомил меня с обстановкой. Части дивизии располагались в старых бараках. Жилой фонд не обеспечивал нормальные бытовые условия. Учебно-материальная база отсутствовала. Семьи офицерского состава размещались в щитовых домах финского типа, а некоторые – в бараках. Весь Печенгский район не был электрифицирован. Электроосвещение было только в тех частях, которые имели свои самодельные небольшие электростанции, да и те работали не систематически. Офицерские квартиры и общежития выглядели уныло. Социально-бытовые условия были плохими. В городке, где размещались штаб дивизии и офицерские бараки, был барак-клуб. В нем периодически демонстрировались кинофильмы, на которые семьи офицерского состава приходили со своими самодельными табуретками. Трудностей бытового плана было очень много. Но все они преодолевались дружным сплоченным коллективом офицеров и их семей. Трудности как бы мобилизовали их на преодоление всех невзгод. В других воинских частях, расположенных в городах, где пришлось служить, семьи офицерского состава были разобщены, размещались по всему городу, и такого дружного коллектива, как в Печенге, мне не приходилось встречать. В мае 1947 года к нам прибыл новый командир дивизии – генерал-майор Бурмасов Василий Афанасьевич. С его прибытием заметно улучшились материально-бытовые условия частей и семей офицерского состава. Началось строительство казарм, домов для офицерского состава, электростанции, учебной базы для боевой подготовки. Через некоторое время в дивизию приехала инспекция Министерства обороны под руководством генерал-полковника Жадова. Спустя некоторое время в дивизию начали поступать строительные материалы, разборные дома, скот и т. д. Положение у нас улучшилось, когда вместо командующего войсками округа генерал-полковника Фролова Беломорский округ возглавил маршал К. А. Мерецков. И особенно жизнь у нас стала веселей и обеспеченней после того, как на наш район распространили льготы за отдаленность.

Летом 1948 года по приказу штаба Беломорского военного округа оперативная группа офицеров штаба дивизии проводила большую работу по рекогносцировке и описанию Мурманского операционного направления. Нам пришлось исходить и извездить территорию вдоль всей государственной границы, от побережья Баренцева моря до стыка границ трех государств: СССР, Финляндии и Норвегии.

В течение месяца мы проводили эту работу, и в самый последний день, возвращаясь от пограничников в наш 253-й стрелковый полк, в районе Сальмиярви попали в автомобильную катастрофу, меня изрядно покалечило. Около двух месяцев провалялся в госпиталях Печенги и Мурманска, а затем меня направили в Пятигорск в военный санаторий. Последствия катастрофы еще долго давали о себе знать.

В начале 1951 года штабу дивизии было поручено подготовить и провести показное учение по действиям войск в условиях бездорожья заполярного театра военных действий.

В этот период начальник оперативного отделения полковник Матулевич находился на очередной экзаменационной сессии в академии им. М. В. Фрунзе, где он учился на заочном отделении, и вся работа по подготовке учения легла на меня.

Вместе с начальником разведки подполковником Мирошниченко, начальником штаба артиллерии дивизии мы провели рекогносцировку местности, где предстояло провести учение. Это было направление, выходящее кратчайшим путем, вне дорог, к одному из участков государственной границы. Разработали общую обстановку, на фоне которой планировалось учение. Командир дивизии все это утвердил, и мы приступили к оформлению необходимых документов. Для участия в учениях предусматривалось привлечь: стрелковый полк, танковый батальон ТП, артиллерийский дивизион и саперную роту.

На этих учениях кроме командования округа присутствовала группа генералов генерального штаба. Учение прошло организованно, поставленные задачи были выполнены.

После учения и разбора командующий артиллерией округа генерал-лейтенант Парсегов задал мне несколько вопросов по разработке и спросил, когда я окончил академию. Я ответил на все вопросы, а в отношении академии ска- зал, что, к сожалению, в ней не учился, а только мечтаю об этом, так как через год по возрасту в академию на очное отделение уже не попаду. Присутствующий здесь же командующий войсками округа маршал Мерецков задал мне несколько вопросов чисто биографического порядка: где и в каком качестве воевал. В заключение беседы он приказал командиру дивизии немедленно направить в штаб округа ходатайство и другие документы на меня, требующиеся для поступления в академию.

Через некоторое время пришла телеграмма штаба округа о направлении меня на мандатную комиссию в академию им. М. В. Фрунзе. Сдав дела, распрощавшись с товарищами, выехал в Москву. Я был зачислен слушателем подготовительного отделения академии. Радости не было предела.

Здесь уместно остановиться на некоторых деталях оформления моего личного дела, направленного в академию. Об этом мне поведал генерал Бурмасов, когда я учился в академии, а он там же возглавлял кафедру. Когда маршал Мерецков после разбора учений заехал в штаб дивизии, просматривая мое личное дело, обратил внимание на выписку заседания парткомиссии 21-й армии об исключении меня из членов партии за антипартийное поведение. Ознакомившись с документом, Мерецков сказал: "С таким документом посылать в академию бессмысленно" и предложил эту выписку убрать, так как взыскание уже было снято.

15. Учёба в Москве. Служба в УрВО

Жизнь в Москве после Заполярья казалась раем. Единственная трудность – жилье. Нам пришлось снимать комнату частным образом.

Мне немного повезло. В Москве разыскал своего фронтового товарища Анатолия Ивановича Антипова, бывшего начальника штаба 289-го стрелкового полка 120-й Гатчинской Краснознаменной стрелковой дивизии. Семья Антиповых приютила нас. Анатолий Иванович, в это время полковник, служил в Главном военно-морском штабе. Его жена Валентина Ивановна, милейшая женщина, взяла свою мать Ольгу Константиновну Барастову к себе, а её комнату в четырехкомнатной квартире передала нам.

Учеба на подготовительном курсе имела целью завершить общее среднее образование и сдать экзамены на аттестат зрелости. Кроме общеобразовательных дисциплин, на усвоение которых уходило много времени и сил, мы изучали и военные дисциплины, которые очень легко усваивались.

Успешно закончив подготовительный курс, я был зачислен на первый курс основного факультета. Полевые занятия, стажировки в войсках, зимние лагеря помогли нам крепко встать на ноги и действовать на любых командных должностях звена полк-дивизия.

В академии оказалось много знакомых офицеров и генералов, которые занимали преподавательские и руководящие должности на кафедрах. С ними я был знаком по совместной службе в годы войны и в послевоенный период. Особенно запомнились встречи с полковником Федотовым Матвеем Дмитриевичем – старшим преподавателем кафедры общей тактики академии. В период войны он был у нас заместителем командира 120-й стрелковой дивизии и одно время командовал ею. С ним же я виделся несколько раз в Ленинграде и Гатчине на традиционных встречах, посвященных освобождению города Гатчина нашей дивизией.

Несколько раз встречался с полковником Дзубой Елизаром Николаевичем. Он также был старшим преподавателем, а во время войны – заместителем командира дивизии, после Федотова, в конце войны сменил раненого начальника штаба дивизии Гусева.

По-своему интересны были встречи с командиром 31-го стрелкового корпуса генерал-лейтенантом Терентьевым и командиром 45-й стрелковой дивизии Бурмасовым (вместе служили в Заполярье). Они в это время возглавляли в академии кафедры: Терентьев – кафедру тактики высших соединений, а Бурмасов – кафедру общей тактики.

Генерал Бурмасов и его жена Евдокия Филипповна часто приглашали нас к себе домой в гости, а жили они в этот период в Кузьминках, в расположении военного училища им. Верховного Совета РСФСР, которым он командовал до назначения в академию. На одной из встреч в конце 1954 года он рассказал об уникальном в то время учении с применением атомной бомбы. На этом учении он присутствовал в составе группы преподавателей академий. Это учение было проведено в сентябре 1954 года на одном из полигонов Южно-Уральского военного округа. В условиях, приближенных к боевым, был проведен воздушный атомный взрыв. Как впоследствии стало известно, вся подготовка и проведение учения осуществлялись в условиях строжайшей секретности, хотя в учениях принимали участие войска.

В дальнейшем на опыте этого учения перестраивалось обучение в академии, да и в Вооруженных Силах. В тактику и оперативное искусство вводились элементы ведения боевых действий в условиях применения ядерного оружия и защиты от него.

Вскоре в секретной военной литературе появились статьи о способах ведения боевых действий в новых условиях. Эти статьи были положены в основу временных уставов, наставлений и руководств.

Ужасное впечатление произвел на нас учебный секретный фильм об этом учении. Особенно жуткими были картины, на которых представлены подопытные животные, находившиеся в непосредственной близости от эпицентра взрыва. Ядерные испытания начались в разгар "холодной войны", которая и обуславливала их необходимость.

Жизнь в Москве и учеба в академии высветили многие факты, тогда еще скрытые и непонятные, но все же указывающие на негативные дела на правительственном уровне, и, естественно, все это отрицательно влияло и на низшие уровни.

Ольга Константиновна была вхожа в некоторые семьи высокопоставленных лиц, помогала им воспитывать и ухаживать за малолетними детьми. Она часто рассказывала о семье адмирала флота Кузнецова Николая Герасимовича, командовавшего в то время военно-морским флотом; о семье Булганина Николая Александровича, занимавшего в разное время пост Председателя Совета Министров страны и некоторые другие; о дворцовых интригах в высшем звене власти и о борьбе за власть.

Очень близка Ольга Константиновна была с женой Николая Герасимовича. Нарком ВМФ, прославленный флотоводец адмирал Кузнецов часто находился в опале. В 1947 году он был смещен с должности Главнокомандующего Военно-Морскими Силами и назначен в Ленинград на должность начальника Управления военно-морскими учебными заведениями. Он имел свою точку зрения на строительство военно-морского флота в послевоенный период, которая не совпадала с мнением Сталина, и поэтому Сталин готовил расправу над Кузнецовым и его единомышленниками. Вскоре Кузнецова направляют на Дальний Восток, и только в 1951 году его возвращают в Москву на должность военно-морского министра, а через некоторое время его признали виновным в гибели на Черном море линкора "Новороссийск" и навсегда отстранили от работы.

Трагедия с линкором до сих пор в полной мере не раскрыта.

Не совсем понятным в то время простым людям было "дело врачей" и другие дела, шитые белыми нитками.

После загадочной смерти Сталина, а особенно после XX съезда КПСС начали раскрываться некоторые государственные тайны, но и они до конца не были обнародованы, так как интересы правительства не всегда совпадали с интересами народа.

Нас часто знакомили с закрытыми письмами ЦК КПСС, которые половинчато отражали положение дел в стране и в высшем эшелоне власти.

Во всей деятельности правительственных кругов просматривалась борьба за власть. Забота о народе только декларировалась.

Особенно встревожили народ бериевские дела. Мы никак в то время не могли понять, как это на протяжении многих лет шло оболванивание людей, тяжело было разобраться, где ложь, а где правда. Средства массовой информации находились под присмотром Центра и выполняли его волю, проводили его идеи. На нашем курсе было около двадцати офицеров с закавказских республик, которые иначе трактовали бериевские дела. Шли разговоры совершенно иного характера. Эта группа закавказских офицеров поступила в академию, как тогда говорили, по записке Берия, а когда его арестовали, некоторые из них не могли смириться с этим и, используя все доводы, стремились представить те события в ином свете.

Несколько слов о тех днях. Когда Берию арестовали, наш курс находился под Нарофоминском в лагерях танковой дивизии на месячном сборе. В один из дней, когда мы должны были присутствовать на показательном учении на тему "Наступление танкового батальона с боевой стрельбой", подъем был проведен на один час раньше. На стадионе, где у нас всегда была физическая зарядка, некоторые слушатели обратили внимание на то, что портрета Берия среди портретов других членов политбюро, установленных вокруг футбольного поля, не оказалось. Один из слушателей обнаружил портрет лежащим в кустах и обосновал это тем, что ночью был сильный ветер и портрет свалило. Затем, когда мы после завтрака собрались в клубе, перед нами выступил начальник курса, который объявил, что показательное учение не состоится, так как дивизия по тревоге ночью была поднята и ушла своим ходом в Москву. Он довел до нас информацию, что в Москве арестован Берия и что в Москву на выходной день нам выезд запрещен. Однако несколько москвичей все же нарушили этот запрет. В Москве в эти дни была напряженная обстановка, связанная с противостоянием с дивизиями НКВД, которые были введены в Москву накануне этих событий по решению Берия. Вскоре обстановка нормализовалась, и дивизии НКВД были из города выведены.

В период обучения в академии осталось на всю жизнь неизгладимое впечатление о военных парадах, в которых нам пришлось участвовать. Много сил и времени затрачивалось на подготовку к этим парадом. Она начиналась за два месяца до парада, и мы в этот период почти через день на набережной ЦПКО или на площади перед академией занимались строевой подготовкой. За несколько дней до парада проводилась генеральная репетиция на гарнизонном аэродроме, а за день до парада, вечером – на Красной площади. Кроме того, участвовали в похоронах высокопоставленных лиц на той же Красной площади.

Время обучения в академии пролетело очень быстро, и настал час расставания с Москвой и академией. Важным стал вопрос – куда направят работать, и немаловажным – на какую должность.

С учетом того, что мне пришлось пройти всю войну, пережить блокаду Ленинграда, длительное время служить в тяжелых условиях Заполярья, в предварительной беседе представитель управления кадров ориентировал меня на один из округов Украины.

В раздаточной ведомости на получение подъемных денег против моей фамилии значился Одесский военный округ, а через несколько дней, когда я получал направление, оказалось, что я поступаю в распоряжение оперативного отдела Уральского военного округа.

Добиться разъяснения, почему произошло такое изменение, мне не удалось, правду в то время не всегда можно было найти, и в подавленном настроении из-за несправедливости, выполняя приказ, я уехал в город Свердловск. Впоследствии узнал, что причиной изменения места службы явилось поведение многих из нас на выпускном вечере, где мы в беседе между собой иногда позволяли откровенные высказывания о положении дел в армии и в стране. Кому-то такие вольности не понравились, и некоторых из нас за такое свободомыслие заслали подальше. А главной причиной мог послужить след в моем личном деле о взыскании за антипартийное поведение.

Свердловск встретил меня крепкими уральскими морозами и холодным отношением со стороны руководящих работников штаба округа и особенно кадровиков. В штабе округа встретился с Никифоровым, с которым вместе учились в Арзамасе. Он рассказал мне о Свердловске, в котором работал уже несколько лет. Тепло он отзывался о маршале Г.К. Жукове, командовавшем некоторое время округом после того, как попал в опалу.

Мы много говорили об Арзамасе, о высшей офицерской школе послевоенного периода.

Накануне моего прибытия в Свердловск в штабе округа произошло сокращение численности офицерского состава оперативного и разведывательного отделов, и, естественно, вновь прибывшие выпускники академии, назначенные в эти отделы, оказались не у дел. Около месяца я сидел без работы и без жилья, каждый день являясь в отдел кадров округа.

Вскоре нас, пятерых выпускников, начали пристраивать кого куда, на должности, не требующие академического образования. В период ожидания должности я слышался всяких нелестных отзывов о некоторых руководящих офицерах штаба округа, в том числе и кадровиках, а также высказываний о том, что "служба в войсках УрВО построена на костях своих товарищей". Некоторые предлагали дать взятку или пригласить в ресторан ответственных руководителей, от которых зависело получение должности, но я не решался на это. Написал письмо в Москву, в управление кадров о том, что сижу без должности, но ответа не последовало. Чувствовалась какая-то отчужденность – где и как ты живешь, никого не интересовало. А жил я с приездом семьи на частной квартире, в деревянном доме с печным отоплением. По ночам мы мерзли, не могли согреться, хотя печь топили почти весь день.

Сидеть без дела, без жилья и должности надоело, и я согласился на должность заместителя командира мотострелкового полка в Еланские лагеря под Камышловом. 213-й мотострелковый полк 61-й механизированной дивизии был кадрированный, и в это время он начал развертываться.

Командиром полка был назначен начальник отдела боевой подготовки штаба УрВО полковник Лукаш Александр Иванович. И вот нам предстояло создать полк на пустом месте. Никакой базы, ничего не было кроме низкого помещения типа сарая, где размещался штаб полка, одной захудалой деревянной казармы.

С поступлением в полк личного состава начали заготавливать строительные материалы. Один взвод послали в леспромхоз Талица для заготовки леса, один взвод – в Асбест на заготовку шлакоблоков и цемента. С поступлением строительных материалов начали строительство своими силами и стали заниматься по сокращенной программе боевой подготовкой. В первую очередь строили столовую, парк для боевой техники, склады, ремонтные мастерские, штаб и медпункт, а вскоре – двухквартирные дома для офицерского состава.

За строительство одного из домов мне был объявлен выговор со странной формулировкой – "за антигосударственную деятельность". А произошло следующее. Инструктор из КЭЧ, который осуществлял техническое руководство, предложил возводить стены дома комбинированным способом, то есть часть их, где это возможно, делать не сплошь из кирпича, а строить местами короб, засыпать его шлаком с установкой железной арматуры. При такой кладке мы сэкономили много дефицитного кирпича и цемента. Инженер КЭЧ дал добро, а вот заместитель командира дивизии по тылу, с которым у меня произошел по этому поводу нелicenseприятный разговор, представил командиру дивизии генералу Шарову проект приказа о наложении на меня взыскания за самовольство, с формулировкой "за антигосударственную деятельность". Комдив на первых порах не разобался, подписал этот приказ. На следующий день генерал посетил стройку, инструктор доложил ему о выгодном способе. Комдив этот способ одобрил, и вскоре взыскание было снято. Букет формулировок "За анти..." не получился, а ведь кто-то очень хотел, чтобы эти формулировки были.

В феврале 1957 года вся дивизия принимала участие в учениях, которыми руководил командующий войсками УрВО генерал-полковник Крылов Н. И. Командир полка в это время находился на курсах в Нижнем Тагиле, осваивал новые танки, и мне пришлось командовать полком.

Учение в зимних условиях Урала, по бездорожью, для мотострелкового полка дивизии, не имеющего достаточного количества инженерной техники для прокладывания колонных путей, является серьезным испытанием.

Нам предстояло в условиях созданной обстановки совершить многокилометровый марш по маршруту Еланские лагеря – Камышлов – Шадринск и с ходу перейти в наступление. В зимних условиях двигаться на автомашинах по полевым дорогам, занесенным полутораметровым слоем снега, без предварительной расчистки и прокладывания путей движения невозможно.

По условиям обстановки наш полк должен был двигаться в голове колонны главных сил дивизии по левому маршруту. Впереди по маршруту полка двигался дивизионный ООД (отряд обеспечения движения) в составе одного СТУ (снегоочиститель танковый универсальный) и взвода саперов.

Вся подготовительная работа, принятие решения и постановка задач прошли успешно. В назначенное время полк начал выдвигаться из района расположения и сразу же подвергся нападению большой группы авиации "противника" (реально имитировала действия авиации противника авиация округа). Отработав эту вводную, полк продолжал движение и через два часа успешного марша "сел на хвост" ООД. Дальнейшее продвижение зависело от скорости движения ООД, а она была не более 5–10 км в час, на некоторых участках и того меньше.

Руководство учениями, да и командир дивизии, недовольные таким темпом продвижения, начали настойчиво требовать ускорения движения, чтобы к исходу дня выйти на рубеж, до которого было еще около 50 км. В обычных условиях это расстояние колонна автомашин могла пройти за 1,5-2 часа. В этой же обстановке надо было потратить не менее 6-8 часов при успешном движении ООД.

Полк продолжал движение по узкому снежному коридору, проложенному СТУ, черепашим шагом, вслед за ООД. Назревала проблема, как накормить личный состав, кухни двигались в хвосте колонны полка, который растянулся на 6–8 км. Я обратился к командиру дивизии с просьбой разрешить остановиться на 1,5–2 часа, чтобы накормить личный состав и осмотреть машины. При командире дивизии находилось руководство учениями и сам командующий, настойчиво требовавшие продолжать движение.

Через некоторое время к вновь обратился с просьбой разрешить сделать остановку и накормить людей, рассудив, что за это время ООД оторвется от головы колонны полка и появится возможность наверстать упущенное время. Минут через 30 разрешение на остановку все же было дано, и в одном из населенных пунктов часть колонны полка удалось убрать с дороги, подтянуть кухни и начать кормить личный состав полка. В этот момент на розвальнях приехал командир дивизии, а затем на таком же "транспорте" – генерал-полковник Крылов Н.И. Я приготовился получить от них взбучку, но оказалось, что на правом маршруте положение было еще хуже, чем у нас. Там стрелковый и артиллерийский полки застряли, кухни у них отстали, и они тоже не кормили личный состав, а им до уровня рубежа, на который вышел наш полк, нужно было пройти еще километров 20. У них сломался СТУ, и решался вопрос о дальнейшем участии их в учениях, но они не знали, как развернуть и вытащить колонну из узкого снежного коридора, который порой скрывал грузовую машину.

Частям, двигавшимся по правому маршруту, все-таки дали отбой, а учение было решено продолжить, сосредоточив основное внимание на действиях нашего полка и работе штаба дивизии. Кроме посредников при мне и штабе полка находилась еще группа офицеров штаба руководства учениями. Нас сковывала не столько созданная ими обстановка и обозначенный противник, сколько наличие штаба руководства, в некоторой степени мешавшего работать.

Всю ночь полк медленно продолжал продвигаться вперед, и с рассветом передовые подразделения полка подошли к рубежу, на котором оборонялся условный "противник" в составе батальона курсантов военного училища.

Помощником руководителя учениями при обозначенном "противнике" был заместитель командующего войсками УрВО генерал-полковник Артемьев. Он переехал на рубеж, куда выходил наш полк, и серий ввводных подводил меня к принятию решения для нанесения удара вдоль дороги.

Еще при подходе к рубежу развертывания я доложил посреднику свое решение о сосредоточении основных усилий на левом фланге. Условия местности позволяли это сделать. Командир дивизии утвердил решение, а вот на самом рубеже вышла заминка. Пока в штабе руководства разбирали действия сторон по сложившейся обстановке, штаб нашего полка уточнил обстановку и мы начали развертывать подразделения, выводить их на рубеж атаки. На командном пункте полка появились командующий войсками округа и командир дивизии. Генерал-полковник Крылов Н.И. потребовал доложить обстановку и свое решение. Я доложил. Он задал мне несколько вопросов и вновь напомнил о недопущении срывов питания личного состава. В это время штаб полка изучал положение батальонов, которые подходили к рубежу атаки и уточняли на ходу задачи ротам.

Наступал самый важный этап, когда артиллерия должна была после имитации ядерного удара начать огневую подготовку атаки. В назначенное время был имитирован ядерный удар, и началась огневая подготовка. Атака и бой прошли успешно. Вскоре был дан отбой, так как основные задачи учения были выполнены. Учения вскрыли многие негативные стороны и показали, что учения необходимо тщательно готовить и материально обеспечивать. Проведение войсковых учений в зимних условиях с большим снежным покровом требует надежного инженерного обеспечения, сильных и подвижных ООД.

После возвращения в военный городок состоялся разбор учений. Командующий войсками округа, подводя итоги учений, особо подчеркнул важность материально-технического обеспечения войск в зимних условиях зоны Урала. Полку поставили удовлетворительную оценку.

В конце марта 1957 года из Нижнего Тагила со сборов возвратился командир полка А.И. Лукаш, а меня послали на двухмесячные сборы – на апрель- май. Основная задача этих сборов – изучить новую технику, поступающую в то время в войска, отработать вождение и отстрелять ряд упражнений.

И вот нас, уже в достаточно солидном возрасте, начали "вываривать в танковом котле". Мы отработали все упражнения по вождению танка Т-54 и ряд упражнений по стрельбе.

После сборов все возвращались по своим местам службы, и для нас, "еланцев", была новость: 61-я механизированная дивизия расформировывалась, на ее базе развертывалась танковая дивизия. Один механизированный полк нашей дивизии оставался в полном составе, а офицерский состав других механизированных полков, кроме танкового, получил новые назначения. Меня перевели в город Пермь на должность заместителя командира мотострелкового полка к полковнику Лукашу А.И.

Служба в Перми пошла кувырком, жилья нет. В этот период создавались совнархозы и выделяемые для офицерского состава 10% жилплощади были у военных отобраны для чиновников. Бедственное положение бесквартирных военнослужащих еще больше ухудшалось. Хотя следует признать, что некоторые получали квартиры без особых хлопот. Так, капитану Артемьеву – сыну заместителя командующего войсками округа была предоставлена без всякой очереди двухкомнатная квартира. Капитан Артемьев – молодой офицер, не служивший должным образом в войсках, был командиром кадрированного батальона, вскоре получил полковничью должность и уехал в группу войск за рубеж.

Я вынужден был снимать частным образом комнату без удобств. В то время о фронтовиках не заботились.

В каждом полку было по два-три штата офицерского состава. Рядового и сержантского состава было очень мало, а боевой техники много, обслуживать ее некому было.

Примерно через год и эту дивизию расформировали, а на ее базе создавалось училище ракетных войск, но и оно долго не просуществовало – перевели в другой округ.

Началась большая демобилизация и одновременно – формирование частей ракетных войск. Мне было предложено перейти в ракетные войска, но предупредили, что первые два-три года придется жить в глухой тайге и ... без семьи. Я отказался от этого предложения, после чего меня агитировали перейти на преподавательскую работу', чего я меньше всего ожидал. Мне предложили должность преподавателя военной кафедры Пермского сельхозинститута. Накануне я получил квартиру и полагал, что останусь в Перми. В это же время мне вдруг объявили, что в округе рассматривается вопрос о направлении меня на Камчатку. Я наотрез отказался, так как с 1947 по 1951 год служил в сложных условиях Заполярья, и вот теперь опять отдаленная местность, приравненная к Заполярию.

Жене предложили пройти медкомиссию на предмет возможности проживания в условиях Крайнего Севера. Медицинская комиссия гарнизонного госпиталя дала заключение, что по состоянию здоровья проживание в тех условиях ей противопоказано. Но какой-то капитан медицинской службы из медицинского отдела округа не утвердил решение комиссии. Мне пришлось в резкой форме выразить недоверие такому решению, и я наотрез отказался от такого назначения. Вскоре получил приказ о назначении меня преподавателем военной кафедры Ижевского сельхозинститута. Не знаю, почему в округе так поступили, однако это назначение меня озадачило. Связался со штабом округа, последовал невнятный ответ, что это решение заместителя командующего войсками округа генерал-полковника Артемьева, основанное на моем согласии, хотя такого согласия я не давал, а просил оставить меня в Перми или, в крайнем случае, уволить в запас. Моя просьба не была удовлетворена.

16. Работа в вузах

Оставив семью в Перми, я выехал в Ижевск, где квартир не было и в ближайшем будущем не ожидалось. Поселили меня в общежитии. В одной комнатухе жило нас четыре преподавателя. В Ижевске проработал полгода, неоднократно обращался в штаб округа с прежней просьбой, так как служба в это время усложнялась бестолковостью ряда руководящих должностных лиц. Снижалась дисциплина и организованность.

Через некоторое время пришел обнадеживающий ответ с вызовом в штаб округа на беседу. Принял меня командующий войсками округа генерал-полковник Лелюшенко Д. Д. доброжелательно. Разобравшись в моих бедах, он дал указание отделу кадров перевести меня обратно в Пермь на должность преподавателя общевоинского цикла военной кафедры Пермского медицинского института. Во время беседы с командующим я как-то невольно обратил внимание на лежащую на его рабочем столе топографическую карту. Он заметил это и спросил: "Что, знакома местность?". Я ответил, что воевал в этом районе. По его просьбе я показал по карте направление боевых действий, в которых мне пришлось принимать участие в составе 21-й армии, — от реки Висла до реки Одер, форсирование Одера в районе города Оппельн, бои за плацдарм, бои по уничтожению Оппельнской группировки противника, освобождение Нейссе и т.д.

Выслушав меня внимательно, он сказал, что работает над книгой о боевом пути танковой армии, которой он командовал. Мы еще долго беседовали о боевых делах той поры, о совместных действиях его 4-й гвардейской танковой армии и татпей 21-й армии. Командующий оказался интересным, своеобразным собеседником. По его просьбе я напомнил ему фамилии некоторых командиров дивизий и корпусов нашей 21-й армии. Здесь уместно остановиться на одном событии конца марта 1989 года, когда я в составе группы ветеранов 21-й армии по приглашению Общества польско-советской дружбы находился в Польше, в городе Нысса (Нейссе), и присутствовал на торжествах, посвященных открытию мемориальной доски на одном из зданий в честь воинов-танкистов 4-й гвардейской танковой армии. Одна из улиц города носила имя генерала Лелюшенко Д. Д.

В группу ветеранов 21-й армии входили: председатель Совета ветеранов Моношко Е.Д. из Москвы, Верстаков Е.С. из Ленинграда, из города Владимира – Куликовский А.М. и из Чехословакии Вл. Вырава.

Нас очень хорошо приняли в Варшаве, Опполе. Мы посетили места бывших боев, а также некоторые предприятия и организации города Нысса. Хорошие впечатления оставили председатель Общества польско-советской дружбы Бронислав Поляновский, мэр города Нысса Мечислав Важоха и др. Посетили воинскую часть Опольского воеводства, где очень хорошо решаются вопросы бытового устройства и пенсионного обеспечения офицерского состава, пенсии были значительно больше, чем у нас.

Итак, я был направлен на работу в Пермский медицинский институт.

На военной кафедре Пермского медицинского института к этому времени сложился достаточно подготовленный преподавательский коллектив, имеющий большой опыт медицинского обеспечения боевых действий.

Преподаватели были с высшим военным образованием, закончили войну в солидных должностях, все они обладали высокой методической подготовкой.

Военная подготовка в институте завершалась учебными сборами в войсках. На местности, в полевых условиях отрабатывались комплексные задачи сначала чисто тактического плана – студенты действовали в должностях командиров, а затем на отработанном общевоинском фоне решались задачи медицинского обеспечения боевых действий с развертыванием медицинских подразделений и их работой в полевых условиях. Такие сборы проводились в Чебаркульских лагерях, на базе учебной мотострелковой дивизии. На этой кафедре проработал я более шести лет.

В 1966 году мне стало известно, что в отделе кадров УрВО моя кандидатура рассматривалась на предмет назначения на должность начальника учебной части военной кафедры Пермского государственного университета. Во время очередного сбора в Чебаркуле заместитель командующего войсками округа по вузам генерал-лейтенант Харазия вызвал меня на беседу по вопросу назначения. Я дал согласие, так как в подполковниках я уже засиделся более 17 лет и не было никаких перспектив на выдвижение.

Вскоре вышел приказ, и я принял должность начальника учебной части военной кафедры университета. Кафедра в это время была в стадии формирования и создания учебно-материальной базы. Через полгода мне было присвоено воинское звание "Полковник".

Интересна деталь, путь от рядового до подполковника я прошел за 10 лет (от первого офицерского звания – за 7 лет), а вот от подполковника до полковника – за 18 лет. Причем приказы о присвоении звания были подписаны 26 апреля: подполковника – в 1949 году, а полковника – в 1967 году. В чем же причина столь длительного пребывания в звании "Подполковник"? В округе сосредоточилось много офицерского состава. В некоторых полках было по 2–3 штата руководящего состава (командиров, заместителей командиров и начальников штабов полков). Все части содержались в сокращенном составе, основная задача – несение караульной службы и хозяйственные работы. Второй и третий штат предназначались для развертывания в случае необходимости (по мобилизационному плану) других частей и соединений.

Продвижения по службе у большинства офицеров не было, редко кому (естественно, не всегда по деловым качествам, а часто по блату) удавалось идти на повышение. Но главной причиной моего неподвижения, видимо, было выискание за так называемое антипартийное поведение, о котором я говорил выше.

Работа на военной кафедре университета требовала больших сил. Кроме занятий со студентами по новому профилю и программе надо было перерабатывать и совершенствовать планирование учебного процесса, создавать методические пособия и учебно-материальную базу.

Немаловажной была задача совершенствовать методические навыки офицеров-преподавателей, так как большинство из них пришли к нам из местных кадрированных частей и не имели достаточного опыта преподавания, кроме того, некоторые имели недостаточные знания по основным предметам обучения – тактической и огневой подготовке.

Работа в университете требовала от нас, кроме военной подготовки, поддерживать порядок, необходимую воинскую дисциплину и организованность.

За короткий период была создана достаточная, в тех условиях, учебно-материальная база, способствующая подготовке офицеров запаса.

На военной кафедре университета проработал я до 1974 года. Кроме занятий в университете мы ежегодно выезжали в лагерь на 2-месячные учебные сборы для проведения занятий и особенно полевых учений с боевой техникой, отстрела ряда упражнений по огневой подготовке из всех видов стрелкового оружия, а также привития студентам минимальных командирских навыков.

Лагерные сборы проводились, как правило, на базе учебной дивизии, где имелись необходимые для этой цели условия. В конце учебных сборов комиссия воинской части принимала у студентов экзамены и давала заключение о присвоении им первичного офицерского звания "Младший лейтенант".

Офицеры военной кафедры принимали активное участие в общественной жизни университета. Большую работу проделали начальник кафедры полковник Постников Д. М., начальник цикла Зубов Н. Ф., старшие преподаватели Попцов, Пантелеев, Нехаев, Федоров, Детковский, преподаватели Зубренков, Богдаев, Лапшин, вспомогательный персонал: Филенко, Хрипченко, Карпенко.

17. Увольнение из рядов Вооруженных Сил

В 1974 году, прослужив в Вооруженных Силах 35 календарных лет, приказом Главкома сухопутных войск по выслуге лет и состоянию здоровья я был уволен в запас с правом ношения военной формы и с соответствующей пенсией (41 год трудового стажа, с учетом льгот).

Стал вопрос, что делать и чем заняться. Была задумка переехать в Чернигов, в родной город, куда мы почти ежегодно, в летнее время, выезжали в отпуск. Подыскивался вариант обмена жилплощади. Но подходящего варианта не находилось. Вскоре появилась внучка, мы очень привязались к ней, и вопрос о переезде постепенно отпал.

Ректор университета профессор В. П. Живописцев предложил мне остаться в университете. Первое время я работал инженером в одной из лабораторий университета, а в 1977 году мне предложили возглавить отдел кадров. После нескольких бесед с ректором я дал согласие.

Работа в отделе кадров оказалась многогранна, ответственна и требовала серьезного подхода к решению всех задач, возложенных на отдел. Много сил пришлось затратить на наведение порядка в учетных документах, личных делах.

Сложным был участок по распределению выпускников, план распределения не всегда выполнялся.

Важной была задача подбора и оформления выездных дел на сотрудников и студентов университета. Мы не всегда могли выполнить план подбора сотрудников и студентов для заграникомандирования и преодолеть препоны, чинимые директивными органами.

Сотрудники отдела – все женщины, некоторые из них имели опыт работы и серьезно относились к ней. С женским коллективом я раньше никогда не работал, требовался определенный психологический подход к сотрудникам, поэтому на первых порах мне было трудновато. Здесь воинская требовательность не всегда приемлема, и нужно было находить правильные решения в работе с такой категорией людей. Кроме того, в университете в основном женский коллектив, что обуславливало поиск и использование специфических методов работы с ним. С благодарностью я вспоминаю старших инспекторов Ирину Алексеевну Куркову, Галину Петровну Мурашову, Любовь Ивановну Селезневу, Людмилу Ивановну Логинову, которые добросовестно относились к своим обязанностям. Хорошие взаимоотношения у меня сложились со всеми деканами факультетов, многими заведующими кафедрами, с рядовыми преподавателями и руководителями подразделений, отделов и служб. Взаимопонимание было достигнуто и с ректором, и с проректорами. Все это, несмотря на здоровье и возраст, позволило более 10 лет успешно выполнять эту тяжелую работу.

В дальнейшем здоровье начало давать сбои и я вынужден был ставить вопрос об увольнении или переводе на работу с меньшим объемом. Работа в университете, а это 27 лет (1966 – 1993 годы), оставила неизгладимое впечатление. За этот период я приобрел богатый опыт работы с преподавателями, сотрудниками и студентами. Часто вспоминаю добрых, деловых, отзывчивых руководителей и работников.

Особенно хочется отметить хорошие отношения ректората, деканов и заведующих кафедрами и понимание важности деловых контактов и взаимодействия между отделами и службами. Хочу отметить работу ректоров В. П. Живописцева и В. В. Маланина, проректоров С. В. Владимирова и В. И. Костицина и других, заложивших основы качественной подготовки студентов и многое сделавших для создания учебно-материальной базы.

Много времени и сил отнимали общественные дела. В течение шести лет (два срока) я избирался членом профкома сотрудников университета. Затем был избран председателем совета ветеранов университета, а также членом совета ветеранов района и членом президиума Пермского городского совета ветеранов.

В этот период по всей стране и у нас в Перми активизировали работу ветеранские организации Вооруженных Сил, правоохранительных органов и тыла. Создаются ветеранские организации частей, соединений и фронтов. Празднования Дня Победы и годовщин великих сражений проводились в Перми и в местах бывлых боев, где прошла молодость ветеранов, а также в Москве, Ленинграде, Киеве и Минске, Волгограде, в ряде стран, в частности в Польше и Чехословакии, куда приглашались ветераны Перми.

Большую работу в ветеранском движении проводили и проводят Герои Советского Союза Астафьев и Старцев, а также активные участники Великой Отечественной войны – Архипов, Бердников, Вяткин, Гривцов, Девяткин, Железов, Кудрин, Копытина, Каменских, Лобов, Михайлов, Пучнин, Самков, Федоров и многие другие.

В начале 1990 года я перенес инфаркт, и общественную работу мне пришлось оставить.

Итак, я закончил изложение событий раннего детства, юности, предвоенного и военного периода, тяжелых послевоенных лет, освещая события и факты такими, какими они отложились в памяти. Сложнее с описанием событий после 1985 года, так как в оценке их очень много противоречивого. Анализ и оценка событий, поиск правды продолжается.

Срочная служба в довоенный период не имела стольких проблем, с которыми солдаты встречаются сейчас. От армии никто не скрывался. В подразделениях и частях был образцовый порядок. Солдат целенаправленно готовили к выполнению воинского долга. Не было таких случаев, когда военнослужащий расстреливал своих однополчан, похищал их оружие и боеприпасы и уходил в "бега". Оружием военнослужащие не торговали, не способствовали развитию бандитизма, как это имеет место сейчас. Сержанты добросовестно выполняли свои обязанности и являлись основой подразделения, а с началом войны пополняли ряды младшего офицерского состава. Офицеры довоенного периода отличались высокой дисциплиной. Они цементировали армию, являясь примером верного служения Отчизне.

Однако много офицеров накануне войны было репрессировано, большие потери в начальный период войны привели к тяжелым последствиям на фронтах.

Война сплотила армию с народом. В результате почти четырехлетней ожесточенной битвы Победа восторжествовала.

Сравнивая положение армии накануне войны, в ходе войны и особенно в настоящее время, можно смело сказать, что такой армии, какой она должна быть, у нас сейчас, к сожалению, нет. Поэтому наше правительство должно обратить внимание на состояние армии и срочно провести разумное реформирование, а прежних реформаторов и перестройщиков привлечь к ответственности.

Необходимо учесть горький "опыт" 60-х годов, когда началась массовая демобилизация в связи с резким сокращением армии. Было уволено досрочно много толковых, грамотных офицеров, имеющих фронтовую закалку и богатый опыт работы в войсках. Многие из них не имели необходимой выслуги лет и увольнялись без достойной пенсии. Уже тогда в армии начались разброд и шатания, нарушалась дисциплина, проявлялись зачатки "дедовщины".

Положение в армии ухудшалось с каждым годом, и усугубилось оно в ходе войны в Афганистане и Чечне. Особенно следует отметить поспешный вывод из стран Европы Западной группы войск – расхищение больших материальных ценностей, потеря первого стратегического рубежа, нарушение всей системы противовоздушной и противоракетной обороны, а это – уже преступление.

Сейчас много говорят и пишут о том, что армия должна быть вне политики. Однако армия предназначена для защиты своего Отечества, а защита осуществляется, как правило, силовыми методами – войнами. А война есть продолжение политики иными средствами.

Как понимать некоторых политиков, твердивших, что военные, оторвавшиеся от политики, не могли предвидеть развития событий и решать вопросы создания современной армии? Как же понимать тезис наших политиков и военачальников о том, что армия стоит вне политики? Видимо, это сказано для того, чтобы армия выполняла приказ автоматически, не думая, что он противоречит обстановке, здравому смыслу. Если бы наши политики, принимая решение о силовых действиях, оценивали обстановку, как учит военная наука, то афганской и чеченской войн не было бы.

Афганские и чеченские события явились трагедией для всех передовых людей России, видевших, как руководство страны губит народ, армию. Были единицы умных генералов, которые не соглашались с политикой руководства страны, но их убивали с постов и увольняли из армии. В Чечне воевала не армия, а случайно сведенные подразделения из разных округов и родов войск, большей частью не подготовленные к боевым действиям, а отсюда и результаты.

Однако, несмотря ни на что, в некоторых военных округах есть "островки", где поддерживаются порядок и дисциплина. Войска там хорошо подготовлены и соответствуют своему предназначению.

18. 1985-й и другие годы перестройки. Куда мы идем?

1985 год вошел в историю как год начала перестройки, о которой еще много будет сказано в нашей стране, да и во всем мире.

К этому времени обстановка в стране сложилась такой, что честные люди не могли так дальше жить. Вскрытые негативные пласты в истории, политике, экономике и других сферах жизни и деятельности государства свидетельствовали об этом и требовали проведения разумных, научно обоснованных реформ. Но руководители и организаторы перестройки ее как следует не продумали, поэтапно не спланировали, научно не обосновали, и этот перестроечный хаос привел к тому, что мы спустя много лет имеем то, что имеем. Часть высокопоставленных деятелей хорошо устроилась и перестраиваться не желала, эти деятели допустили величайшую ошибку, не желая во^время отказаться от необоснованных льгот и от всего того, что "нахватали". Все это привело к разложению общества, межнациональным обострениям. Ухудшалось положение в Прибалтике, Закавказье, азиатских республиках. Нарушались межнациональные и народнохозяйственные связи.

В Молдавии, в ряде районов Украины и Белоруссии, в Кузбассе и Воркуте начались забастовки, которые еще больше усложнили положение в стране. Вот тогда уже недовольство центром стало помехой в развитии государства. Жесткая позиция власти по отношению к республикам, краям и областям тормозила развитие и постепенно нарушала производственные связи. Нужны были продуманные перестроечные механизмы, способствующие наведению порядка в стране, а не лозунги. Однако порядок и способы перестройки не были продуманы, и перестройка успеха не имела, начала буксовать. На поверхность всплыли многочисленные проблемы, которые должным образом не решались, и положение в стране ухудшалось, государство пошло "вразнос".

Съезды народных депутатов и заседания Верховного Совета не могли изменить к лучшему ситуацию в стране. Вместо принятия радикальных мер многие депутаты начали искать сенсации и выступать с ними перед всей страной, усугубляя и обостряя обстановку.

Наряду с конструктивными предложениями по поводу того, как вывести страну из затянувшегося кризиса, появились высказывания некоторых депутатов, политиков и экономистов явно националистического характера, которые приводили к развалу многонационального государства. Представители прибалтийских республик, Грузии и Армении больше всех шумели о своем бедственном положении, хотя жили они значительно лучше, чем народы Российской Федерации. Россию начали разворовывать все, кому не лень.

Горбачев как президент и правительство Рыжкова не смогли стабилизировать обстановку в стране. Горбачев шел к реформам с большим опозданием, все его намерения были обречены на неуспех. Дав команду на перестройку, он не знал, как это сделать.- Своей непродуманной политикой он показал всему миру свою несостоятельность и неспособность накормить и одеть страну, жить в мире, согласии и дружбе, вызвав протест народа против распродажи России.

Перестройка завела нас непонятно куда. Даже первые лица государства на первых порах не могли точно сказать, к какому обществу мы идем. Появились признаки капитализма без разумных капиталистов, новые деловые люди, которые ничего для своего народа не производят, а посредническими, спекулятивными сделками обогащают только себя и делают все в угоду зарубежному капиталу.

Многие перестройщики не хотят изменений, а некоторые из-за отсутствия таланта не понимают и не знают, как лучше осуществить реформы; все их прогнозы основаны на гадании на кофейной гуще, все делается на авось. Они не хотят понять, что любые решения по улучшению нашей жизни должны быть научно обоснованы и обеспечены материально. Политики, которые определяют нашу дальнейшую судьбу, должны жить жизнью народа, простого люда, а не олигархов.

Некоторые ведущие экономисты предлагают непонятные перестроечные и антикризисные планы, которые не дают эффекта, а все более разоряют и разваливают с помощью темных сил и мафиозных структур наше государство. Появились новые слова, предложения, которые маскируют переход к капитализму в условиях нецивилизованного общества.

А простой народ верит всему, он привык верить своему правительству, а оно (правительство), забыв о своем предназначении, привело страну к хаосу и развалу, к безвластию, дав возможность уголовным элементам направить свои "щупальца" в структуры власти.

Но следует отметить, что среди экономистов есть и такие, которые критикуют систему и методы перестройки. Они считают, что реформаторы, дав команду на перестройку, как следует не продумали способы ее осуществления. Это равносильно армейскому действию, когда некоторые командиры, скомандовав на перестроение, не смогли правильно оценить обстановку и подать правильную (нужную) команду, а подразделения не были обучены действиям. Да и место и время не были правильно изучены и оценены. Поэтому действия руководителей и подчиненных были неправильными и хаотичными.

Ясно, что наше государство нуждалось в срочном и неотложном лечении. Но методы этого лечения никто не определил, так как пока не находятся умные, деловые руководители, способные правильно анализировать обстановку и ставить правильный диагноз. Нужна сложная и опасная "операция". Но у нас толкового, грамотного "хирурга" пока не было, и государство начали "лечить" без всякого научного обоснования, кто как мог. Все дело усугубляется еще и тем, что на теле больного государства появляется несметное количество "бацилл" и "пиявок", которые высасывают кровь, разъедают больные места организма государства и могут привести его к гибели.

Перестройка перевернула многое в нашей жизни, да и в жизни многих стран мира. Начался этап драматических и трагических событий. Случайные люди проникли во власть и губят страну, превращая демократию – народовластие в криминально-буржуазную власть, и отсюда все беды. Негодяи захватили все богатства страны, произведенные руками старшего поколения. "Прихвати-зировав" все ценное и превратив его в валюту, они переводят капитал в зарубежные страны. Для простого, обездоленного люда пока ничего не делается. Социальные вопросы не решаются. О них президент и правительство начали говорить только в последние дни 1995 года.

Перестройка в нашей стране приняла затяжной характер, положение стало кризисным, ситуация – неуправляемой и непредсказуемой. Демократия и гласность привели в движение криминально-буржуазные элементы, которые своими действиями отрицательно влияют на массы. Народ потерял веру в завтрашний день, в будущее страны. Обострение межнациональных отношений в ряде регионов – это плод деятельности коррумпированных элементов, которые разваливают наше многонациональное государство. Либеральное отношение к таким элементам, к преступникам привело к тому, что они распоясались безмерно. Остановить сползание государства к хаосу можно только решительной борьбой против преступников. Пора употребить власть и решительно действовать в рамках конституции и законов.

Пока же, к сожалению, через перестройку общество не обновляется, а наоборот, идет развал государства и расслоение общества, а в части регионов – гражданская война. Забастовки и саботаж, преступность и бандитизм, спекуляция и воровство, проституция и наркомания – вот далеко не полный перечень всего того, что входит в нашу жизнь.

Создается впечатление, что все пущено на самотек. Безвластие и борьба за власть – вот что просматривается во всех действиях власти.

Перестройкой нужно руководить на всех уровнях, и начинать ее надо было с укрепления правопорядка, повышения производительности труда, воспитывать трудолюбие и честность, а затем на этой основе последовательно изменять производственные и рыночные отношения.

Рабочий класс и крестьянство бросились в политику и работать как следует перестали.

Разве могут существовать рыночные отношения без достаточного количества товарной массы? А для того чтобы было много качественного товара, нужны работающие руки и налаженные производственные отношения, а их нет, они разрушены; неразумные экономисты и спекулянты взяли курс на импорт.

Чрезмерная самостоятельность предприятий и отраслей экономики привела к разрушению народнохозяйственных связей, к развалу производства. Производительность труда катастрофически падает, и остановить развал правительству пока не удастся. И поэтому позволительно поставить вопрос, кто же в этом виноват? Иногда создается впечатление, что виновных нет. Так ли это? Можно часто слышать, что виновата мафия и теневая экономика, которые сейчас обожествлены. А может, виноваты правоохранительные органы, которые ушли в глухую оборону и свои задачи не решают. Некоторые ссылаются на то, что старые структуры разрушены, а новые еще не созданы. Кто же так неразумно поступает?

Нам часто приводят в пример западноевропейские страны, которые превратились в страны с высоким уровнем жизни, и говорят о необходимости перенять их опыт. При этом не учитывают стартовые условия и то, что эти страны – цивилизованные государства, где все направлено на удовлетворение нужд людей. В нашем обществе, где очень много алкоголиков и дебилов, добиться каких-либо цивилизованных, демократических преобразований очень сложно. На волне демократических преобразований выплывают криминально-буржуазные структуры и другие антиобщественные элементы, преступники и спекулянты, которые под лозунгом демократии и предпринимательства творят свои гнусные дела, разваливают и разворовывают страну, сеют межнациональную рознь, приводящую к кровопролитию.

Демократическим организациям пора понять, что значительного успеха они могут добиться тогда, когда освободятся от прилипал, накипи и чуждых элементов, которым "чем хуже, тем лучше"; когда они совместными усилиями всех общественных организаций будут в спокойной, деловой обстановке находить компромиссные решения в интересах всего общества.

Спекуляция стала нормой рыночных отношений, никем не контролируемых и даже поощряемых. Многие тысячи молодых парней нигде не работают, занимаются порой преступными делами, спекуляцией, ведут разгульный образ жизни. Некоторые эти деяния называют предпринимательством.

Предприниматели-перекупщики наши магазины доступными товарами не наполнят, путем всевозможных махинаций они обогащаются сами, и им дела нет до простых людей, которые сейчас бедствуют.

Кто же во всем этом виноват, кто вдохновитель этих спекулятивных и преступных элементов, кто создает для них питательную среду? Этот вопрос волнует всех честных людей. И пока не будут даны ответы на эти вопросы и приняты справедливые меры, порядка в стране не будет.

Как же так получилось, что мы отказались от производства своих товаров, разучились работать и стали на путь приема подаяний – посылок из-за рубежа? До какой степени мы опустились, не стыдно ли? Для того чтобы общество хорошо жило, надо всем не просто работать, а "вкалывать", как это делается в цивилизованном обществе.

К сожалению, на начальном этапе перестройки и даже сейчас, спустя уже значительное время, в стране нет твердой власти, а общественные организации ведут между собой оппозиционную политическую борьбу, не помогают решать экономические задачи, добиваться выполнения законов. Правительство Гайдара-3 ничего существенного для стабилизации положения в России и для взаимодействия со странами СНГ не сделало. Действия Гайдара привели к углублению кризиса.

Вскоре Гайдара-3 "убрали" из правительства. Он бросил все и ударился в политику. Болтать легче, чем делать дела. Затем Гайдар-3 "перемахнул" в частный бизнес и в науку, которую начал разваливать. Нужно всем, особенно руководящим органам, понять, что идет распад и расслоение общества. Необходимо правильно оценить сложившуюся обстановку, осмыслить, к чему это приведет, и срочно принять меры. Средства массовой информации пока не всегда помогают решать все злободневные вопросы, а наоборот, способствуют пропаганде сомнительных идей демагогов и болтунов. Глупые рекламы засорили эфир, в эти рекламы втянуты дети. Часто музыка в клипах, наподобие кастрюльного звона и собачьего лая, взвинчивает до предела расстроены нервы людей. Не пора ли покончить с развратом в жизни, на экране и в эфире? Некоторые журналисты ищут сенсаций. Своими непродуманными высказываниями они не способствуют наведению порядка. Рекламные СМИ становятся "средствами массового поражения".

Нападки на армию и военно-морской флот некомпетентными лицами и средствами массовой информации свидетельствуют о том, что и в моральном, и нравственном плане идет разложение, но не дается объективной оценки причин происходящего. Многие не понимают, что армия – детище народа и если в обществе нет порядка, то откуда будет порядок в армии. За состояние армии в ответе весь народ и его руководители. Кого сейчас народ посылает в армию, и как солдаты относятся к службе, всем известно. Открытое нежелание служить в армии, неповиновение, дезертирство, неуставные взаимоотношения – в этом не только вина армейского руководства всех уровней, но и наши с вами провалы в работе с молодежью и в воспитании, да и есть ли сейчас это понятие – воспитание.

Некоторые категории молодежи сейчас воспитываются на спекуляции и преступных действиях под лозунгом предпринимательства.

Разваливать армию и разлагать ее равносильно рубке сука, на котором сидим, и это, к сожалению, многие не понимают. Следует признать, что часть армейского руководства не отвечает требованиям современного этапа жизни. До какой степени дошла армия, если у военнослужащих похищают вооружение и боевую технику, а некоторые военнослужащие воруют ее и продают преступным элементам, тем самым способствуют процветанию бандитизма – первого этапа терроризма.

Нужно срочно провести реформу в армии, сделать армию профессиональной, численность ее должна быть в пределах необходимой достаточности, следует форсировать создание правового государства на конституционных началах с работающими законами.

История – самый строгий судья, она все поставит на свои места. Пока же у нас настоящей армии, какой она должна быть, нет, и это очень печально. Таких деятелей, как П. Грачев, надо убирать подальше от армии, а не поручать им важные дела в НАТО и в государстве.

Куда мы идем, пока не ясно. Ясно пока только одно, что окружение Ельцина, такие как Бурбулис, Чубайс и другие, должно нести ответственность за разворовывание и разбазаривание страны.

Начался новый этап жизни России. Его нужно изучить, оценить и принять соответствующие решения. Если все будет пущено на самотек – наступит бандитско-чиновничий разгул и развал страны. Создается впечатление, что чиновничий аппарат совместно с криминальной буржуазией сколачивают союзы и фракции, которые будут добиваться захвата власти, как в свое время сделал Гитлер.

Когда же депутаты обратят внимание на тех, кто их избрал?

Когда же народ предъявит жесткие требования к тем, кого он выбирал, и начнет отзываться тех, кто не выполняет свои обязанности и предвыборные обещания, а также затевает драки на заседаниях Думы.

Неужели наши правители, политологи и некоторые экономисты, начиная перестройку, не понимали, да и сейчас, спустя значительное время, не понимают, что энергетика, железные дороги, газо- и нефтедобыча и переработка, авиация, оборонная промышленность, да и ряд других важных отраслей, являются кровеносными сосудами государства, и если разрезать их на части, то государство долго не протянет и улучшения жизни трудового народа не наступит.

19. Август 1991-го. Тяжелые месяцы 1993-го. Борьба за власть

Август 1991 года вошел в историю как итог борьбы за власть, итог всего того пути, который был пройден за десятилетия и особенно с 1985 года – с горбачевской перестройки. Августовские события 1991 года называют путчем.

Под пугчем следует понимать государственный переворот, организованный группой заговорщиков. Кто же входил в группу заговорщиков ("гекачепистов")? Это были первые лица в государстве, они были опьянены властью, и поэтому многие считают, что это была не попытка захвата власти, а было стремление удержаться у власти. Но этого они сделать не смогли. В данном случае государственного переворота, затеянного группой "гекачепистов" (как их прозвали), не произошло. Произошел развал государства и приход к власти других структур, не знающих на первых порах, как лучше преобразовать государство.

Надо было строить новую Россию на демократических и человеческих принципах, а не идти на поводу у зарубежных "друзей" Ельцина, которые поставили цель – уничтожить Союз, а затем и Россию ее собственными руками.

Как же это получилось, что первые лица страны (Горбачев, затем Ельцин) сейчас барствуют, не отвечают за развал государства и приход к власти криминальной олигархии. Пора привлечь их к ответственности, как это сделано в ряде демократических государств. Многие не понимают, что прежние структуры горбачевской власти не смогли преобразовать, создать государство на демократической основе, как замышлялось перестройкой. Новые силы не нашли компромиссных решений и, естественно, начали проявлять недовольство существующим режимом. Старые структуры в это сложное время не сумели в спокойной деловой обстановке найти пути преобразования власти, добиться того, чтобы она соответствовала сложившимся условиям. Цепляясь за обломки разваливающегося государства, они пытались силой, с помощью армии, КГБ, МВД удержаться у власти.

Все оппозиционные партии и движения не смогли консолидироваться и работать в одной упряжке, не могли добиться согласованных действий, способствовали развалу государства. Попытка старых властей нанести удар по зарождающейся демократии привела в движение демократические силы, которые еще ничего разумного не сделали для улучшения жизни народа. К ним примкнули все те, кто не хотел работать, а спекулятивными и криминальными действиями обогащал только себя.

Горбачев – президент, первый разрушитель страны, самоустранился от управления, дав повод для развала государства.

Ельцин использовал нерешительность Горбачева, начал искать пути прихода к власти в России, и это ему удалось сделать. Он продолжал разрушать государство.

Вся эта борьба за власть была неизбежной, и началась она еще в период царского правления. Некоторые сейчас пытаются обелить царизм, забыв о том, что именно царь и царизм держали Россию в крепостничестве, привели Россию к событиям 1904 и 1905 годов (поражение в войне с Японией и Кровавое воскресенье 9 января 1905 года в Петербурге); 1912 и 1914 годов (расстрел на Ленских приисках и империалистическая война).

Да и к революции 1917 года. Не только царь, а и капиталисты, фабриканты, помещики и дворяне способствовали этим потрясениям. Корни октября 1917 года надо искать в Петровских временах, в проникновении в Россию западных идей.

Если все катаклизмы, связанные с октябрём 1917 года, сравнить с итогами горбачевской перестройки (к чему она привела, да еще приведет), то можно сделать вывод, что в феврале и октябре 1917 года, по сравнению с апрелем 1985 года, был сделан шаг к лучшей жизни простых, работающих людей, но это был только шаг, который по известным причинам не имел демократического развития.

1985 год был годом начала разрушения государства, крушения судеб миллионов людей, громадных людских потерь. Метод проб и ошибок свойственен нецивилизованному обществу и его нецивилизованному руководству. Ельцин в своей деятельности часто допускает ошибки, проявляет горячность, этим самым теряет авторитет. Нарушено взаимодействие между законодательной и исполнительной властями на всех уровнях. Властные структуры также допускают ошибки. Не пора ли Конституционному Суду привлекать к ответственности популистских реформаторов?

Пока экономические проблемы с трудом решаются, правительство не находит взаимопонимания с парламентом, "акулы" рыночных отношений, олигархи, мафиозные структуры, да и некоторые предприниматели, среди них большинство перекупщиков и спекулянтов, запустили свои руки в карманы рабочих и крестьян, в закрома государства, беспощадно грабят и разоряют все и вся. А правители наши, не замечая этого, недоумевают: "Куда деваются деньги?".

Забыты два поколения, растерзанные коллективизацией и репрессиями, войнами и голодом, продолжают непродуманные реформы, которые пока что ведут к развалу государства.

Может ли существовать и процветать государство без четко отлаженного механизма власти, умело и решительно действующих правоохранительных органов, умной экономической политики и налаженных экономических связей сверху донизу? Конечно, нет! Поэтому у нас хаос, разложение, распад государства, а в некоторых регионах – гражданская война. И все это проходит под флагом перестройки, которая необходима была для россиян, так как жили они не лучшим образом.

Все сейчас опьянены свободой, не зная, что это такое. Свобода взрывоопасна, поэтому ею нужно умело распорядиться. Свобода – это не вседозволенность, а повседневный упорный труд, умение хорошо делать свое дело и уважать труд других, труд в целях улучшения жизни всего общества. Свобода основана на уважении. Свобода – это значит жить и творить по принятым законам, не шараться в крайности, разбираться, что хорошо и что плохо, не бросаться сломя голову в неизвестное. Необходимо учитывать особенности российской действительности, не допускать разнузданности нравов под предлогом свободы.

Свобода и подчинение – это разумные деловые взаимоотношения и взаимодействие партнеров, основанное на законах, направленные на улучшение благосостояния всего народа.

Голодный человек не может быть свободным. Голодный человек очень опасен. Говоря о свободе, надо в первую очередь предоставить человеку возможность работать производительно, а не быть рабом. Человек должен получать за работу достойную зарплату, а пенсионеры – пенсию.

Подводя итоги, следует сказать, что перестройка, начатая в 1985 году, переросла в дикую контрреволюцию, при которой темные силы привели к власти криминальную буржуазию, а она, в свою очередь, "убрала" Горбачева. В Беловежской пуще Ельциным были подписаны документы, приведшие к развалу Союза и созданию мифического СНГ. Этот союз ничего, кроме конфликтов, войн, развала государства и обнищания основной массы трудового народа не дал, а это очень опасно.

В 1992 и 1993 годах положение в стране продолжало ухудшаться. Все ветви власти вели между собой борьбу. Двоевластие не могло долго продолжаться. В России начала назреть революционная ситуация. Президент обязан был организовать взаимодействие между ветвями власти, между субъектами федерации, умело направлять деятельность властных структур для решения главной задачи: вывести страну из кризисного состояния и создать благоприятные условия для улучшения жизни всех россиян. Однако такого взаимодействия Ельцин наладить не смог. Он начал допускать непростительные ошибки, которые привели к конфронтации с Верховным Советом. В свою очередь, Верховный Совет и вице-президент вступили в оппозиционную борьбу с президентом. Одни силы начали вести дело к буржуазно-демократической революции под флагом демократии, другие не могли допустить этого. В результате в Москве нарастала революционная ситуация. Митинговая стихия вывела массы на улицу.

Вражда между ветвями власти привела к уличным волнениям, столкновениям с правоохранительными органами, а 3 и 4 октября начались настоящие боевые действия с участием войск. Эти события вошли в историю как октябрьские события 1993 года. Если штурм Зимнего в 1917 году начался после холостого выстрела "Авроры", то штурм Белого Дома в 1993 году начался боевой стрельбой из танковых орудий, что привело к людским потерям. В результате Верховный Совет России был разогнан, и вслед за этим последовал разгон местных советов всех уровней по всей России. Кончилось двоевластие, но продолжалось безвластие с множеством неработающих указов и законов.

Началась спешная подготовка к выборам новых структур власти на переходный период – Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации, состоящий из двух палат: Совета Федерации и Государственной Думы. Вслед за этим активизировалась деятельность всех партий и движений, а их оказалось очень много, и все они, как лебедь, рак и щука, начали "тянуть" российскую государственность в разные стороны. Некоторые начали разъединяться и объединяться. Но пока все эти действия к успеху не приводят.

Формирующиеся блоки и союзы развернули ожесточенную политическую борьбу, забыв о том, что они обещали народу. А народ ждет от них в первую очередь решения экономических проблем, проведения мероприятий по выводу страны из кризиса. Ученые экономисты, к сожалению, не могут дать необходимых советов по экономическим преобразованиям. В их суждениях нет единства взглядов на российскую действительность. В России должна быть контролируемая, управляемая экономика при оживлении производительных сил и производственных отношений. Развивать экономику должно государство, а частный сектор и импорт должны дополнять государственное производство на основе здоровой конкуренции.

Роль государства в осуществлении реформ, приватизации и других мероприятий велика, а у нас в России государство отстранено от этих дел, поэтому в стране царит хаос и беспредел.

Ведь есть же опыт, известно, как Рузвельт вывел государство из кризиса. У нас же произошло разрывывание государственных ценностей безмозглыми приватизаторами и преступное разгосударствление. Большое количество обществ, течений, партий, фракций разрушают устои государства. Если не будет единства и взаимопонимания, Россия из кризиса не выберется.

Многие здравомыслящие люди часто задают вопросы: почему Россия, громадная, могучая Россия, разгромившая коричневую чуму, такая безалаберная, иногда непонятная, почему она не может создать нормальные жизненные условия для простых россиян, которые все отдали для становления государства и государственности?

Почему Россия пошла на поводу у бездарных руководителей и теперь разваливается?

Почему на просторах России льется кровь? Кто отвечает за эти загубленные жизни?

Почему Россия превращается в такую, о которой М. Ю. Лермонтов 160 лет тому назад писал:

"Прощай, немытая Россия –

Страна господ, страна рабов..." и т. д.

Почему Россию разрывывают, а правительство и президент никаких мер не принимают?

Кому это нужно, чтобы миллионы россиян превращались в рабов, нищих и обездоленных?

Почему россияне должны гибнуть на границах других государств и служить на военных базах на территории других государств, вкладывая в строительство этих баз народные деньги? Неужели руководство страны не образумил "опыт", когда было брошено все в Прибалтике, в Европе (на территории Западной группы войск) и т.д.?

Почему и кто развалил производительные силы и производственные отношения? Ведь основа богатства страны – производительный труд, а он с каждым годом сокращается. А это потому, что руководители России не думают обо всех этих "почему" и ничего не делают для блага трудового народа.

Если бы они это делали и решали разумно все вопросы, в стране наступил бы порядок.

Большую ошибку допустили президент Ельцин, его окружение и "прихватизатор века" Чубайс при проведении разгосударствления и приватизации. Они дали возможность бывшим преступникам и мошенникам из зарубежья, а также своим, доморощенным мошенникам скупить по дешевке акции крупнейших предприятий некоторых отраслей народного хозяйства, вывезти ценности за рубеж и стать миллионерами и даже миллиардерами. В это же время государство не может найти деньги на выплату зарплаты и пенсий тем людям, которые своим трудом создавали громадные ценности. Казна России пуста, так как деньги перекечевали в коммерческие банки, к олигархам, предпринимателям-спекулянтам, которые сейчас жируют.

Все народы живут в богатстве и довольствии, только большинство россиян обездолены, ограблены и унижены. В стране много бездомных, а криминальная буржуазия строит себе виллы, особняки, не осознавая того, что в результате их действий возможно повторение 1917 года. Надо менять отношения к трудовому народу, бедным и обездоленным.

Ужасающая разница в зарплатах чиновников (которые сами себе устанавливают их размеры) и рядовых рабочих и служащих. Это свидетельство того, что в России идет расслоение общества на богатых и бедных. Ни в одной стране такого нет, чтобы учителя, врачи, военнослужащие и некоторые другие категории населения бедствовали. Особенно непонятно отношение руководства страны к военнослужащим, да и ко всей армии. Нам сейчас только и не хватает "декабристов", а при таком отношении к армии они могут появиться. Тогда страшно подумать, что может быть.

20. Итоги 1994 года

1994 год не принес ничего конструктивного в преодолении экономического кризиса. Продолжался спад производства в большинстве отраслей.

Некоторые экономисты и политологи из окружения Президента обещали к концу года приостановление спада производства, но, к сожалению, этого не произошло, а произошло непродуманное действие Совета безопасности, руководимого президентом Ельциным, принявшим решение о вводе войск в Чеченскую республику. 11 декабря – день начала военной операции в Чечне. Операция свидетельствовала о том, что властные структуры России потеряли способность здраво мыслить, разумно оценивать обстановку и обоснованно принимать решение.

Три года чеченский кризис нарастал, как раковая опухоль, и никаких мер президент и правительство не принимали. И вдруг силовое давление! Действия бездарных политиков и неспособных руководителей силовых структур привели к войне с многочисленными жертвами. Если чеченский вопрос не будет решен политическими средствами в ближайшее время, он может перерасти в общенациональный российский кризис с возможным распадом Российского государства, как это было в истории, на мелкие княжества.

Чеченский кризис высветил проблемы боеготовности армии. На Грозный были брошены войска, не подготовленные к боевым действиям и не умеющие вести бой в городе. А ведь бой в городе – это бой в особых условиях, требующий по-иному строить боевые порядки, создавать штурмовые группы, ставить боевые задачи, организовывать взаимодействие, боевое обеспечение и материально-техническое снабжение.

Чеченский кризис – позор, и это надолго. Власть, которая его допустила, не способна руководить страной. Читали ли Ельцин и его окружение "Хаджи Мурата" Л. Н. Толстого? Принимая решение на ввод войск в Чечню, они не учитывали национальные особенности характера чеченцев, их историю.

В годы Великой Отечественной войны у нас в полку служили многие солдаты, сержанты и офицеры Кавказского региона и Средней Азии. Большинство из них хорошие, смелые воины, добросовестно выполнявшие ратный воинский труд. Многие были награждены орденами и медалями. Во время традиционных послевоенных встреч ветеранов дивизии, посвященных годовщинам Победы, освобождению Гатчины, Луги, я разговаривал с некоторыми из них. Хорошие впечатления оставили радист Самходов Ю. С. из Грозного, пулеметчик Исрапилов А. И. из Ножай-Юртовского района. Эти участники Великой Отечественной войны плечом к плечу со всеми народами нашей страны вели смертельный бой с фашизмом, а сейчас подверглись жестокому удару российских войск. Оправданы ли такие действия? Давно уже идет эта чеченская война, приведшая к большим потерям и огромным разрушениям.

Боевые действия приобретают характер партизанской войны, и этот конфликт может затянуться на годы.

После буденновских событий появились признаки политического подхода к решению чеченского конфликта. Переговорный процесс пока не дал положительного результата. В переговорах президент Ельцин никакого участия не принимал, хотя он должен был это сделать еще три года тому назад. Ему тогда надо было провести встречу с Дудаевым, по неоднократным просьбам последнего, решить все возникшие проблемы. Но окружение президента не приняло мер по прекращению конфликта. Да и могло ли это окружение что-либо делать разумное?

В стране падает рождаемость, увеличивается смертность, сокращается численность россиян. Из страны вывозятся богатства и сырьевые ресурсы. Осуществляются бредовые замыслы Гитлера, в циркулярах и инструкциях которого было записано: "Надо разработать технику сокращения чужого населения ... Надо взять из России все, что нам нужно". Возникает вопрос, какие силы сейчас выполняют эти планы Гитлера? Задумывалось ли над этим руководство в центре и на местах, новая буржуазия и демократы всех мастей и оттенков?

Неужели не ясно, что создается нецивилизованное, слабое буржуазное государство, не способное навести порядок в стране и позаботиться о работающей массе россиян.

Дать сейчас оценку перспектив развития конфликта сложно. Обстановка в стране становится непредсказуемой. Все это может привести к тому, что центры по разным причинам перестанут подчиняться некоторые субъекты Федерации (области, края) или потребуют большей самостоятельности.

20. 1995 год – год 50-летия Победы

В 1995 году минуло 50 лет – полвека с того дня, когда отгремели победные залпы Великой Отечественной войны. Послевоенное восстановление и "перестроение" проходили в очень сложной обстановке. Были годы подъема и застоя. Люди по-разному относились к событиям, но все заметней наша страна отставала в развитии народного хозяйства от тех стран, с которыми воевала и союзничала.

Причин отставания было много, но они не раскрывались и не устранялись. Положение в стране с каждым годом ухудшалось. Менялись правители, но должного развития в стране не происходило.

В 1985 году началась непродуманная перестройка, в результате которой жизнь основной массы трудового народа только ухудшилась. 10 лет идет вакханалия, это годы конфликтов и кровопролития, развала страны. Появился класс буржуазии, который обогащался только сам. За эти годы страна потеряла свою боевую славу. Из страны, победившей коричневую чуму, она превратилась в сырьевой придаток ряда капиталистических стран. Создается нецивилизованное, слабое, буржуазное государство. Экономические задачи не решаются, идет борьба за власть.

Наряду с продолжающимся экономическим и политическим кризисом обострился чеченский кризис.

Несмотря на сложную обстановку в стране, были проведены большие мероприятия по подготовке к празднованию 50-летия Победы. Много было мнений о том, где и как проводить парад Победы в Москве. Было принято не совсем мудрое решение о проведении парада Победы ветеранов войны на Красной площади, а парада войск и боевой техники – на Поклонной горе. Тем самым единство ветеранов и армии было нарушено.

В Перми майские дни 1995 года ознаменованы многими мероприятиями, которые начали сблизать фронтовиков, ветеранов тыла с молодым поколением. Накануне город посетила дочь маршала Г.К. Жукова – Маргарита Георгиевна, которая возглавляет фонд Жукова. Она встретилась с сотрудниками и студентами нашего университета, рассказала собравшимся о деятельности Г.К. Жукова в годы войны, о его жизни в послевоенный период. В ее манере говорить, взгляде было что-то жуковское.

У некоторых из нас возникло сомнение в том, дочь ли это Г.К. Жукова. В книге Жукова "Воспоминания и размышления" и в других книгах о Жукове ничего не говорилось о Маргарите, фотографий ее не было. Прошли слухи, что она – внебрачная дочь Жукова. Журналисты Пермской студии телевидения, встречавшиеся с ней, конкретно об этом ничего не говорили. Только "Комсомольская правда" вскоре раскрыла семейные тайны Жукова.

Я был приглашен на встречу в университете и рассказал о роли маршала Жукова в Великой Отечественной войне. Как известно, Жуков Г.К. многое сделал для обороны Ленинграда. Противник после наших мероприятий по стабилизации обороны прекратил дальнейшие попытки штурмом овладеть Ленинградом.

Продолжая рассказ о майских днях 1995 года, следует отметить, что администрация области и города, а также районов, советы ветеранов проделали большую работу по налаживанию добрых взаимоотношений, сплочению жителей города. То, что было 9 Мая на площади у драмтеатра, свидетельствует тому.

Накануне и после 9 Мая состоялись торжественные мероприятия на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях. В День Победы, когда проводился парад войск и курсантов военно-учебных заведений Перми, я был приглашен на гостевую трибуну. Твердая поступь парадных расчетов эхом отдавалась в душах ветеранов. И мне вспомнились парады на Красной площади в Москве, в которых я, будучи слушателем академии, неоднократно принимал участие.

По просьбе журналистов Пермской студии телевидения я дал интервью, говорил о значении Победы. Эта беседа транслировалась по телевидению.

После парада руководители области и города пригласили многих ветеранов на прием, который прошел в очень дружественной обстановке. В нас вселилась уверенность в том, что наши руководители и народ наконец-то образумятся и выведут такую громадную по размерам страну из того болота, куда ее завели неразумные политики.

Вместе с тем следует сказать, что, к сожалению, не обошлось без неприятных моментов. Когда группа ветеранов перед началом парада стояла на гостевой трибуне, несколько молодых чиновников протиснулись вперед и встали так, что некоторым из нас, ветеранов, кроме их затылков ничего не стало видно.

В университете в эти дни проводились мероприятия, на которые были приглашены все ветераны фронта и тыла университета. Я вручал юбилейные медали 50-летия Победы ветеранам библиотеки. На следующий день ветеранам управленческих подразделений и отделов вручались медали и подарки.

Основное мероприятие в ПТУ проводилось 5 мая после митинга, на котором мне было предложено выступить, возлагались цветы к памятнику студентам и сотрудникам, погибшим в годы войны. Затем состоялся праздничный торжественный обед. На военной кафедре также была организована встреча, посвященная Дню Победы.

Хотелось бы верить, что празднование 50-летия Победы явилось шагом к сплочению народов для ликвидации кризисных явлений, установлению должного порядка в стране и улучшения жизни трудового народа. Но, к сожалению, некоторые правительственные структуры, президентское окружение не осознали того, что все идет пока к разрухе и гражданской войне.

Это подтверждают события декабря 1995 года, унесшие тысячи человеческих жизней, создавшаяся напряженная обстановка в стране, особенно в кавказском регионе.

К концу 1995 года чеченская оппозиция значительно активизировалась. Переговорный процесс в связи с событиями в Буденновске прерван. Президент и правительство пока не могут найти выход из затянувшегося кризиса. Все больше районов попадают под влияние дудаевских боевиков. Они смогли захватить и долгое время удерживать город Гудермес. Федеральные силы ведут себя пассивно, заняли выжидательную позицию, теряют контроль над ситуацией и несут неоправданные потери.

Политические и военные деятели не хотят понять, что одно дело – вести бой ради правого дела, другое – занять пассивную оборону, непонятно ради чего, проявляют амбиции и забывают о национальных традициях других народов. От понимания целей и задач зависит отношение воина к выполнению своего долга.

Сейчас все больше людей считают, что прекращение боевых действий в Чечне и вывод федеральных войск – одна из главнейших задач современности. Это сохранит человеческие жизни и материальные ценности. В конце 1995 года шагов в направлении прекращения боевых действий не сделано. В новогоднем поздравлении президента эти шаги четко не просматриваются. Россия вступила в 1996 год с продолжающимся конфликтом сторон.

Конец 1995 года войдет в историю России и как год выборов в Государственную Думу (по счету шестую). Особенности подготовки и проведения выборов-95 связаны с тем, что на арену политической борьбы вышли 43 партии, движения, блока, объединения и организации. Появилась даже "Партия любителей пива". Смешно и грустно. Все они вместо того, чтобы объединиться для вывода России из кризиса, начали вести ожесточенную борьбу не только против правительства, президента, но и против других партий. Активизировалась борьба за власть. Эта борьба обрушилась на избирателей. Большинство кандидатов в депутаты ведут широкое наступление на избирателей.

Избирателю тяжело разобраться, кто есть кто. Не совсем понятны цели, задачи и программы многих партий. Большинство из них в разном виде декларируют заботу о народе. Но, как свидетельствует опыт работы прежней Думы (пятой), большинство обещаний депутатами не выполняется.

Народ перестал верить многим кандидатам, и поэтому результаты выборов-95 неожиданные: за коммунистов голосовало 22%; за ЛДПР – 11%, НДР – 10%, "Яблоко" – 7%. Остальные партии не преодолели 5% барьер.

22. Трагедии начала 1996 года. Последующие годы развала России

Январь 1996 года обрушился на Российскую многострадальную землю террористическими действиями дудаевских боевиков в Дагестане (Кизляр, Первомайск); кроме того, пособников чеченцев в Турции (захват российских заложников в Трабзоне) и террориста-одиночки в районе Тюмени.

Дудаевцы начали расширять зону боевых действий. Особенно встревожили всех захват заложников в Кизляре и Первомайске, а также действия по освобождению их. Войсковая операция, проводимая в этом районе, длилась трое суток. В ней принимали участие мотострелковые и десантные подразделения, милиция, подразделения ФСБ ("Альфа", "Собр"), боевые вертолеты и реактивная артиллерия. В ходе операции были большие потери и разрушения. Кроме уничтожения дудаевцев предусматривалось освобождение заложников. А это сделать непросто. Нужны обученные специалисты, а главное, четко организованное взаимодействие и разведка, умелое управление и хорошая связь.

К сожалению, итоги боя подтвердили, что всего этого не было. Поэтому большие потери, и главная задача не была достигнута – главарь банды и многие из его окружения ушли.

Февраль начался бурными митингами в Грозном. Сторонники Дудаева требовали вывода федеральных войск. Митинги принимали угрожающий характер. Создается обстановка, при которой дудаевцы могут захватить власть, и тогда федеральные войска окажутся в очень сложном положении.

В политическом плане февраль – март 1996 года – это начало подготовки к выборам президента России, намеченным на 16 июня. Был дан старт президентским выборам. Создавались десятки инициативных групп, которые выдвинули более 50 кандидатов в президенты. Такое количество выдвинутых кандидатов свидетельствует о расслоении общества, о стремлении очень многих к власти. Но среди этого огромного количества кандидатов в президенты достойных – 4-5 человек, остальные – популисты, болтуны, карьеристы, бездарные личности, воры, которым только "дай порулить".

Активизировал свою деятельность и президент Ельцин. Как бы проснувшись от спячки, он дал согласие повторно баллотироваться в президенты. Он пытается приблизиться к народу, обещая решить вопросы социального плана для основной массы трудового народа, но это пока только обещания. Задержки выплаты зарплаты и пенсий сопровождаются повышением цен на жизненно важные продовольственные товары, на коммунальные услуги. Среди трудового народа и пенсионеров зреет недовольство. Активизировались профсоюзы, они предупреждают о возможной акции неповиновения, могущей привести к печальным последствиям.

6–8 марта 1996 года стали трагическими днями. В эти дни в Грозном погибли работники милиции: 8 пермяков, 10 свердловчан и 10 милиционеров из Нижнего Новгорода. Дудаевцы в упор расстреляли их в центре города.

То, что творилось в этот период, требует тщательного расследования, обнародования действий президента и его окружения. Это надо делать сейчас, а не потом, как у нас принято, чтобы не допустить дальнейшего разграбления и развала России.

Надо взять под надежный контроль деятельность коммерческих банков, структур, олигархов и магнатов.

Как известно, первый тур выборов президента не дал результатов. В лидеры вышли Ельцин, Зюганов и Лебедь. Началась подготовка ко второму туру. Здесь команда Ельцина начала "химичить". Она переманила на свою сторону Лебеда и его избирателей, предложив Лебедю высокий пост секретаря совета безопасности.

Ельцин и его команда вели ожесточенную борьбу за пост президента. В ход пошли миллионы рублей (в прессе появились сведения о том, что какие-то коробки с крупными суммами денег были вынесены из здания Думы ельцинскими сподвижниками). Лебедь в это время играл двойную игру. Ельцин вскоре убрал его с поста секретаря совета безопасности и создал условия для отправки Лебеда подальше от Кремля.

Избрав в 1996 году Ельцина президентом России на второй срок, народ совершил историческую ошибку. Положение страны продолжало ухудшаться. Ельцин не выполнял свои предвыборные обещания. Он начал вести себя как царь, обзавелся множеством дорогостоящих резиденций, перестал работать как следует, а больше лечился, почивал на лаврах и разрушал Россию.

Страна наша продолжала терпеть поражение за поражением, но не от вторгшихся полчищ врага, а от своих безмозглых политиканов, которые, затеяв перестройку, не продумали все основательно. Не были сформулированы задачи на переходный период, преобразования не были материально обеспечены. Действия окружения Ельцина, команды Черномырдина, а также бросок во власть Кириенко на короткий срок углубили кризис, было совершено еще одно преступление против народа.

В России, по выражению американских миллионеров, действует дикий капитализм, который губит страну. Страна разрушается, а президенту Ельцину иностранными советчиками умышленно предлагаются сомнительные и пагубные действия, заводящие Россию в кабалу.

Начавшаяся в 1998 году чехарда с заменой правительства и последовавший в результате этого августовский кризис ввергли страну в новый шок. Кто виноват в этих действиях? За такие действия виновники должны сидеть в следственных изоляторах и тюрьмах, а не разъезжать по заграницам, получать новые должности, наживаться и разрушать страну.

Россиян угнетает еще и то обстоятельство, что Россия из Матери-Родины превращается в мачеху, от которой за рубеж убегают ее дети искать лучшей доли. Появились миллионы переселенцев-беженцев, большинство из них бедствуют. Огромные суммы народных денег выделяются на поддержку переселенцев, но значительная часть этих сумм до них не доходит. Россия продолжает нищать, а олигархи, бандиты, мошенники обворовывают народ.

Следует также отметить, что Россию покидают жулики и воры, которые наворовали народные деньги и ценности страны, перевели их в зарубежные банки и фирмы, обогащаются, продавая Россию.

Почему оказались за рубежом многие банкиры, в том числе и пермские, которые ограбили и обманули вкладчиков; до сих пор они не привлечены к уголовной ответственности и не возвращают народные деньги.

Тяжелые времена переживают народы России, многие отдали силы и здоровье на восстановление народного хозяйства, а сейчас оказались у разбитого корыта. Создается впечатление, что какие-то силы внутри страны, зарубежные друзья Ельцина и его ближайшее окружение планомерно разрушают Россию. Возникает вопрос, почему органы государственной безопасности бездействуют, тем самым способствуя разрушению страны.

Неужели омытая кровью и разграбленная Россия допустит царских наследников к управлению государством? Неужели не ясно, что царизм держал Россию сотни лет в крепостничестве, а на Западе шло бурное развитие. В Англии, например, в это же время (1861 год) строится метро, а в России только принимается решение об отмене крепостного права.

В октябре 1998 года, когда Е.М. Примаков стал председателем правительства, намечается сдвиг в работе этого правительства. Но для успеха нужны согласованные действия всех ветвей власти – правительства, президента и Федерального Собрания. Однако Ельцин самоустранился от организации взаимодействия этих ветвей. Он просто не может этого делать, а все кичится подписанием каких-то законов, указов и т.д. Присутствовать на заседаниях и участвовать в работе правительства, вникать в дела Думы, Совета Федерации он боится, потому что сразу будет видна его неспособность здраво мыслить, принимать разумные решения и организовывать взаимодействие. Нужно уметь работать в одной упряжке.

Народы России должны правильно оценить обстановку и решить, нужны ли нам вообще президенты, а если нужны, то какие. Но упаси Бог от перевертышей, которые рвались к власти, обещая народу благо, а отдали это благо криминальной буржуазии, разорив страну. Такие президенты народу не нужны.

К чему привели страну "безмозглые" политики типа Гайдара-3, Чубайса, Бурбулиса и многие другие олигархи из окружения президента, развалившего к тому же еще и армию, известно всем. В России оказалось много предателей и преступников из числа руководителей всех уровней, которые ставят своей целью личное обогащение за счет государства и народа. До тех пор, пока президент и правительство не будут создавать нормальные условия жизни для нашего народа, а не только для своего окружения, Россия с колен не встанет. Нужны стабильность и доверие народа.

В конце концов Ельцин понял, что он не в состоянии навести порядок в России и управлять ею. Получив большие блага, он подал в отставку, не понеся наказания за развал России. Но в России много толковых людей, которые в тяжелое время создают россиянам нормальные условия жизни и работы, проявляют заботу о простых рабочих и служащих. Есть предприятия и учреждения, которые выстояли в тяжелое время перестройки и успешно решают все поставленные задачи.

Добропорядочные руководители должны передать опыт другим предпринимателям, принять меры, способствующие улучшению жизни основной массы трудовой России, и не допустить возрождения "грабительского дикого капитализма".

Надо разобраться, откуда взялись миллиардные долги у России почти всем странам мира. Кто получал эти деньги и разворовывал? К сожалению, ни Дума, ни правительство ничего разумного пока не делают, а лишь удовлетворяют свои потребности, устанавливая себе громадные оклады и привилегии, льготы, всякие добавки, тем самым снижая уровень жизни народа.

23. Приход Путина к власти

К ставленнику Ельцина Владимиру Владимировичу Путину первое время многие относились настороженно. Наследство ему досталось незавидное.

Ельцин и его окружение ничего разумного ни в политике, ни в экономике не сделали, а наоборот поставили Россию в очень тяжелое положение. Путин это признает, но пытается замалчивать "проделки" Ельцина.

В стране, где социальные вопросы плохо решаются, порядка не будет. Путин это понял и начал принимать меры по улучшению социального обеспечения. Однако повышение цен за 2000 и 2001 годы на товары и продукты первой необходимости опережает мизерное повышение зарплат и пенсий многих россиян.

Наступает новое тысячелетие. Надо надеяться, что Владимир Владимирович найдет силы и окажется способным навести порядок в стране, вывести ее из того болота, в котором мы оказались в результате ельцинских "преобразований", выявить и осудить тех, кто своими махинациями довел до разорения Россию, поставил ее на колени перед Западом.

Множество партий и движений ничего разумного народу предложить не могут – разрушается единство страны.

Надо разобраться в работе "думцев", не пора ли их всех заставить делать разумное, объединительное, работать, а не бегать на заседаниях в полупустом зале между рядами, нажимать на кнопки, ругаться, а в некоторых случаях – драться, больше заниматься экономикой, а не созданием партий и фракций.

Позорно выглядит Дума на заседаниях, транслируемых по телевидению. Президенту надо разобраться и навести порядок в ельцинском и своем окружении, убрать болтунов, подобрать соответствующие кадры.

Августовские события 2000 года, особенно гибель подводной лодки "Курск", свидетельствуют о слабости нашего государства. ВМФ, когда-то образцовый вид Вооруженных Сил, показал свою несостоятельность. Многие сейчас сомневаются в боеспособности не только ВМФ, но и всех Вооруженных Сил.

Путин многое делает для того, чтобы вывести Вооруженные Силы страны из того положения, в котором они оказались в результате непродуманных преобразований. Начали проявляться признаки политической стабильности и объединения гражданского общества.

Но интересы пенсионеров и бюджетников еще должным образом не удовлетворяются.

Мы вступаем в новый век. Пожелаем В. В. Путину навести порядок в стране, пожелаем ему мудрости в решении этой задачи. На первом этапе России надо поднять с колен. Стоя легче двигаться к намеченной цели, Затем следует уметь организовать взаимодействие всех структур власти, субъектов Федерации, партий, решать основные, главные задачи и быстрее двигаться вперед. Россияне "долго запрягают, но потом быстро ездят".

Необходимо осуществлять тщательный контроль за всей экономикой. Найти, разоблачить и наказать тех "деятелей", которые довели россиян до бедственного положения и продолжают их грабить.

Какой это будет век, зависит и от нас – россиян.

А разобраться есть в чем. (Достаточно прочитать "Комсомольскую правду" от 3 марта 2001 года, стр. 5, а также от 14 августа 2001 года, стр.10; от 15 августа 2001 года – стр. 8 и другие публикации).

Приход Путина к власти позволяет в перспективе надеяться на коренные изменения в жизни россиян. Уже заметны его шаги по наведению порядка в России. Но для этого надо всем активно подключаться к этой работе. Но прежде предстоит разобраться, почему первые разрушители страны Горбачев, затем Ельцин сейчас барствуют и не несут ответственности за развал государства, за обнищание основной массы трудящихся страны и приход к власти криминальной буржуазии. Депутаты Думы тоже действуют в своих интересах. Разве это допустимо, чтобы каждый "думец" получал отпускные на каникулы в размере 67 тысяч рублей? Почему нет контроля за расходованием денежных средств?

Пора кончать грабить страну и народ.

Сейчас, особенно после событий 11 сентября 2001 года в США, надо делать все, чтобы не было войны, не надо идти сломя голову в неизвестное. Следует правильно оценить обстановку и, встав с колен, быстрее двигаться к лучшей жизни. Наш президент знает, как это сделать.

Закончить хотелось бы словами Юлиуса Фучика: "Люди, я любил вас, будьте бдительны" и добавить: "Не дайте себя обмануть".

1939

1954

Военная кафедра университета

1972

1978

Празднование Великой

Участники битвы за Ленинград с Э.Пьехой 1985

1995

В дни празднования 85-летия университета

2001

Фрадин Илья Романович
Страницы жизни

Редактор *И. В. Петрова*

Технический редактор *И. В. Хутрик*

Корректор *Г. А. Гусман*

Компьютерная верстка *Г. А. Гусман*

Адаптация для веб *А. В. Пустовалов*

Подписано в печать 25.10.2001. Формат 60x84 1/16.. Бум. офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,21. Уч.-изд. л. 10,4. Тираж 200 экз. Заказ 23.

ИБ № 257

Лицензия ЛР № 020408 от 17.06.97

Издательство Пермского университета
614600. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского университета
614600. Пермь, ул. Букирева, 15